

А.К. НЕФЕДЬЕВА, В.В. ТИХОНОВ

МОСКОВСКИЙ ТРАКТ



Иркутск
ГУК АЭМ «Тальцы»
2010

УДК 94(571.53)
ББК 63.3(2Рос-4Ирк)-2
Н58

Рецензенты:

д-р культурологии *Н.М. Калашикова*,
д-р ист. наук, академик РАЕН *А.И. Мартынов*,
д-р ист. наук *О.М. Рындина*,
д-р ист. наук *Э.И. Черняк*,
канд. ист. наук *В.М. Ветров*

Нефедьева, А.К. Тихонов, В.В.
Н58 Московский тракт / А.К. Нефедьева, В.В. Тихонов; художник
О.Ю. Фролова. — Иркутск : ГУК АЭМ «Тальцы», 2010. — 320 с.
ISBN 978-5-91344-176-8

Книга посвящается жизни русской деревни трактовой зоны Иркутской губернии в XVII–XIX вв. Авторы, характеризуя заселение края, обратили внимание на непрерывность миграционных процессов с северорусской и среднерусской полосы России, что привело к переплетению двух ветвей русской земледельческой культуры. Постепенно адаптируясь к новым климатическим и природным условиям, население создало новые земледельческие и строительные традиции.

Московский тракт оказал большое влияние на развитие промыслов в крае: земледелия, торговли, дворянства и др.

Предназначается для историков, этнографов и всех интересующихся прошлым России.

УДК 94(571.53)
ББК 63.3(2Рос-4Ирк)-2

ISBN 978-5-91344-176-8

© Нефедьева А.К., 2010
© Тихонов В.В., 2010
© Фролова О.Ю., художник, 2010
© ГУК АЭМ «Тальцы», 2010

Введение

Изучение трактовой историко-культурной зоны, представляющей обширный регион юго-западного Предбайкалья, было вызвано практической необходимостью — строительством в АЭМ «Тальцы» экспозиции «Трактовое старожильческое село второй половины XIX – начала XX в.».

Термин «старожильческое село» введен не случайно. Он указывает, что данное экспозиционное поселение должно отразить культуру русских, сформировавшуюся на трактовых землях со времен заселения их русскими — со второй половины XVII до начала XX в.

Обращаясь к проблеме распространения и утверждения русской народной культуры на новых землях, авторы исследования заостряют внимание на следующих вопросах: общность русской народной культуры на всей территории России; этнокультурные связи с учетом миграционных движений как постоянного явления в истории русского народа. Необходимо также выяснить истоки формирования особенностей культурно-хозяйственных традиций данной группы крестьян под влиянием социально-экономических, хозяйственных, демографических, этнических факторов в рамках единой национальной культуры. А для этого следует иметь представление о процессе заселения новых земель, о хозяйственных занятиях новопоселенцев, знать места их бывшего проживания.

Переселяясь на жительство в новые места, русские переносили сюда сложившиеся на родине культурно-хозяйственные традиции, поэтому особенно важно изучить эти традиции и места, откуда прибыли поселенцы. Только в этом случае мы можем рассмотреть в историческом развитии судьбу традиций, завезенных русскими

в Сибирь, их адаптацию к новым природным, климатическим и другим условиям. По этой причине исследование «Трактовое старожильческое село второй половины XIX – начала XX в.» нужно начать с изучения вопроса освоения трактовых земель русскими со второй половины XVII в.

Расширение временных границ исследования было вызвано конкретными обстоятельствами: в современном сибиреведении в обобщающих трудах, таких как «Этнография русского крестьянства Сибири XVII – середины XIX в.» (М., 1981), «Крестьянство Сибири в эпоху феодализма» (Новосибирск, 1982), «Крестьянство Сибири в эпоху капитализма» (Новосибирск, 1983) и др., утвердилось мнение, что основной поток русских переселенцев в Сибирь с XVII в. шел из северорусских областей. Это должно было привести к распространению на трактовых землях северорусских традиций, которые особенно четко должны были проявиться в домостроении и устройстве усадебного комплекса. Однако изучение крестьянской архитектуры, которое мы вели в многочисленных экспедициях с 1990 по 2005 г. по Иркутской области, выявило существенные различия в архитектуре домов, культовых и хозяйственных построек трех историко-культурных зон, заселенных русскими: Среднего Приангарья, трактовой и верхоленской (Качугский и Жигаловский районы).

Дома Среднего Приангарья первой и второй половины XIX в. (крестьян Непомилуева, Серышева, Прокопьева, Московского, находятся в АЭМ «Тальцы») имеют высокий подклет и тяготеют к домам северорусского типа, в то время как дома трактовой и верхоленской историко-культурных зон этого периода строились без подклета. Пол в домах этих двух историко-культурных зон настился от второго или третьего венца от земли. Подобные различия можно было бы объяснить процессом приспособления данных жилищ к новым природным и климатическим условиям, и в связи с этим, казалось бы, вопрос о различиях в архитектуре Среднего Приангарья и двух других вышеназванных историко-культурных зон можно было бы не рассматривать, если бы не одно обстоятельство. В экспедициях в Качугский район нами были обнаружены два дома конца XVIII – начала XIX в.: дом 18 по улице Пуляевской в Верхоленске и дом того же периода неизвестного жителя в заброшенном селе Пуляевском, расположенном по другую сторону р. Лены. В экспедициях по Московскому тракту также были обнаружены дома того же периода. Это, например, дом 100 из с. Бельск,

вывезенный первым архитектором АЭМ «Тальцы» Г.Г. Оранской на территорию музея. Здесь он был отреставрирован и назван «со-тым» — по номеру, под которым числился в селе. Г.Г. Оранская определила, что дом относится к рубежу XVIII–XIX вв. Второй дом из Бельска — Михаила Болотенко, отнесенный архитекторами Центра по сохранению культурного наследия к периоду конца XVIII – начала XIX в. Третий дом конца XVIII в. был найден в с. Мальта (Московский тракт) дореволюционным исследователем архитектуры И.И. Серебренниковым. Дом не сохранился, но его фотография помещена в книге И.И. Серебренникова «Памятники старинного деревянного зодчества Иркутской губернии»¹.

Дом из с. Пуляевского на р. Лене (фото 1) и дом из с. Мальта (трактовая зона) (фото 2) по типу архитектуры близки к северному жилью: высокий подклет, маленькие окна, высоко отстоящие от земли, обрамленные с трех сторон косяками, соединенными в «ус», повалы, украшенные валиками, потолок из накатных бревен.

Дома без подклета из сел Бельск (фото 3, 5) и Верхолениск (фото 4) относятся к типу домов средней полосы России. Вышеперечисленные дома, на наш взгляд, являются вторым поколением домов начального периода освоения русскими Предбайкалья, когда их жилища еще строились в соответствии с традициями тех мест, откуда они прибыли в этот край. Но памятников указанного периода сохранилось слишком мало, и делать вывод из их анализа невозможно. Однако наличие этих памятников все же породило сомнение: действительно ли насельники с севера России были основными поселенцами юго-западного Предбайкалья?

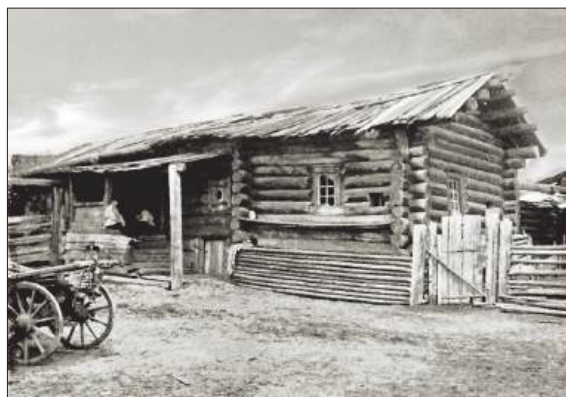
Сомнения еще более усилились после знакомства с работой В. Зоркина «Иркутские градоначальники». В ней автор, опираясь на архивные документы, рассказывает, что «в августе 1647 г. енисейский сотник Максим Перфильев и тобольский пятидесятник Ларька Едомский привезли на р. Лену около тридцати ссыльных семей из центральной России». В это число входили присланные на службу «дети боярские тверичане Сенька Епишев с женой и Ивашка Епишев, человек стрелецкого головы Бегечева Андрюшка Федоров, стрельцы Богдашка Карпов, Гришка Черноус, Мишка Чаколка, Мишка Черныченков с женой, Яков Бронник, Валька Скоробогатый, казанские тюремные стрельцы Дмитрий Трофимов, Семейка Ско-

¹ Серебренников И.И. Памятники старинного деревянного зодчества Иркутской губернии. Иркутск, 1915.

морох и Овдюшка Бочар». На пашню по Чечуйскому волоку были поселены: «калужанин Демка Дуров, подъячего приказа Большого дворца Юрия Блудова человек Ларька Григорьев с женой и детьми» и др. — всего десять человек. Остальные были записаны на службу².



1



2



3

Общеизвестен другой исторический факт — о высылке на р. Лену большой группы запорожских казаков, в Смутное время (1612–1620 гг.) принявших участие в военных действиях на стороне польки Марины Мнишек³.

Стало необходимым обращение к документам XVII в.: только они могли дать ответ на вопрос, откуда прибыли первые переселенцы на трактовые земли и какие культурно-хозяйственные традиции они принесли с собой.

При работе в РГАДА мы ознакомились с писцовой книгой 1686 г., составленной Федором Сверчковым, «Перечень земель, сенокосных и прочих угодий у пассацких, пашенных, монастырских и всякого чина людей в слободах и деревнях Иркутского острога». Писцовая книга зафиксировала результаты ревизии пахотных земель, сенокосных угодий, принадле-

² Зоркин В. Иркутские градоначальники. Иркутск, 2002. С. 4.

³ Красноштанов Г.Б. Существовал ли Тутурский острожек? // Известия АЭМ «Тальцы» (Иркутск). 2006. Вып. 6. С. 70.

жавших казакам, «пассацким» г. Иркутска, а также крестьянам, проживавшим в слободах и деревнях, приписанных к Иркутскому острогу и Вознесенскому монастырю. Проверку сделал Федор Сверчков по приказу енисейского воеводы Степана Афанасьевича Собочина. Власти хотели знать, какие хозяйства имели крестьяне, вели ли они кроме хлебопашества какие-либо другие промыслы, сколько лет прожили на этих землях, откуда и как прибыли сюда.

Данные писцовой книги 1686 г. свидетельствуют о том, что переселенцы из центра России составляли более половины общего количества населения Иркутского воеводства ⁴.

Заселение земель под Иркутском преимущественно среднерусским крестьянством, видимо, было вызвано политическими обстоятель-

⁴ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 941. Перечень земель, сенокосных и прочих угодий у пассацких, пашенных, монастырских и всякого чина людей в слободах и деревнях Иркутского острога. Л. 80–242.

1. Старинный дом, село Пуляевское. Фото Ю.П. Лыхина

2. Старинный дом, село Мальта. Фото И.И. Серебренникова

3. Дом М. Болотенко, село Бельск. Фото И.Ю. Бержинского

4. Старинный дом, село Верхоленск. Фото И.Ю. Бержинского

5. Дом в селе Бельск. Фото из архива первого архитектора АЭМ «Тальцы» Г.Г. Оранской



4



5

ствами. Бельский и Тункинский остроги были поставлены недалеко от границы с монгольскими землями. Эти остроги особенно часто подвергались нападению монголов, недовольных появлением на бурятских землях русских, так как до их прихода монголы, совершая постоянные набеги на приграничные бурятские земли, обогащались за счет бурятских хозяйств: брали в плен женщин и детей, угоняли скот. Недоволен был появлением России на юге Предбайкалья и Китай, планировавший усилить свое влияние на бурятских князьков⁵. Чтобы отвести угрозу войны с Монголией и Китаем, правительству России нужно было в кратчайший срок заселить и освоить полупустынные предбайкальские земли. Добровольных переселенцев (северян) для заселения южного Предбайкалья не хватало. Местное население, приступившее к освоению земель Ангаро-Ленского бассейна, также было не в состоянии выполнить эту задачу. Поэтому правительству пришлось отправить крестьян из средней полосы России для заселения земель под Иркутском принудительно, по государеву указу⁶.

Активные действия правительства по освоению Сибири, сошедшего на поселение несколько групп крестьян из средней полосы России, и вольное переселение крестьян с севера России привели к тому, что в юго-западном Предбайкалье сошлись две ветви русской земледельческой культуры: среднерусская и северорусская, имевшие значительные различия в хозяйственно-культурном типе. Эти различия и были выявлены нами при полевых исследованиях крестьянской архитектуры.

Цель данной работы заключается в том, чтобы раскрыть процесс адаптации переселенцев XVII в. к новым климатическим и природным условиям, выяснить, как повлияли эти условия на развитие земледелия и архитектуры, и указать причины появления новых земледельческих и строительных традиций.

* * *

Начало историко-этнографического изучения Предбайкалья было положено в XVIII в. Второй и Третьей Камчатскими экспедициями, организованными Российской академией наук. В конце XVIII в., по завершении экспедиций, некоторые ученые, принимав-

⁵ Батуев Б.Б. Буряты в XVII–XVIII вв. Улан-Удэ, 1996.

⁶ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 941.



шие в них участие, издали ряд трудов. Среди этих трудов наибольшую известность получил трехтомник Г.Ф. Миллера «История Сибири»⁷. В нем автор дал общие сведения об освоении Сибири русскими до первой половины XVIII в. Ценность работы обусловлена тем, что в ней опубликована часть документов, которые ученый собрал непосредственно в местах пребывания в Сибири.

Для темы нашего исследования — «Старожильческое село трактовой историко-культурной зоны второй половины XIX — начала XX в.» — важное значение имеет работа другого немецкого ученого, С.П. Палласа, «Путешествие по разным провинциям Российского государства»⁸. Путевые записки С.П. Палласа являются единственным известным письменным источником, в котором сообщается о селениях, поставленных по Московскому тракту до 1772 г., времени путешествия ученого по юго-западному Предбайкалью. В записках дается характеристика селений и оценка устроенному Московскому тракту.

В XIX в. продолжилось издание записок путешествовавших по Московскому тракту. В 1827 г. вышла книга А. Мартоса⁹, а в 1851 г. — В. Паршина¹⁰. Путевые записки данных авторов являются свидетельствами очевидцев, в разное время проехавших по Московскому тракту. Таким образом, сведения, оставленные путешественниками о Московском тракте и населенных пунктах на нем, дают современным исследователям представление о дороге и трактовых поселениях с конца XVIII до середины XIX в.

Незаменимыми источниками по изучению быта, хозяйства поселенцев и архитектуры крестьянских построек являются труды исследователей конца XIX — начала XX в. Н.М. Астырева «На таежных прогалинах»¹¹ и И.А. Молодых, П.Е. Кулакова «Иллюстрированное описание быта сельского населения Иркутской губернии»¹². Н.М. Астырев служил писарем в одном из волостных сел, наблюдал жизнь крестьян непосредственно, поэтому досконально изучил ее и высокохудожественно изложил в книге.

⁷ Миллер Г.Ф. История Сибири. М., 2005.

⁸ Паллас С.П. Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб., 1778. Кн. 1, ч. 3.

⁹ Мартос А. Письма о Восточной Сибири. М., 1827.

¹⁰ Паршин В. Описание пути от Иркутска до Москвы. М., 1851.

¹¹ Астырев Н.М. На таежных прогалинах. М., 1891.

¹² Молодых И.А., Кулаков П.Е. Иллюстрированное описание быта сельского населения Иркутской губернии. СПб., 1896.

При рассмотрении социально-экономического облика старожильческого села мы использовали данные коллективного фундаментального труда известных иркутских ученых Н.М. Астырева, И.А. Молодых, М.М. Дубенского, И.И. Стержнева, М.С. Лигкова, А.Н. Ушакова «Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний»¹³. Сочинение было написано на основе полевых исследований и архивных данных и до сих пор является непревзойденным источником описания жизни и быта поселенцев для изучения темы «Материальная культура крестьян юго-западного Предбайкалья».

Большое значение имеет труд В.Е. Писарева¹⁴ «Тулунское опытное поле»¹⁵. Его автор, агроном по образованию, изучил и обобщил земледельческий опыт предбайкальских крестьян, накопленный ими за два с половиной столетия.

В советской историографии первые серьезные работы, посвященные начальному этапу заселения русскими Сибири, были созданы С.В. Бахрушиным. В своей первой крупной работе «Очерки по истории колонизации Сибири в XVII и XVIII вв.» он подробно рассмотрел этапы проникновения русских в Сибирь и пути, по которым оно осуществлялось¹⁶. В следующих работах ученый, обобщив материалы по заселению Сибири, сделал вывод, что главную роль

¹³ Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Иркутск, 1889. Т. 1, вып. 1. М., 1890. Т. 2, вып. 2, 4.

¹⁴ В.Е. Писарев после окончания Академии сельскохозяйственных наук был отправлен на работу на вновь образованную в Иркутской губернии Тулунскую опытную станцию. Начало его работы здесь совпало с природным бедствием. Ранние июльские заморозки 1912 г. убили зерновые культуры. Особенно пострадала пшеница, семена которой заменить было невозможно, так как европейские сорта обладали длительным вегетационным периодом и не были приспособлены к короткому лету Иркутской губернии. Перед В.Е. Писаревым была поставлена задача в короткий срок вывести сорт пшеницы, пригодный для данных климатических условий. К 1916 г. новый скороспелый сорт с улучшенными свойствами зерна был выведен. При работе агроном изучил крестьянский опыт земледелия, выяснил прародину выращиваемого ранее сорта пшеницы. В дальнейшем, в советское время, за выведение новых высокоурожайных твердых сортов пшеницы он дважды был удостоен звания Героя Социалистического Труда, долгое время возглавлял в Москве Академию сельскохозяйственных наук. Умер в Москве в преклонном возрасте.

¹⁵ Писарев В.Е. Тулунское опытное поле. Иркутск, 1916.

¹⁶ Бахрушин С.В. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII–XVIII вв. М., 1927.



в освоении Сибири сыграло торгово-промышленное население, и низко оценил деятельность правительства, которое, по его мнению, являлось запоздалым регулятором массового народного движения. Если с оценкой деятельности правительства, высказанной С.В. Бахрушиным, можно в какой-то степени согласиться, то признать главенствующую роль торгово-промышленного капитала в освоении Сибири невозможно. Промысловые люди (охотники на пушного зверя) не решали проблемы развития производительных сил Сибири, а значит, не могли быть ведущей силой в освоении края.

Новый взгляд на историю освоения Сибири принадлежит В.И. Шункову, направившему свое внимание на изучение истории русского земледелия в Сибири. В «Очерках по истории земледелия Сибири (XVII в.)» он сформулировал свой главный вывод: «русский крестьянин... с его вековыми земледельческими навыками совершил в доступных для феодального общества формах подлинный переворот в деле использования земельных богатств Сибири» и доказал, что именно крестьянам принадлежала ведущая роль в освоении Сибири и прочном присоединении ее к России¹⁷. Историки В.Н. Шерстобоев¹⁸, В.Н. Александров¹⁹, используя документы местных и центральных архивов по Илимскому и Енисейскому воеводствам, подтвердили и расширили выводы В.И. Шункова о решающей роли крестьянства в освоении Сибири.

Все эти выдающиеся исследователи культуры и быта русского населения Сибири, основываясь на архивных документах XVII и начала XVIII в., пришли к выводу, что главный поток переселенцев этого периода в Енисейскую и северную часть Иркутской губернии шел с севера России. Однако никто из ученых подробно не остановился на изучении заселения и освоения русскими юго-западных земель Иркутской губернии. Наиболее значимыми работами по данной теме являются труды В.В. Покшишевского²⁰ и В.В. Воробьева²¹. Труд В.В. Воробьева богат статистическими данными, необходимыми для анализа темы.

¹⁷ Шунков В.И. Очерки по истории земледелия Сибири (XVII в.). М., 1956.

¹⁸ Шерстобоев В.Н. Илимская пашня. Иркутск, 2001. Т. 1, 2.

¹⁹ Александров В.Н. Русское население Сибири. XVII – нач. XVIII вв. М., 1964.

²⁰ Покшишевский В.В. Заселение Сибири. Иркутск, 1951.

²¹ Воробьев В.В. Формирование населения Восточной Сибири. Новосибирск, 1975.

Наше исследование истории заселения юго-западных земель Предбайкалья, основанное на архивных документах и полевых наблюдениях, подтвердило выводы, сделанные в свое время В.В. Покшишевским, о поэтапном заселении Сибири, при котором местные жители могли осваивать новые земли через 70–100 лет после своего поселения в Сибири. Так, русское население, расселившееся на землях Ангаро-Ленского бассейна с 1630-х гг., на иркутско-оекских землях со второй половины XVII в., через 100 лет смогло выделить часть семей для заселения и освоения юго-западных земель Предбайкалья и Забайкалья, когда у них на первоначальных местах поселения уже родилось четвертое поколение.

Публикация В.М. Кабузана и С.М. Троицкого «Новые источники по истории населения Восточной Сибири в XVIII в.» ввела в научный оборот данные III и IV ревизий, результаты которых зафиксировали места выхода переселенцев XVIII в. Благодаря этим данным выяснилось, что в 60–70-х гг. XVIII в. количество сосланных в Иркутскую губернию из средней и южной России превысило количество вольных переселенцев севера России ²².

Выводы, основанные историками на архивных документах, подтверждаются филологами, изучавшими особенности русского говора в селах Московского тракта. Среди работ этого направления выделяется труд известного ученого А.Д. Григорьева «Устройство и заселение Московского тракта в Сибири с точки зрения изучения русских говоров» ²³.

Сибирские ученые советского периода значительно расширили тематику вопросов по изучению материальной культуры населения Сибири. Так, Е.А. Ащепковым была впервые дана общая картина развития архитектуры Сибири в дореволюционное и советское время ²⁴. Автор выявил также основные особенности сельской застройки.

В настоящей монографии были использованы полевые материалы, собранные авторами в этнографических экспедициях при обследовании селений трактовой историко-культурной зоны. Работа

²² Кабузан В.М., Троицкий С.М. Новые источники по истории населения Восточной Сибири в XVIII в. // Советская этнография. 1966. № 3.

²³ Григорьев А.Д. Устройство и заселение Московского тракта в Сибири с точки зрения изучения русских говоров // Известия института исследования Сибири. Томск, 1921. Вып. 6.

²⁴ Ащепков Е.А. Деревянное зодчество Восточной Сибири. Новосибирск, 1950.



велась с 1990 по 2005 г. Были исследованы районы, расположенные близ тракта: Шелеховский, Усольский, Черемховский, Иркутский, Аларский, Заларинский, Зиминский, Куйтунский, Тулунский и Нижнеудинский. По административному делению XIX в. эти районы составляли часть Иркутского, Балаганского и Нижнеудинского уездов.

В экспедициях изучались культура и быт не только старожильского населения трактовой зоны, но и населения переселенческих сел Тулунского, Нижнеудинского, Зиминского и Заларинского районов, которые были основаны на этих землях в начале XX в. в ходе проведения столыпинской реформы. Материал, собранный в переселенческих селах, помог глубже проникнуть в проблему процесса адаптации первопоселенцев XVII в. к новым климатическим и природным условиям, выяснить, как повлияли эти условия на развитие земледелия и архитектуры, и понять причины появления новых земледельческих и строительных традиций.

И все же полевые материалы не дают возможности в полной мере раскрыть все аспекты исследования, особенно вопросы, связанные с периодом первоначального заселения и освоения юго-западных земель Предбайкалья. Поэтому было необходимо обратиться к архивным источникам и изучить их. В работе использованы документы центральных и местных архивов. Это следующие фонды Российского государственного архива древних актов (далее РГАДА): ф. 214. Сибирский приказ; ф. 199. Портфели Г.Ф. Миллера; ф. 350. Ревизские сказки; ф. 1350. Ландратские книги и ревизские сказки; ф. 1121. Иркутская приказная изба. В Государственном архиве Иркутской области (далее ГАИО) изучены документы губернских и волостных учреждений: фонды 24, 31, 32, 293 и 603. Была использована также книга «Перечень населенных пунктов в Иркутской губернии» (Иркутск, 1911) из редкого фонда Научной библиотеки ИГУ.



ХАРАКТЕРИСТИКА ТРАКТОВОЙ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЙ ЗОНЫ:

территория, полезные ископаемые,
природные и климатические условия

Границы трактовой историко-культурной зоны определяются с запада р. Бирюсой, протекающей по современному Тайшетскому району, с востока — восточной границей современного Иркутского района Иркутской области. По центру этой зоны с запада на восток проходят Московский тракт и железная дорога. Северная и южная границы зоны отстоят от Московского тракта на 25–30 км. Территория зоны значительно расширяется в долинах рек, пересекающих ее. На юге граница выходит к верховью р. Зимы, притоку р. Оки, затем идет по р. Ирети к р. Белой, с нее по долине р. Иркуты и заканчивается в с. Введенщина Шелеховского района. На севере зона ограничивается землями Балаганского, Черемховского, Аларского, Заларинского, Зиминского, Тулунского, Нижнеудинского и Тайшетского районов. Таким образом, территория трактовой историко-культурной зоны занимает вдоль тракта полосу шириной 50–60 км, значительно расширяется в долинах рек Белой, Оки, Китоя, Уды, с юга в некоторых местах почти подходит к подножью гор Восточного Саяна, а с севера — к полотну железной дороги Тайшет–Братск. Протяженность трактовой зоны с запада на восток равна примерно 600 км.

Трактовая историко-культурная зона представляет собой территорию земель, освоенную русским старожильческим населением с середины XVII до начала XX в. За длительный период освоения этих земель под влиянием климатических, природных и социально-экономических условий сложилась земледельческая культура,



Река Иркут. Фото Н.И. Гошкин

которая во многом совпала с сельскохозяйственной культурой других регионов Иркутской области, заселенных русскими, но в то же время имела значительные отличия. Этот факт и позволяет выделить данную территорию в отдельную историко-культурную зону. Ее основные особенности — это товарное производство зерна, подвижный образ жизни крестьян, связанный как с сельскохозяйственной деятельностью, так и с разными другими промыслами — торговлей, извозом, охотой, рыболовством, содержанием постоянных дворов.

Трастовая историко-культурная зона занимает юго-запад Средне-Сибирского плоскогорья, точнее Иркутско-Тулунскую равнину, возвышающуюся над уровнем моря на 300–500 м¹. Ровность территории нарушается пологими и низкими холмами, глубоко разрезанными долинами многоводных рек: Китоя, Белой, Оки и др. В Нижнеудинском районе холмы переходят в отроги горного хребта Восточного Саяна, покрытые дремучей вековой тайгой. Разнообразие рельефа — степи, перелески, леса, полноводные реки — делает местность необыкновенно привлекательной и живописной.

Территория трастовой историко-культурной зоны имеет наклон

¹ Бояркин В.М., Бояркин И.В. География Иркутской области. Иркутск, 2007. С. 28.



Речка Буринка. Фото А.К. Нефедьевой

на север и занимает часть бассейна р. Ангары, которая является одной из главных рек Иркутской области. Ангара берет начало из Байкала под 52° северной широты и между 74 и 75° восточной долготы в 72 км от Иркутска. Она протекает по области с юго-востока на северо-запад, орошая Иркутский округ, середину Балаганского, северную часть Нижнеудинского и часть Киренского округов (по дореволюционному административному делению). За пределами Иркутской области Ангара впадает в Енисей. Ангару отличает быстрота течения. Наибольший уровень подъема воды в ней наблюдается поздней осенью перед рекоставом, наименьший — в апреле-мае². До строительства Иркутской ГЭС глубина Ангары до Иркутска составляла более 6–10 м, у Братска — более 20 м. Река из-за порогов несудоходная. Правый берег ее в районе трактовой историко-культурной зоны высокий, гористый и большей частью обрывистый; левый незаметно переходит в плоскую возвышенность равнинного характера, на этой возвышенности чередуются луга, перелески, пашни, заимки, деревни, села и города. С левой

² Атлас Иркутской области. М.; Иркутск, 1962. С. 67.



стороны в Ангарагу впадают крупные реки Иркут, Китой, Белая, Ока и Уда, долины которых были заселены русскими с XVII–XVIII вв. К концу XIX в. долины этих рек были освоены в большей степени, чем другие земли Иркутской губернии. С правой стороны в Ангарагу впадают реки Ушаковка, Куда, Илим. Долины двух последних рек были также плотно заселены, а земли их — наиболее разрабатаны. Кроме названных больших рек на территории трактовых земель есть множество ручьев и мелких речушек, обеспечивающих ей водное изобилие³.

Территория трактовой зоны богата полезными ископаемыми. Первое место по запасам сырья занимает Иркутское месторождение каменного угля. Оно простирается от Иркутска на северо-запад до г. Нижнеудинска. Общие запасы угля составляют 180 млрд т⁴. Они залегают близко к поверхности земли в виде плас-

³ Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Иркутск, 1889. Т. 1, вып. 1. С. 35.

⁴ Бояркин В.М., Бояркин И.В. Указ. соч. С. 32.



Болото в окрестностях села Узкий Луг. Фото А.В. Слестного

тов мощностью от 0,6 до 20 м, что дает возможность добывать их открытым способом. По качеству эти угли — длиннопламенные, малозольные, с высокой калорийностью.

В трактовой зоне находится одно из крупнейших в мире месторождений магнезитов — Савинское. Расположено оно в верховьях р. Белой на речке Савинке ⁵. Магнезиты применяются в черной металлургии, в производстве огнеупоров, цемента, керамики, бумаги, удобрений, лекарств и т. д. Неисчислимы здесь запасы каменной соли. Наиболее известные месторождения — Усольское, Тыретское, Зиминское, где соль залегает на глубине от 500 до 2 000 м ⁶. В районе населенных пунктов Тыреть и Залари находится крупное месторождение гипса. Мощность пластов 10–18 м. Гипс используют в строительстве, медицине и химической промышленности.

В горах Восточного Саяна между реками Уриком и Китоем расположено Боготольское месторождение графита, разрабатывалось с 1848 г. датским промышленником Алибером. По всему тракту распространены глины. Огнеупорные глины Трошковского месторождения явились базой для Хайтинского фарфоро-фаянсового

⁵ Бояркин В.М., Бояркин И.В. Указ. соч. С. 36.

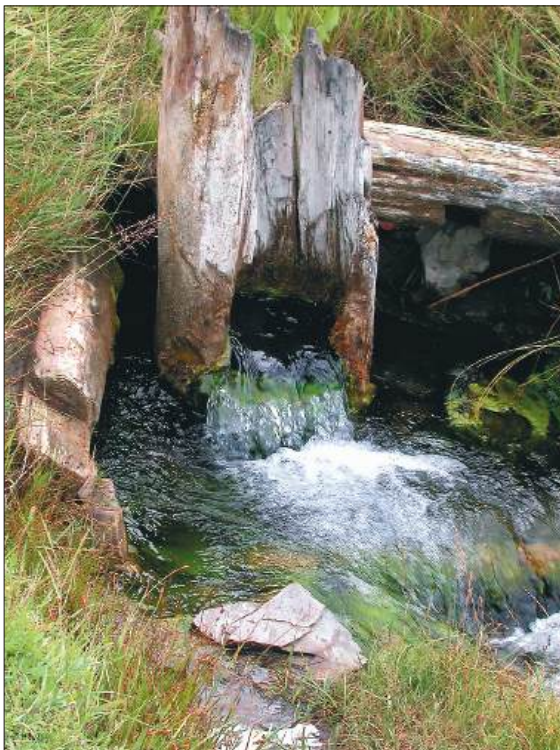
⁶ Там же. С. 37.

завода, основанного в конце XIX в. На территории трактовой историко-культурной зоны широко распространены также гравийно-песчаные смеси. На базе кварцевых песков в трактовой зоне уже в XVIII в. развилось стекольное производство.

В конце XIX – начале XX в. из перечисленных полезных ископаемых, найденных и изученных к настоящему времени, известны были только месторождения соли, кварцевых песков, каменного угля, глины и графита. Все эти полезные ископаемые стали эксплуатироваться русскими по мере освоения края ⁷.

Климат Иркутской области формируется под влиянием солнечной радиации, поступающей на земную поверхность, циркуляции воздушных масс и водооборота, а также подстилающей поверхности земли. Тесное взаимодействие данных факторов определило резко континентальный климат с холодной продолжительной зимой, малым количеством осадков, относительно теплым и влажным летом, короткими переходными периодами от зимы к лету и от лета к зиме, с редким для данных широт России количеством часов солнечного сияния.

Воздушные массы зимнего Азиатского антициклона отмечаются высокой плотностью, прозрачностью, малой подвижностью, что обуславливает в зимний период безветренную погоду, сильные морозы, малое выпадение осадков. Слой снежного покрова незначителен, толщина его в среднем 30–40 см. Неглубокий снежный покров и сильные морозы ведут к промерзанию почвы. Это отразилось на сельском хозяйстве. В Иркутской губернии, в частности в трактовой зоне, озимые хлеба из-за вымерзания



Родник в районе села Узкий Луг.
Фото А.В. Сластного

⁷ Бояркин В.М., Бояркин И.В. Указ. соч. С. 32–38.

высеваются в небольшом количестве, основное развитие получило выращивание яровых хлебов. В течение года преобладают северо-западные и юго-восточные ветры. Среднегодовая температура воздуха на всей территории области отрицательная, для трактовой полосы она равна минус 0,9 °С. Самый холодный месяц — январь, среднемесячная температура минус 20 °С. Наиболее теплый месяц — июль, средняя температура воздуха плюс 18 °С. Максимальная температура воздуха в отдельные дни достигает минус 37 °С. Безморозный период в Иркутской области значительно короче, чем в районах европейской части России, лежащих на той же широте. В трактовой зоне Иркутской области безморозный период длится 80–100 дней, в Минске — 157, в Рязани — 148 ⁸. Несмотря на непродолжительность безморозного периода, в области может вызревать большинство овощных и зерновых культур.

Осадки на территории области выпадают неравномерно. В Иркутско-Тулунской равнине их выпадает от 30 до 40 мм в год, в горах Восточного Саяна — до 650 мм. По временам года осадки также распределяются неравномерно: максимум приходится на июль-август, минимум — на февраль-март. Устойчивый снежный



Восточные Саяны. Фото Н.И. Гошкив

⁸ Бояркин В.М., Бояркин И.В. Указ. соч. С. 46.



покров в тракторной зоне устанавливается в начале ноября и сохраняется в течение 160–175 дней. Количество воды, содержащейся в снеге, составляет 10–20 % годовой суммы осадков⁹. Зима длится 180–190 дней. В начале и конце зимнего сезона наблюдаются продолжительные периоды бесснежия, что приводит к сильному вымораживанию почв. Это наиболее неблагоприятные для растений периоды. Весна начинается, когда температура воздуха составляет от 0 до 10 °С. На земли тракторной зоны она приходит в первой декаде апреля и заканчивается в третьей декаде мая. В начале весны почва оттаивает на глубину 10–20 см. Для весны характерны увеличение солнечной радиации, неустойчивость погодных условий, небольшое количество осадков. Продолжительность лета — 3–3,5 месяца. Это период, когда среднесуточная температура переходит плюс 10 °С. Первая половина лета обычно засушливая, вторая — дождливая. Во второй период лета выпадает 80–85 % годовой нормы осадков. На реках наблюдается быстрый подъем воды. Осенью среднесуточная температура воздуха переходит от 10 до 0 °С. Осень начинается на тракторных землях 6–9 сентября и заканчивается 15–20 октября. Осенью увеличивается число ясных дней, усиливается прозрачность воздуха, снег выпадает в начале ноября¹⁰.

В рассматриваемой историко-культурной зоне широко распространены серые лесные почвы. К ним относится примерно половина сельскохозяйственных земель этого юго-западного региона области. По механическому составу они средне- и тяжелосуглинистые. Содержание гумуса в них колеблется от 2,5 до 7 %. Почвы широко используются под посевы зерновых. Дерново-карбонатные почвы в тракторных землях занимают второе место после серых почв. Сформировались они на продуктах выветривания песчаников, мергелей, известняков. Механический состав почв — тяжелые или среднесуглинистые с содержанием гумуса от 3 до 10 %. Они обладают высоким естественным плодородием, долго не разрушаются. Местное население называет эти почвы «пшеничными» или «столетними».

Площадь чернозема в тракторной зоне невелика. Черноземные почвы залегают на поверхностях речных террас, подножьях пологих склонов и в днищах крупных впадин. Содержание гумуса в них

⁹ Бояркин В.М. География Иркутской области. Иркутск, 1995. С. 36.

¹⁰ Там же. С. 35.

колеблется от 5 до 10 %. Черноземы распространены в приангарской и куйтунской лесостепях и дают самые высокие урожаи зерновых культур. Лугово-черноземные почвы, в отличие от черноземов, занимают более низкие террасы, долины, днища падей и нижние части склонов, встречаются небольшими участками, их структура пылевая. Гумусовый горизонт мощный — 50–60 см, имеет низкое плодородие. В народе такие почвы называют «пыхунами». К особенностям почв трактовой зоны нужно отнести их мелкоконтурность, пониженный температурный режим из-за глубокого промерзания и медленного оттаивания, недостаточное увлажнение из-за небольшого количества осадков и весенних вод. Почвы подвержены ветровой и водной эрозии ¹¹.

Большая часть земель трактовой зоны входит в лесостепной комплекс. От лесостепей Западной Сибири земли Восточной Сибири отличаются большей облесенностью и меньшей увлажненностью. Лес представлен сосновыми, сосново-березовыми перелесками. Под пологом леса широко распространены степные виды растительности. Часть земель Нижнеудинского и Тайшетского районов входит в состав так называемой южно-таежной подзоны. Южно-таежная подзона более разнообразна по видовому составу леса: сосна, кедр, пихта, ель. В подлеске южно-таежных лесов насчитывается более 16 видов кустарников. Обилен травянисто-кустарниковый ярус. В нем до 146 видов растений ¹².

В целом, как следует из анализа природно-климатических условий, земли юго-западного Предбайкалья пригодны для проживания людей, занятия сельским хозяйством, развития промышленности и торговли.

¹¹ Бояркин В.М., Бояркин И.В. Указ. соч. С. 74, 75.

¹² Атлас Иркутской области. С. 82–83.



БУРЯТЫ ПРЕДБАЙКАЛЬЯ:

XVII – первая половина XVIII века

В 1626 г. из Енисейска в бурятские земли был отправлен отряд из 15 служилых людей под командованием атамана Максима Перфильева. На берегу Ангары, недалеко от места, где в нее впадает Ока, они повстречали братских людей и расспросили их о землях, на которых те живут, о путях, ведущих в них, и богатствах, хранящихся в их недрах. Сами казаки рассказали бурятам о русском государстве, о царе, который берет под защиту малые народы, даруя им спокойную мирную жизнь и довольствие. Максим Перфильев, вернувшись в Енисейск, донес государю: «Ждут братские люди твоих государевых служилых людей и хотят тебе великому государю братские люди поклониться и ясак платить и с служилыми людьми торговать»¹.

Сообщение Максима Перфильева ускорило начало походов в бурятские земли казацких отрядов. Уже в 1628 г. в ангарские земли был послан отряд служилых под командованием знамен землепроходца Петра Бекетова. Отряд поднялся по Ангаре, у Братского порога встретил кочующих бурят — князей Кулзуса и Саадая и привел их под государеву руку, взяв с них ясак, «60 соболей, 27 недособолей с пупками и хвостами, одну лисью платину красную»².

Продолжая поход по Ангаре, П. Бекетов встретил князей Кодогоню, Кульзу и Андая и уговорил их перейти со всеми улусными людьми в подданство России³. С этого времени походы русских служилых людей в бурятские земли участились. В 1629 г. в них был отправлен отряд Якова Хрипунова, в 1630 г. — «Вихорки Са-

¹ Зоркин В. Иркутские градоначальники. Иркутск, 2000. С. 6.

² Окладников А.П. Из истории русско-бурятских отношений. Улан-Удэ, 1958. С. 21.

³ Батуев Б.Б. Буряты в XVII–XVIII вв. Улан-Удэ, 1996. С. 33.



Улус-летник. Фото А.К. Нефедьевой

вина да Сидорки Оникиева»⁴. Особо отличился пятидесятник Курбат Иванов, приведя бурят под государеву высокую руку (время походов — 1641–1650 гг.). Подводя итоги своей деятельности, Курбат Иванов донес царю, что за годы походов он «Ивашка собрал ясаку с тунгусов и с братских людей с розных родов 260 сороков соболей, а тот государев ясак с тех новых людей с тунгусов и с братьев по вся годы имали за саблю и за кровью. И привел я, Ивашка, под государеву царскую высокую руку новых не ясашных людей тунгусов с 300 человек, да братцких князей и улусных людей человек с тысячи полторы»⁵.

Несмотря на имевшие место военные столкновения между казаками и бурятскими племенами, переход бурят в подданство России проходил в основном мирным путем. Известны случаи, когда бурятские князцы соглашались платить ясак русскому государю при условии, что на их землях поставят остроги. Таким образом они надеялись прекратить на своей территории междоусобные вой-

⁴ Батуев Б.Б. Указ. соч. С. 35.

⁵ Сборник документов по истории Бурятии. XVII в. Улан-Удэ, 1960. Вып. 1. С. 165.



ны и остановить непрерывные нападения крупных монгольских отрядов на свои земли. От этих набегов бурятские земли опустошались, значительно сокращалась численность населения, хирело хозяйство. Многие бурятские роды были на грани исчезновения. Наиболее дальновидные князцы, понимая, что остановить междоусобные войны и набеги монголов им не удастся, видели выход из положения в том, чтобы присоединить свои земли к России. Так поступили князцы Кулзуз, Саадай, Кодогоня, Андай, приняв приглашение Петра Бекетова войти в состав России под государеву царскую высокую руку. Князец Яндаш также пригласил Якова Похабова построить Иркутский острог в том месте, где Иркут впадает в Ангару⁶. Эта же цель — водворить мир на своих землях — заставляла бурят формировать боевые отряды и вступать в бой на стороне русских при нападении монголов на Предбайкалье. Так, в 1674 г. монгольский тайша Гыхан вторгся в предбайкальские земли, угрожая нападением Иркутскому, Балаганскому, Верхолёнскому, Братскому острогам. Гарнизоны этих крепостей из-за малочислен-

⁶ Шахеров В.П. Форпост в Предбайкалье // Земля Иркутская. 2001. № 6. С. 4.



Западные буряты. Научная библиотека Иркутского госуниверситета

ности и слабой вооруженности оказались в тяжелом положении. На помощь им пришли буряты, пострадавшие от монгольских набегов. Объединенными усилиями русских служилых и бурят Гыхан был разбит, и остатки его войска бежали в Монголию ⁷.

Конец крупным военным набегам монголов на земли Предбайкалья и Забайкалья положил полномочный представитель России, окольный Федор Головин, посланный царским правительством для заключения мира с Китаем и установления границы, которая должна была разделить владения России, Китая и Монголии. Головин прибыл в Селенгинск в сопровождении двухтысячной армии, состоявшей из стрельцов, казаков и промышленных людей и, прежде чем вести переговоры с Китаем, ознакомился с политической обстановкой, сложившейся в Забайкалье. Она в это время отличалась нестабильностью. Монгольские ханы чувствовали себя хозяевами положения, почти непрерывно совершали нападения на российские земли, угрожая то Селенгинскому, то Верхнеудинскому острогам. Головин собрал войско, в которое вошли и бурятские отряды, и в 1688 г. разбил войско табангутского тайши Серен-Секуля в верховьях р. Хилка, а затем в сражениях под Селенгинском, Верхнеудинском и Ильинской заимкой нанес поражение другим

⁷ Батуев Б.Б. Указ. соч. С. 44.

монгольским тайшам⁸. С этого времени, т. е. с конца XVII в., бурятские земли вошли в состав Российского государства. Буряты первоначально кое-где оказывали сопротивление русским, но, познотившись с ними ближе, решили добровольно войти в состав Русского государства, понимая, что наконец обретут спокойствие и мирную жизнь. Ясак, который они должны были платить Русскому государству, не был для них непосильным бременем: «По заборным ясашным книгам, по прежним древним обыкновениям, з давних лет з братских мужиков береца ясак деньгами по два рубля»⁹. Эти данные относятся к 1731 г. Ясак, который платили коренные жители Сибири Русскому государству, был намного меньше налога, которым облагался русский крестьянин. В остальном же жизнь бурят практически не изменилась: они свободно и как им было свойственно вели свое хозяйство и управляли ими по-прежнему их родовые князцы. Государство не обращало бурят в православие насильно.

Таким образом, жизнь бурят после бесконечных междоусобных войн и непрерывных нападений на их земли монголов при новой власти приняла размеренный ритм, наладился привычный быт, в результате чего значительно возросло поголовье скота — основное богатство бурятского народа. Улучшение благосостояния привело к росту численности населения.

Точных данных о том, какие земли занимали буряты в юго-за-



Юрта. Интерьер юрты. Фото А.К. Нефедьевой

⁸ Кудрявцев Ф.А. История бурят-монгольского народа от XVII века до 60 годов XIX века : оч. М.; Л., 1940. С. 52.

⁹ РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Ед. хр. 481. Ч. 7. Л. 7 об.



Высокогорное пастбище окинских бурят. Фото Н.И. Гошкив

падном Предбайкалье во второй половине XVII в., нет. Но есть сведения, поданные Иркутской канцелярией Г.Ф. Миллеру (1735 г.), где указывалось, что «ясашные иноземцы кочевьями своими кочуют по рекам по Куде, по Китою, по Белой, подле Байкал-моря, в Крестовой пади... Балаганские по рекам Ангаре, по Унге, по Оке, по Китою, по Аларе, да по речке Харюзовке. Тункинские — по рекам Иркуту, по Муруну, по Джиде, да по рекам по Тунке, по Ахалику. Култуцкие — по Джиде, по Зонмуруну рекам, да по речкам по Слюдянку и по Култушной, по Коми, по Утулику, по Снежной»¹⁰. На этих местах, по переписи 1732 г., проживало «в подгородном дистрикте 706 душ мужского пола, в Тункинском — 333, в Култуцком зимовье — 165, в Балаганском — 664, в Ыдынском остроге — 552 д[уши] мужского пола»¹¹. По родам эти цифры распределялись следующим образом: «в Иркутском дистрикте проживало 23 рода численностью: Буяновского роду — 31 человек, Абаганацкого роду — 37, Ишехабитского роду — 21, Харакушеского роду — 21, Бабаевского роду — 20, Абызаевского роду — 9, Чернорудского роду — 29, Баяндаевского роду — 4, Ользонского роду — 6, Розтунского роду — 1, Дурлаевского роду — 1, Ангунского роду — 3, Хамкаевского роду — 183, Киркуцкого роду — 24, Абицинского

¹⁰ РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Ед. хр. 481. Ч. 7. Л. 6–6 об.

¹¹ Там же. Л. 7.

роду — 9 человек, Конгодорского роду — 19 человек, Чечулицкого роду — 24, Конхадурского роду — 53, Хоходурского роду — 100, Косходурского роду — 81, Согоецкого роду — 20, Зонгорковского роду — 8, Тыртеевского роду — 2 человека». К Балаганскому острогу было приписано 12 родов: «Кунмецкого роду — 99 человек, Шаракуцкого роду — 21, Быкоцкого роду — 43, Ноецкого роду — 28, Зунгорского роду — 34, Хогоева роду и Хинтубаева роду — 68, Олзоева роду — 103, Муруева роду — 75, Икинацкого роду — 46, Онгоева роду — 78, Боролдаевского роду — 30 человек». К Идинскому острогу было приписано восемь родов: «Ноецкого роду — 41, Бириева роду — 46, Онгоева роду — 151, Оиктоева роду — 36, Хунтубаева роду — 48, Янгутского роду — 41, Гонченского роду — 110, Шариндаева роду — 37 человек». К Тункинскому острогу было приписано пять родов: «Тыртеевского роду — 48 человек, Хойгутского роду — 45, Куркуцкого роду — 33, Конгодурского роду — 128, Сысолицкого роду — 24 человека»¹².

Перепись не дает ответа на вопрос, сколько проживало в этих местах неясчных бурят, но нет сомнения в том, что такие бурятские роды были. Об этом, в частности, свидетельствуют рассказы жителей об основании Барлукской слободы. Они рассказывают следующее предание о возникновении своего поселения: «Группа казаков, возглавляемая Тирских, следуя из Братска, поднималась на судах по реке Оке. Из-за поворота, который делала в этом месте река, им открылся пологий безлесный берег. На нем стояли бурятские юрты.

Казаки пристали к берегу для объясачивания бурят. Но последние, дав при разговоре согласие на уплату ясака, ночью, пока казаки отдыхали на своих судах, тихо снялись с места и скрылись в балаганских просторах. Утром, проснувшись, казаки не смогли найти бурят и образовали на месте схода с судов на берег р. Оки в 1679 г. Барлукскую заставу» (рассказчица — зав. школьным музеем с. Барлук Ольга Генриховна Шпаковская). Застава получила



Бурятский летник на высокогорном пастбище.
Фото Н.И. Гошкив

¹² РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Ед. хр. 481. Ч. 7. Л. 22–25.

название от речки Барлук, впадающей в этом месте в Оку. Основанием устроить здесь заставу послужила открытая местность, на которой все проезжающие были видны как на ладони. (Данный факт засвидетельствован в книге И.И. Серебренникова ¹³.)

По ревизским сказкам 1762 г., бурят в Иркутском дистрикте проживало 4 038 душ мужского пола, в Тункинском — 4 192, в Балаганском — 2 604, в Идинском остроге — 2 483, что вместе составило 13 317 душ мужского пола ¹⁴. Стремительное увеличение бурятского населения, зафиксированное ревизией 1762 г. по сравнению с данными 1732 г., свидетельствует о том, что, во-первых, не все буряты в 1732 г. были объясачены, во-вторых, некоторые бурятские роды, покинувшие родину во время столкновения с казаками, вернулись на свои родовые земли, в-третьих, у бурят увеличился естественный прирост населения в связи со спокойной устойчи-

вой мирной жизнью, которая установилась на их землях с конца XVII в.

В 1692 г. Избрант Идес, следовавший по поручению русского правительства в Китай, проезжая через бурятские земли от Балаганска до Иркутска, оставил описание быта бурят: «На холмах и в долинах живет много бурят, которые весьма богаты рогатым скотом, длинношерстными быками и коровами. Все они (буряты) имеют весьма низкие жилища, сколоченные из дерева и покрытые дерном. Вверху на крыше находится дымовое отверстие, огонь разводят они посреди жилища. Они не знают ничего о хлебопашестве и огородничестве.



Сэргэ — священное место бурят.
Фото Н.И. Гошкин

¹³ Серебренников И.И. Покорение и первоначальное заселение Иркутской губернии. Иркутск, 1915.

¹⁴ РГАДА. Ф. 350. Д. 1052.

Их дома, объединенные в деревни, расположены обыкновенно около рек. Буряты не меняют своего местожительства подобно тунгусам или другим народам. Вблизи от их домов стоят воткнутые в землю стрелы, жерди и копья, к которым прикреплено несколько козлов и овец. Весной и осенью объединяются они толпами до ста человек и отправляются верхом на охоту на оленей, диких коз и овец. Эта охота называется *ablavo*. Когда они приезжают в то место, где они выслеживают дичь, разезжаются они врозь по окрестности, чтобы удобнее настигнуть зверя и окружить его кольцом... С убитой дичины снимается шкура, мясо отделяется от костей и затем высушивается на солнце... Там находится много дичи, и я сам издалека, на расстоянии четверти мили видел несколько тысяч диких овец, которые как снегом покрывали горные склоны... Когда у них [бурят] хотят купить быка, которые здесь чрезвычайно велики, или верблюда, необходимого



Шаман. Иркутский областной краеведческий музей

для путешествия в Китай, они отдают их не за деньги, но за соболя... оловянные или медные кружки... шерстяные платки... и за эти товары стоимостью от 4 до 5 рублей можно купить доброго быка... а верблюда за 10–12 рублей.

Как мужчины, так и женщины высоки ростом, крепкого телосложения и по-своему довольно красивы. Зимой и те и другие носят длинные халаты из овечьего меха и подпоясываются широким поясом, отделанным железом... Летом носят они одежду из скверного красного сукна...

Когда кто-нибудь из них умирает, то они погребают его в красиво разукрашенных одеждах с луком и стрелами. Их богослужение состоит единственно в том, что они несколько раз в году, с



Бурятский улус-зимник. Фото А.К. Нефедьевой



преклонением головы воздают некоторые почести дохлым овцам и козлам, которые прикреплены к их жилищам. То же самое делают они, обращаясь к солнцу и луне, склоняясь на колени с протянутыми руками и не произнося при этом ни слова»¹⁵.

Картина жизни бурят, с увлечением рассказанная Избрантом



Выделка шкур. Иркутский областной краеведческий музей

Идесом, содержит много неточностей и даже ошибок. И это естественно: трудно даже очень любопытному и талантливому человеку проездом, при мимолетном наблюдении постичь жизнь неизвестного ему народа, понять его обычаи и нравы. Цитата из воспоминаний Идеса использована здесь исключительно для натуралистического описания быта бурят в их естественной среде обитания и для того, чтобы читатели получили представление о том, как воспринималась жизнь сибирских народов европейцами, проживавшими в цивилизации более высокого уровня.

Основным занятием бурят было разведение скота. Земледелие находилось в зачаточном состоянии. Сеяли в небольшом количестве просо, гречиху. К приходу русских из-за бесконечных междоусобных войн и сражений с монголами земледелие практически вывелось.

Особенностью ведения скотоводческого хозяйства у бурят было круглогодичное пастбищное содержание стада. В зимний период животные добывали себе корм, разгребая копытами снег,

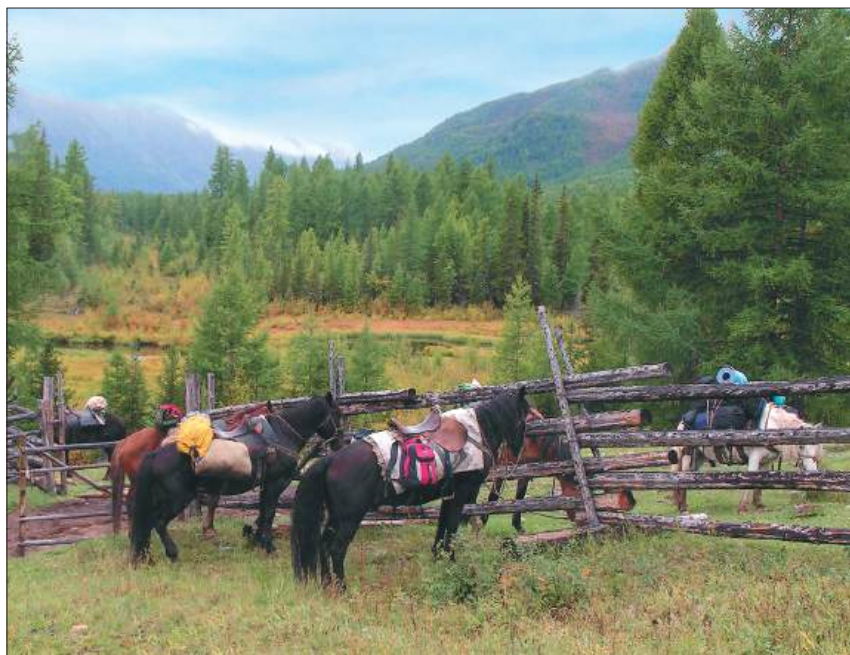
¹⁵ Цит. по: Алексеев М.П. Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей. Иркутск, 1941. С. 522–523.



который тонким слоем покрывал степную траву. Подкормка сеном животных велась у бурят в самые холодные месяцы зимы. Скот в это время пасся на утугах — поливных и удобряемых лугах, входивших в комплекс усадьбы-зимника. На утугах стояло несколько зародов сена, заготовленных в летний период. Этим сеном и подкармливали животных. Разводили буряты лошадей, коров, овец, коз и верблюдов, что нашло отражение в выражении «табан хушуу мал» — «пять видов скота». Наличием всех пяти видов скота у хозяина определялось его благосостояние.

Западные буряты вели кочевой образ жизни. Каждый род имел свои земли, в пределах которых велось кочевание. На этих землях стояли стационарные бурятские поселения — улусы.

Улусы делились по своему назначению на зимники и летники. В обоих видах поселений жилищем для бурят в XVII – первой половине XVIII в. служили юрты — срубные из хвойных пород деревьев восьми-, семиугольные постройки с трехслойной кровлей (жерди, лиственничная кора, дерн). По центру крыши устраивалось дымовое отверстие. Кровлю удерживали стены юрты и четыре лиственничных столба, поставленных внутри юрты по центру и соединенных между собой перекладинами. Юрты не имели окон



Высокогорное пастбище. Привал. Фото Н.И. Гошкив

и ставились выходом на восток. По величине улусы были разными — от 5 до 40 юрт — и состояли из гнезд. Гнездо составляли пять-шесть юрт, поставленных по эллипсу. Такое гнездо отстояло от другого на километр-полтора. Каждое гнездо огораживалось поскотиной. В круг, образованный поскотиной, в ночное время загоняли скот.

Улус-зимник состоял из усадеб, неременной принадлежности которых был утуг. На нем устанавливалась восьми- или семиугольная юрта. (В семиугольной юрте седьмая стена выполняла роль сеней, прикрывая вход в юрту от холодных зимних ветров.) Посреди утуга возводили хотоны — стойки для скота. С конца XVIII в. юрты в зимниках постепенно стали заменяться домами, построенными по русскому образцу ¹⁶.

Улус-летник располагался на летних пастбищах. В него буряты переезжали на жительство весной вместе со скотом и покидали его осенью, вновь возвращаясь в зимник.

В одежде бурят разных сословий были резкие отличия. По И.Г. Георги, бедные носили «кафтан по большей части из овчины, а нередко из лошадиной кожи или диких зверей. Богатые — из цветных сукон или шелковых материй, опушая оные дорогими мехами, подпоясывая кушаком, покрытым железом братской вороненой работы, к которому привешивают нож, огниво, табашный прибор» ¹⁷.

По антропологическому типу буряты тяготеют к якутам, а по языку, в котором до 30 % слов тюркского происхождения, относятся к монгольским народам.

По религиозным воззрениям буряты были шаманистами.

Западные буряты, земли которых вошли в состав Иркутской губернии, к приходу русских расселились в лесостепной полосе на берегах Ангары, Лены и их притоков. Лишь небольшая часть их поселилась в таежной зоне Нижнеудинского района и на побережье Байкала от с. Голоустного до с. Кочерикова.

Итак, в XVII в., к приходу русских на земли Предбайкалья, буряты занимали лесостепные места, на которых было возможно без особых затруднений вести круглогодичный выпас скота, совершая с ним перекочевки с зимника на летник и с летника на зимник. Чис-

¹⁶ Батуев Б.Б. Указ. соч. С. 68.

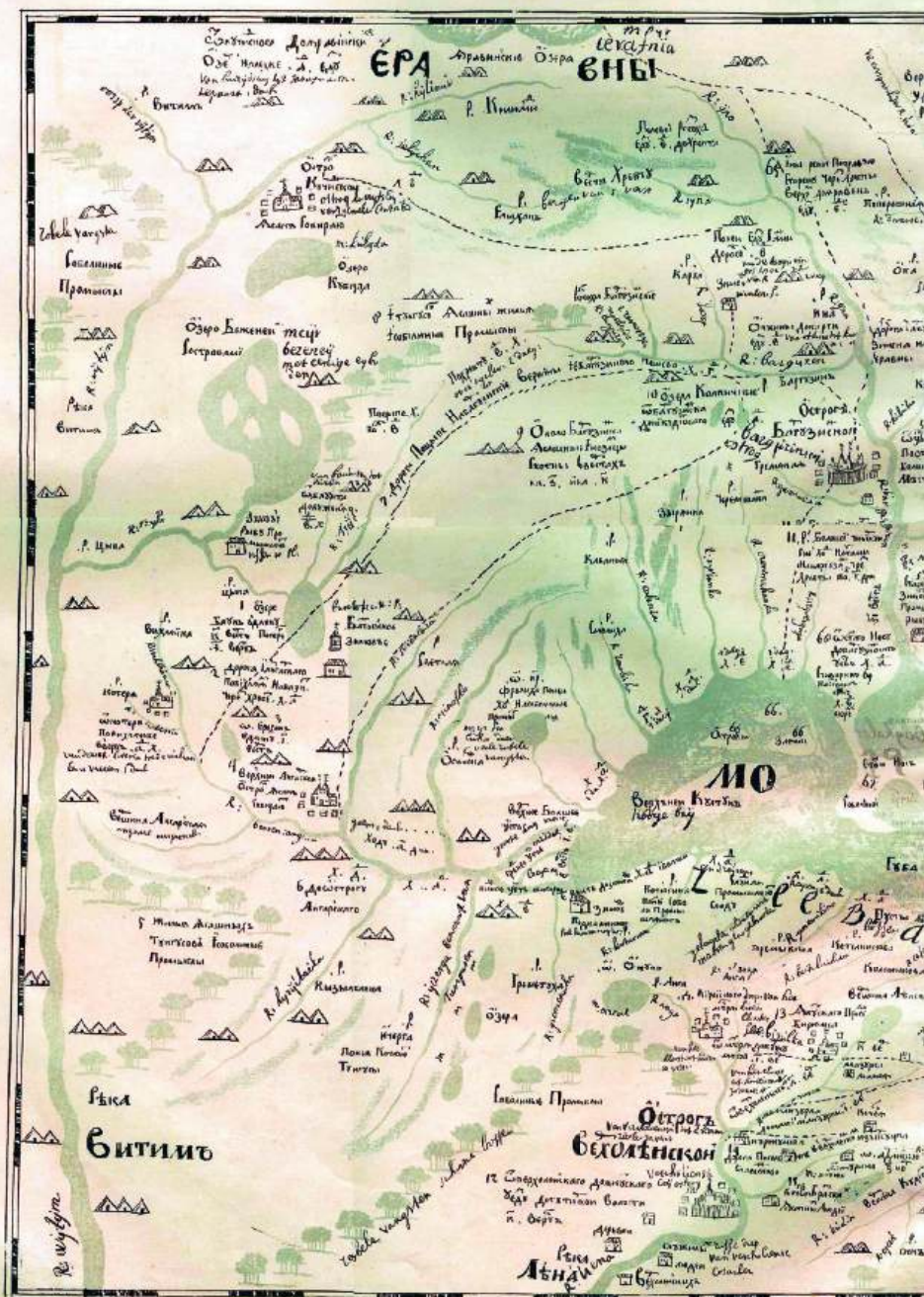
¹⁷ Георги Г.И. Описание всех живущих в Российском государстве народов и их житейских обрядов, одежд, жилищ, вероисповедований и других достопримечательностей. СПб., 1799. С. 31.



ленность бурят в юго-западном Предбайкалье была незначительна и равнялась 13 347 душам мужского пола (данные приведены без учета численности ленских бурят). Огромное количество земель, особенно занятых лесом, никем не эксплуатировалось, и их освоение началось с заселения этих мест русскими.

ЧРЕЗЪНЪИ

Листъ . III :



Семен Ремезов. Карта Иркутского уезда, 1701 г.

ИРКУЦКАЯ ГОБЛ.



ЗАСЕЛЕНИЕ ИРКУТСКОГО УЕЗДА В XVII ВЕКЕ

Заселение русскими юго-западных земель Иркутской губернии началось во второй половине XVII в. Процесс освоения новых земель усилился, когда в Предбайкалье построили остроги: Балаганский (1654), Иркутский (1661), Бельский (1669), Тункинский (1676), Нижнеудинский (1647) ¹. Роль этих острогов в первоначальный период освоения юго-западных земель Иркутской губернии трудно переоценить. Поставленные как административно-хозяйственные центры на бурятских землях для усмирения бурят, они одновременно выполняли другую, не менее важную функцию: защищали вновь присоединенные земли от нападения со стороны сопредельных государств — Китая и Монголии. До прихода в Предбайкалье и Забайкалье русских монгольские ханы, объединившие вокруг себя большие племенные союзы, почти беспрерывно совершали набеги на разрозненные бурятские и тунгусские племена, основательно разоряя их.

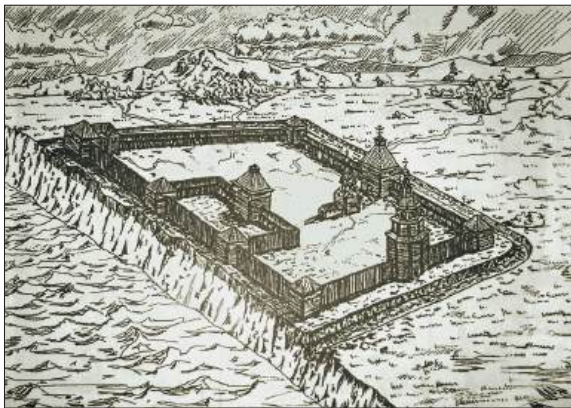
Закрепление в конце XVII в. на этих землях сильного соседа — России — не устраивало ни Монголию, ни Китай. Китай в это время резко активизировал свои действия против Русского государства: ввел на Амур войско и при помощи военных действий вытеснил из долины р. Зеи поселившихся там русских крестьян. Китайское войско, имея большое численное превосходство, разбило отряд попавшего в засаду О. Степанова-Кузнеця, сожгло Кумарский острог и потребовало от России ухода с Амура и даже из Забайкалья ².

Ответными мерами русского правительства, принятыми с це-

¹ Полунина Н.М. Хроника основания сибирских острогов // Тальцы (Иркутск). 1999. № 2. С. 9.

² Зуев А.С. Сибирь: веки истории. Новосибирск, 1999. С. 63.

люю улучшения обороноспособности земель, граничивших с Китаем и Монголией, стало объединение в 1683 г. Якутского, Иркутского, Илимского, Нерчинского и Албазинского острогов в Енисейский разряд с подчинением енисейскому воеводе, князю К.О. Щербатову. По царскому указу был объявлен набор сибиряков в отряд служилых, который вскоре под командованием казачьего головы А.И. Бейтона вышел из Енисейска на помощь защитникам амурских острогов. Но отряд из-за дальней дороги не успел прийти вовремя. В 1685 г. Албазинский острог был осажден 10-тысячной китайской армией, вооруженной огнестрельным оружием и пушками. Гарнизон, защищавший крепость, состоял из 111 казаков и 330 промышленников и крестьян под командованием Алексея Иларионовича Толбузина, был слабо вооружен и не смог оказать долгого сопротивления. А.И. Толбузин запросил мира, и, по обоюдному согласию с командующим китайским войском, русские покинули Албазин, оставив врагам оружие³. Китайская армия, разорив Албазин, вернулась на родину. Через год Албазинский острог был восстановлен и основательно укреплен казаками. Крепость была обнесена земляной стеной шириной в 3 сажени и высотой более двух сажен и дополнительно укреплена рвом⁴. Когда китайская армия численностью



Албазинский острог. Реконструкция А.Р. Артемьева

10-тысячной китайской армией, вооруженной огнестрельным оружием и пушками. Гарнизон, защищавший крепость, состоял из 111 казаков и 330 промышленников и крестьян под командованием Алексея Иларионовича Толбузина, был слабо вооружен и не смог оказать долгого сопротивления. А.И. Толбузин запросил мира, и, по обоюдному согласию с командующим китайским войском, русские покинули Албазин, оставив врагам оружие³. Китайская армия, разорив Албазин, вернулась на родину. Через год Албазинский острог был восстановлен и основательно укреплен казаками. Крепость была обнесена земляной стеной шириной в 3 сажени и высотой более двух сажен и дополнительно укреплена рвом⁴. Когда китайская армия численностью



Вещи, найденные при раскопках Албазинского острога

³ Зуев А.С. Указ. соч. С. 64.

⁴ Артемьев А.Р. Албазинский острог // Тальцы (Иркутск). 1999. № 2. С. 37.



Н.С. Романов. Иркутский острог. *Научная библиотека Иркутского госуниверситета*

9 500 воинов вновь осадила Албазин, его защитники в количестве 826 человек (среди них в полном составе сражался прибывший наконец отряд А.И. Бейтона) мужественно оборонялись. Осада крепости длилась год и закончилась отступлением китайцев по Амуру. В боях за Албазин маньчжурская армия потеряла более 2 500 воинов. Но и защитников Албазина осталось в живых всего 66 человек ⁵. И хотя по Нерчинскому договору 1689 г., заключенному между Китаем и Россией, Албазинский острог был вновь стерт с лица земли, а российская граница прошла по р. Горбице, значение албазинского сражения огромно. Оно показало противникам мощь русского духа и способность русских стоять до конца, защищая Отечество ⁶.

Это сражение, а также победы, одержанные русскими в 1688 г. под руководством Федора Головина над отрядами монголов и китайцев при Селенгинске, Верхнеудинске и Ильинской заимке, привели к заключению Нерчинского мирного договора, по которому были установлены границы между Россией и Китаем. После заключения мирного договора с Россией Китай совершил военную

⁵ Артемьев А.Р. Указ. соч. С. 38.

⁶ Там же. С. 39.



экспансию Монголии и полностью завоевал ее. К 1697 г. вся Монголия и племена, проживавшие по правому берегу в верховьях Енисея, стали вотчиной Китая⁷. К тому времени южное Предбайкалье было надежно защищено сетью приграничных острогов. Так, построенный в 1661 г. Иркутский острог «запирал» Тункинскую долину, пресекая возможность проникновения монгольских племен в Иркутскую губернию.

В результате дальнейшего освоения Предбайкалья, в частности Тункинской долины, казаки узнали, что по горным отрогам Восточного Саяна, разделяющего долины рек Иркут, Китоя, Белой, были горные тропы, по которым недалеко от местности Аршан можно было выйти на р. Белую. С нее открывались наезженные тропы в разные концы юго-западных земель вплоть до Нижнеудинского острога. О.В. Бычков указывал, что в районе истока р. Белой, даже через границу, в горах Восточного Саяна были «лазы», по которым можно было перейти границу⁸. Поэтому казаки в 1669 г. на Белой,

⁷ Большая советская энциклопедия. М., 1974. Т. 16. С. 508.

⁸ Бычков О.В. Бельская башня: К истории создания дозорного форпоста на русско-китайской границе // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. Владивосток, [б. г.] Т. 2. С. 147.

где впадает в нее Малая Белая, построили острог. Он был поставлен на высоком угорье, с которого прекрасно обозревались окрестные места, что позволило контролировать долину реки. В росписи,



Федор Головин. Из кн.: Бантыш-Каменский Д. М. *Биографии российских генералиссимусов...*

составленной в 1693 г. приказчиком Арсеньевым, есть описание Бельского острога. Острог состоял из двух башен, обнесенных тыном, «а под ними [башнями] две избы, да в углах два быка (деревянные подпоры тыновой стены, установленные сбоку для ее укрепления. — *Авт.*). Внутри острога амбарец для хранения мягкой рухляди и амбарец зеленый, в нем пороху 4 пуда, пищалей 12 больших осадных и 20 мелких». За острогом находилась Бельская слобода, состоявшая из 12 дворов⁹.

Процитированный нами документ решает многолетние споры историков о возникнове-

нии и роли Бельского острога. Так, например, О.В. Бычков видел в сохранившейся Бельской башне дозорную, построенную в 1728 г., в период очередного осложнения отношений между Китаем и Россией¹⁰. В своем воззрении о назначении башни и времени ее построения он не был одинок. Этой же версии придерживались и другие историки, например известный сибиревед А.Н. Копылов¹¹.

В 1671 г. был основан небольшой острожек в с. Голуметь на р. Голуметке, впадающей в Иреть, к которой из Тункинской долины была проложена тропа¹² (тропа сохранилась до настоящего времени). Острог отмечен на карте Семена Ремезова 1701 г.

В 1676 г. в устье р. Тунки на высоком угорье у подножия перевала Обо-Сарым, через который шла дорога из Монголии в Тункин-

⁹ РГАДА. Ф. 1121. Оп. 1. Ед. хр. 457. Л. 124.

¹⁰ Бычков О.В. Указ. соч.

¹¹ Копылов А.Н. Очерки культурной жизни Сибири XVII – начала XVIII в. Новосибирск, 1974. С. 119.

¹² Серебренников И.И. Покорение и первоначальное заселение Иркутской губернии. Иркутск, 1915. С. 4.

скую долину (позднее эта дорога стала торговой между Россией и Монголией), отрядом казаков под руководством Ерофея Могилева был построен Тункинский острог, который препятствовал проникновению врага в Тункинскую долину. Острог изначально был задуман как боевой и много раз отражал нападения монгольских отрядов. Самую мощную осаду защитники острога выдержали в 1682 г., когда к нему подошло 10-тысячное войско монгольских тайшей Цецен-ноена и Батур-хана. Два километра по окружности занимало войско Цецен-ноена, со всех сторон окружившее острог. Но взять Тункинскую крепость не смогли. Казаки мужественно защищались, меткой стрельбой отражая нападение противника. Более того, под командованием казака Перфильева они успешно совершали ночные вылазки, причиняя противнику значительный урон и беспокойство. Защитникам крепости помогали местные жители — буряты и эвенки. Через две недели, так и не взяв крепости, монголы ушли¹³.

Нападения на Тункинский острог продолжались даже после подписания мира с Китаем в 1689 г. и установления государственных границ между Китаем, Монголией и Россией. В одно из таких нападений в начале XVIII в. острог сгорел, но в 1706 г. был отстроен заново. Сохранилось описание острога: «острог стоячий, четырехугольный, в длину от востока на запад 28 сажень, в ширину 25,5 сажень. Во всех четырех стенах имел по 1 редуту (укрепление, состоящее из рва и вала. — *Авт.*) в западной стороне, в полуденной стороне редута,



Башня Бельского острога. Фото В.В. Тихонова

¹³ Бобков А. От стен Тункинского острога. Иркутск, 2006. С. 12.

ворота проезжие, против них с восточной стороны ворота малые. В середине острога часовня во имя Спаса Нерукотворного образа и Николая Чудотворца, в часовне ворота, в которых стоят на станине



Место, где находился Тункинский острог.
Фото Г.В. Афанасьевой-Медведевой

8 пушек медных и 2 чугунных, 1 барабан, в северную сторону от часовни стояла башня, под башнею два амбара, с полу-денной стороны два амбара с башнею. На западной стороне один амбар, в котором содержится ясачная казна. Подле амбара изба ветхая, с полу-денной стороны часовни, на западе три амбара и две избы, в которых живут приказчики, с западной стороны от острога 2 амбара и 5 дворов служилых людей. Вниз по Иркуту в одной версте от острога 8 дворов крестьянских»¹⁴.

Остальную часть южной границы Иркутской губернии надежно защищали неприступные горы Восточного Саяна вплоть до долины р. Уды. В ней через перевалы

Мустаг-Арт и Урюк-Дибан (верховья р. Уды) местными народами были проложены тропы, доступные для переходов в течение двух летних месяцев — июля и августа¹⁵. В 1647 г. красноярские казаки основали Нижнеудинский острог для дозора за переходом и объ-ясачивания проживавших на Уде бурят. Острог был в длину 30 сажен, в ширину 10 сажен, стены его были рублеными. С восточной стороны были поставлены проезжие ворота с надвратной часовней Архангела Михаила. Внутри острога имелись изба, 15 амбаров, ка-

¹⁴ РГАДА. Ф. 199. Ед. хр. 517. Ч. 1. Д. 21.

¹⁵ Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта крестьян Иркутской и Енисейской губерний. М., 1890. Т. 2, вып. 2. С. 93.

зачья казарма, за острогом стояли казачья баня и приказчикова пивоварня ¹⁶.

Таким образом, остроги, установленные на стратегически важных местах, стали гарантами стабильности и создали условия для мирного освоения вновь присоединенных к России юго-западных земель Иркутской губернии.

Таблицы, составленные нами по писцовой книге 1686 г., наглядно свидетельствуют о том, как, когда и кем заселялось в XVII в. Иркутское воеводство и какую роль в этом сыграло правительство.

Таблица 1

Уриковская слобода

Имя, фамилия переселенца	Год при- бы- тия	Откуда прибыл	Сколько пашет десятин		Воль- ный или по указу
			на себя	на государя	
1	2	3	4	5	6
1. Васка Нечегин	1671	из Смоленска	5	1	по указу
2. Васка Пакул	1671	из Городецкого уезда	2	1	по указу
3. Ивашко Богородцкой	1671	из Н. Новгорода	3	0,5	по указу
4. Оска Василев	1671	из Устюга	—	четь *	гулящий
5. Сергушко Фомин	1671	коломнянин	—	десятина без чети	по указу
6. Кондрашко Иванов	1673	из г. Козлова	2	0,5	по указу
7. Алешка Чернов	1673	из Н. Новгорода	2	0,5	по указу
8. Агафонка Безязыкой	1673		—	0,5	по указу

* Четь — $\frac{1}{4}$ десятины.

¹⁶ РГАДА. Ф. 199. Ед. хр. 517. Ч. 1. Д. 12.

Продолжение табл. 1

Софонко Корец	1673	из Коломенска	3	0,5	по указу
9. Мишка Шутов	1673	родом стромитин	пол- трети	четы	по указу
10. Ефимко Черный	1679	из Боровского	3	1	по указу
11. Матюшка Лылов	1680	с Руси, Вла- димирского погоста	3	0,5	по указу
12. Мишка Иванов	1683	из Москвы	—	четы	по указу
13. Ларка Лукья- нов	1683	из Ярославля	2	четы	по указу
14 **. Васка Костянтинов	1683	из Москвы	2	пол- деся- тины с пол- че- тью	по указу
Алешка Таниев	1683	из Москвы	—	четы	по указу
Васка Долгой	1683	из Москвы	—	четы	по указу
Ерошка Воинов	1683	из Москвы	—	четы	по указу
Яшко Тихонов	1683	из Москвы	—	четы	по указу
Ивашко Подшивалов	1683	из Москвы	—	четы	по указу
Васка Никитин	1683	из Москвы	—	четы	по указу
Пронка Плешко	1683	из Москвы	—	четы	по указу
Якушко Панкратьев	1683	из Москвы	—	четы	по указу
Ивашко Морок	1683	из Москвы	—	четы	по указу
Коземка Якимов	1683	из Москвы	—	четы	по указу
15. Петрушка Побивалкин	1683	из Москвы	3	0,5	по указу
16. Бориско Василев	1683	из Пскова	—	четы	по указу

** Во всех таблицах под одним номером приведены фамилии переселенцев, проживавших в одном дворе.



Продолжение табл. 1

17. Алешка Мучнинов	1683	из Москвы	3	0,5	по указу
18. Васка Булгач	1683	из Дмитриева	5	0,5	по указу
19. Ганка Порошиных	1683	из Москвы	1,5	0,5	по указу
20. Калимка Углов	1683	из г. Землянского	5	1	по указу
21. Никита Карпов	...	из Москвы	—	0,5	гулящий
22. Ивашко Меркулов	...	из Енисейска	2	четы	гулящий
Фомка Феоктистов	1683	из Москвы	1,5	четы	по указу
Ивашко Козмин	1683	из Ярославля	—	четы	по указу
23. Васка Грамотин	1685	с Ваги	1,5	0,5	по указу
24. Марчко Андреев	1685	из Польши	2	четы с пол-че-тью	по указу
Петрушко Зенон	1685	из Тамбова	—	четы	по указу
Оска Петров	1685	из Польши	—	четы	по указу
Самошка Иванов	1685	из Тамбова	—	четы	по указу
Ивашко Пономарь	1685	из Владимира	—	четы	по указу
Алешка Федоров	1685	поляк	—	четы	по указу
Якушка Афанасив	1685	вологжанин	—	четы	по указу
Мишка Каляпов	1685	из Дворцового села	—	четы	по указу
Антипка Агапитов	1685	из г. Козлова	—	четы	по указу
Гаракорко Степанов	1685	родом картая-ченик	—	четы	по указу

Окончание табл. 1

Федка Петров	1685	шатцкий	—	четы	по указу
Потапко Петров	1685	из Щацка	—	четы	по указу
Левка Савинов	1685	из Шацка	—	четы	по указу
Петрушка Жихарев	1685	тамбовец	—	четы	по указу
Парфенко Бускан	1685	из г. Коротая	—	четы	по указу
Филка Родионов	1685	из Тамбова	—	четы	по указу
Омелка Наумов	1685	из Тамбова	—	четы	по указу
Екимка Игнатъев	1685	из Вятки	—	четы	по указу
Афонка Василев	1685	родом нежи- нец	—	четы	по указу
Давидко Иванов	1685	из Тамбова	—	четы	по указу
Митка Петров	1685	из Тамбова	—	четы	по указу
Кирюшка Олферов	1685	муромец	—	четы	по указу
Ивашко Седелников	1685	козловец	—	четы	по указу
Стенка Гранев	1685	шатцкий	—	четы	по указу
Ларка Федотов	1685	из Ростова	—	четы	по указу
25. Ивашко Занавеска	...	из г. Еренска	4	деся- тина с че- тью	гулящий
26. Бориско Степанов	...	из Москвы	—	четы	по указу
Филка Петров	...	из г. Черка- шина	—	четы	по указу
27. Левка Зозмин	...	из г. Черка- шина	—	четы	по указу
Онкудинко Зозмин	...	из г. Черка- шина	—	четы	по указу



Село Урик. Фото И.Ю. Бержинского

Итак, как свидетельствует писцовая книга, общее количество жителей Уриковской слободы составило на 1686 г. 66 человек, которые проживали в 27 дворах. Из переселившихся 62 человека прибыли в Уриковскую слободу по государеву указу, 4 пришли гулящими. 59 человек прибыли из центральной России, 6 — с европейского севера России, из Сибири — один человек.

Первые жители — Васка Нечегин, Васка Пакул, Ивашка Богородской, Сергушко Фомин, образовавшие Уриковскую заимку в 1671 г., прибыли на эту землю по государеву указу из центральной России. В этом же году к ним присоединился гулящий из Устюга Оска Васильев. В 1673 г. заимка приняла еще четырех крестьян: Кондрашку Иванова, Алешку Чернова, Агафонку Безязыкого, Софонку Кореца, прибывших также по государеву указу¹⁷. Новое крупное подселение в Урик произошло в 1683 г., когда в Иркутск по государеву указу прибыла партия крестьян для заселения зе-

¹⁷ О факте прихода на поселение в Урик крестьян в 1673 г. сообщается в работе: Бубис Н. Урик — старинное волостное село // Мозаика Иркутской губернии. Иркутск, 2007. В ней Н. Бубис указан ряд фамилий переселенцев: Нечегин, Ильин, Мануйлов, Родионов, Иванов. Однако писцовая книга 1686 г. называет только одну фамилию в 1773 г. — Кондрашки Иванова. Прибытие остальных новопоселенцев в Урик, по данным писцовой книги, состоялось в другие годы. Фамилии Мануйлова и Ильина перепишью уже не зафиксированы, видимо, переселенцы с этими фамилиями не прижились и ушли в бродяжничество или на другое место жительства.

мель вновь образованного Иркутского воеводства. Тогда Уриковская заимка приняла 21 переселенца, а через год — еще 26 вновь прибывших крестьян. В результате к 1686 г. Уриковская слобода стала самым крупным сельскохозяйственным поселением Иркутского воеводства, лишь немногим уступая г. Иркутску по количеству дворов (в Иркутске было тогда 32 двора). Слобода получила название от речки Урик. Слово «урик» произошло, скорее всего, от эвенкийского «уриkit», что в переводе на русский язык означает «стойбище»¹⁸.

Таблица 2

Заимка Смоленская

Имя, фамилия переселенца	Год прибытия	Откуда прибыл	Сколько па- шет десятин		Воль- ный или по указу
			на себя	на государя	
1. Сергушко Алексеев, отстав- ной солдат	1671	из Смоленска	четы	четы	по указу
Никита Родионов, отставной солдат	1671	из Смоленска	четы	четы	по указу
2. Евдокимко Чемолдин	1671	из Яревца Поволжского	пол- тре- ти	четы	по указу
3. Никита Сурник, солдат	1671	из Смоленска	—	—	по указу
4. Шумилко Давы- дов	1677	пинегжанин	4	деся- тина с четыю	по указу

Заимка Смоленская, по данным переписи 1686 г., состояла из четырех дворов, в которых проживало пять переселенцев: три солдата из г. Смоленска и два крестьянина, Шумилко Давыдов с Пинеги и Евдоким Чемолдин из центра России. Солдаты и крестьяне на поселение прибыли по государеву указу в 1671 г. Место, выбранное местными властями под селение, находилось недалеко от Иркутска в устье Олхи, впадающей в Иркут. Заимка получила на-

¹⁸ Бубис Н. Указ. соч. С. 37.



Село Смоленщина. Научная библиотека Иркутского госуниверситета

звание по месту службы солдат — Смоленская. В дальнейшем оно трансформировалось в Смоленщину и сохранилось до настоящего времени.

Сотрудники АЭМ «Тальцы» Ю.П. Лыхин и А.К. Нефедьева съездили в Смоленщину с целью выяснить, сохранились ли потомки основателей села. Оказалось, что в селе проживает только один носитель фамилии основателя — Давыдов, но встреча с ним не состоялась из-за его отсутствия в этот день в селении. Сотрудники не услышали от местных жителей никакой легенды об основателях села. Название его они связывают с широко бытовавшим в нем до революции промыслом — смолокурением. Этому же мнения придерживался известный ученый в области топонимики М.Н. Мельхеев¹⁹. Однако первоисточник — писцовая книга — свидетельствует, что переселенцы 1671 г. не занимались этим промыслом, а заимку уже называли Смоленская. Название было явно связано с солдатами, прибывшими из Смоленска. О.И. Кашик называет основателем заимки Смоленская солдата, присланного в Иркутск на пашню за провинность, — Митьку Смоленского, который пахал четь десятины и работал в Иркутске «заплечным мастером». Можно предположить, что он действительно участвовал с другими сол-

¹⁹ Мельхеев М.Н. Географические названия Восточной Сибири. Иркутск, 1995.

датами из Смоленска в основании заимки, но на момент переписи уже не проживал в ней ²⁰.

Село, расположенное в живописном месте на берегах двух рек, окружено лесом. Близость города делала Смоленщину, несмотря на малоземелье, привлекательным местом для поселения. Недостаток земли компенсировался промыслами. Здесь в XIX в. кроме смолокурения заготавливали лес и дрова, обеспечивая ими жителей Иркутска.

Таблица 3

Заимка Максимиха ²¹

Имя, фамилия переселенца	Год при- бы- тия	Откуда прибыл	Сколько па- шет десятин		Воль- ный или по указу
			на себя	на государя	
1. Иван Перфириг	1683	из Енисейска	10	—	казак
2. Максим Перфи- риг	1683	из Енисейска	10	—	казак
3. Остафя Перфи- лиг	1683	из Енисейска	10	—	казак

Заимка Максимиха состояла из трех дворов и была основана в 1683 г. детьми боярскими знаменитыми землепроходцами Максимом Перфиригим ²² и его сыном Иваном, первоначально служившими в Енисейске. Оба активно участвовали в освоении земель Приангарья и р. Лены. Максим был известен в среде служилых как опытный атаман, предводитель казачьих отрядов, одними из первых вступивших на бурятские земли. Максим Перфириг совершил множество походов по рекам Восточной Сибири, объясачивая племена бурят и тунгусов, первым доплыл по Лене до Ледовитого океана и по расспросам местного населения в 1640 г. описал в доне-

²⁰ Кашик О.И. Заселение Иркутского и Нерчинского уездов в XVII – начале XVIII в. Иркутск, 1952. С. 25.

²¹ Казаки получали от государя землю в счет оплаты за службу и десятины на государя не пахали.

²² Фамилия в XVII в. писалась по-разному, в одних документах — Перфильев, в других — Перфириг.



Село Максимовщина. Фото А.К. Нефедьевой

сениях енисейскому воеводе путь на Амур²³. Его сын Иван также был государственным человеком, «пользовался признанием населения и ценился Москвой»²⁴. В 1671 г. Иван основал Идинский острог, потом некоторое время исполнял обязанности илимского воеводы. В 1679 г. он был назначен приказчиком Иркутского острога. Главной его обязанностью было «государеву десятинную пашню завести немалые и досмотреть ему, Ивану, на государевых десятинных пашнях государев десятинный хлеб»²⁵. Около десяти лет с перерывами Иван Максимович служил приказчиком Иркутского острога. В период сложных отношений России с Китаем и Монголией он успешно сочетал руководство острогом и дипломатическую деятельность: не раз возглавлял посольство к монгольским ханам, предотвращая путем переговоров их военные действия против России. Кроме заимки Максимиха Иван Максимович имел зимовье в местности Половинная на трассе будущего Московского тракта, примерно в 104 км от Иркутска²⁶. Зимовье отмечено на карте Семена Ремезова (1701 г.). Сын Ивана Остафья был последним воеводой обширнейшего Илимского воеводства, а до этого в разное

²³ Гурулев С.А. Иркутяне — дипломаты // Сибирь (Иркутск). 2005. № 3. С. 141–147.

²⁴ Шерстобоев В.Н. Илимская пашня. Иркутск, 1949. Т. 1. С. 128.

²⁵ РГАДА. Ф. 1121. Д. 9. Л. 21.

²⁶ Там же. Ф. 199. Д. 481.7. Л. 39–39 об.

время был приказчиком Тункинского острога. Село названо в честь основателя, казачьего атамана Максима Перфильева, оставившего значительный след в истории первоначального освоения Сибири.

Таблица 4

Деревня

Имя, фамилия переселенца	Год при- бы- тия	Откуда прибыл	Сколько пашет десятин		Вольный или по указу
			на себя	на государя	
1. Анисим Михалев	1677	из Енисейска	—	—	пятиде- сятник казачий
2. Козма Федоров	1682	из Енисейска	5	—	пятиде- сятник казачий

Деревня состояла из двух дворов, была основана в 1677 г. казачьим пятидесятником Анисимом Михалевым, поставившим двор недалеко от Иркутска на правом берегу Ангары по дороге на Байкал. В 1682 г. в Деревне поселился второй казачий пятидесятник — Козма Федоров. Кроме двора в Деревне Федоров владел участком земли на Кае, где у него была поставлена мельница. На этой реке он занимался рыболовством. Оба казачьих пятидесятника прибыли в Иркутск на службу из Енисейска. Деревня развивалась медленно, в село так и не переросла. Место, на котором стояла Деревня, было затоплено в 1956 г. водами Иркутского водохранилища.



Таблица 5

Заимка Щукина

Имя, фамилия переселенца	Год при- бы- тия	Откуда прибыл	Сколько па- шет десяти-		Вольный или по указу
			на себя	на государя	
1. Григорий Щукин	1669	вятчанин	4	полде- сяти- ны с четыю	гулящий
2. Спирка Иванов	1669	из Соливыче- гоцкой	4	четы деся- тины	гулящий

Заимка Щукина была основана в 1669 г. гулящими людьми, пришедшими в этот край с севера России. Она была названа по фамилии основателя Григория Щукина. Заимка состояла из двух дворов и стояла на правом берегу Ангары, в нескольких верстах от Деревни, ближе к Байкалу. Место селения было также затоплено водами Иркутского водохранилища.

Таблица 6

Заимка Каргополовка

Имя, фамилия переселенца	Год при- бы- тия	Откуда прибыл	Сколько пашет десятин		Вольный или по указу
			на себя	на государя	
1. Ивашка Малахiev	1671	из Чамор- ского округа. Каргополь	3	четы с пол- четью	гулящий
2. Васка Паюков	1671	Каргополь- ского уезда	3	четы с пол- четью	по указу

Окончание табл. 6

3. Петрушка Василев	1671	Каргопольского уезда	4	четырь с полчетью	по указу
4. Мишка Юрьев	1671	каргополец	4	четырь с полчетью	по указу

Заимка Каргополовка состояла из четырех дворов, основанных северянами из Каргополя. Трое из них прибыли в этот край по государеву указу, Ивашка Малахiev был гулящим человеком. Заимка была основана на левом берегу Ангaры рядом с заливом Курма. Место нахождения Каргополовки отмечено на карте Семена Ремезова. Дорогой к ней служила Ангара.

На картах XIX в. данное селение уже не фиксируется. Видимо, люди покинули Каргополовку из-за отсутствия сухопутной дороги. Название свое заимка получила по месту прежнего проживания поселенцев.

Таблица 7

Заимка Кузьминская

Имя, фамилия переселенца	Год прибытия	Откуда прибыл	Сколько пашет десятин		Вольный или по указу
			на себя	на государя	
1. Ивашка Михалев	1676	из Енисейска	3	четырь	гулящий
Матюшка Михалев	1676	из Енисейска	3	четырь	гулящий
2. Стенка Фролов	1685	из Соливычегодской	1/3	четырь	гулящий

Заимка Кузьминская к 1686 г. состояла из двух дворов, в одном из которых проживали Ивашка и Матюшка Михалевы, в другом — Стенка Фролов. Все трое прибыли в Иркутск гулящими людьми: двое были из Енисейска, третий — с севера России. Поселение



стояло на левом берегу Ангары напротив Иркутска. Село еще в 50-х гг. XX в. числилось как самостоятельное поселение, а позднее было поглощено Иркутском. Происхождение названия не выяснено.

Таблица 8

Заимка Панова

Имя, фамилия переселенца	Год при- бы- тия	Откуда прибыл	Сколько пашет десятин		Вольный или по указу
			на себя	на государя	
1. Алешка Панов	1669	из Енисей- ска	3	0,5	гулящий
Федотка Бронников	1675	лучанин	3	0,5	гулящий
2. Афонка Гарма- шев	...	из Енисей- ска	3	0,5	гулящий
3. Ивашко Варакин	1678	из Енисей- ска	1,5	четы	гулящий
4. Андрюшка Поскотинной	1683	с Ваги	3	четы	гулящий
Ивашко Бешенной	1689	вычегжанин	3	четы с пол- четью	гулящий
5. Гришка Плеханов	1686	из Енисей- ска	1	четы	гулящий

Заимка Панова была основана в 1669 г. гулящим человеком Алешкой Пановым. До 1686 г. в ней поселились еще шесть гулящих, четверо из которых прибыли из Енисейска, трое — с севера России. Проживали они в пяти дворах. Заимка была названа по имени первого поселенца Алексея Панова. Селение стояло на Байкальском тракте на правом берегу Ангары приблизительно в районе современного села Бурдаковка.

Таблица 9

Деревня Разводная

Имя, фамилия переселенца	Год при- бы- тия	Откуда прибыл	Сколько па- шет десятин		Вольный или по указу
			на себя	на государя	
1. Петрушка Григорьев	1674	из Москвы	—	четы	по указу
Гришка Павлов	1674	из Москвы	—	четы	по указу
2. Родка Антонов	1677	из Москвы	—	четы	по указу
3. Никифорко Пушкар, солдат	1677	из Москвы	пол- трети деся- тины	четы	по указу
4. Федька Выкот- цкой, стрелец	1677	из Польши	—	0,5	по указу
5. Лучка, прозвище Лиса	1677	из Н. Нов- города	2	0,5	по указу
6. Екимко Смагин	1677	из Устюга	5	0,5	по указу
7. Потапко Загрю- чив	1677	из Устюга	—	четы	по указу
8. Васка Михайлов, стрелец	1677	из Казани	—	четы	по указу
Захарко Неворот, стрелец	1677	из Астра- хани	—	четы	по указу
Спирка Нагих	1677	из Москвы	9	четы	по указу
Мишка Ветлуга	1677	галицкого	1	четы	по указу
9. Савка Барабанщи- ков, стрелец	1677	москвитин	1,5	0,5	по указу
Васка Сапожников	1677	неизвестно	1	—	...



Поселок Новая Разводная. Перенесен с места затопления деревни Разводной.
Фото А.К. Нефедьевой

Деревня Разводная в 1686 г. состояла из 9 дворов, в которых проживало 14 крестьян. Все они были сосланы по государеву указу. Заимка была основана в 1674 г. на Ангаре близ Иркутска переселенцами из Москвы Петрушкой Григорьевым и Гришкой Павловым. В 1677 г. д. Разводная вновь пополнилась 12 крестьянами из партии переселенцев, прибывших в Иркутск. Из них 10 человек были выходцами из центра, два — с севера России.

Таблица 10

Деревня

Имя, фамилия переселенца	Год при- бы- тия	Откуда прибыл	Сколько па- шет десятин		Вольный или по указу
			на себя	на государя	
1. Ивашка Черепанов	1677	из Енисейска	2	четыре с полчетью	по указу
2. Якушко Хлопота	1686	из Сысолети Еренского города	—	четыре	гулящий

Состояла из двух дворов. Была основана в 1677 г. Ивашкой Черепановым, прибывшим в Иркутск с партией переселенцев по государеву указу. В 1686 г. к нему подселился гулящий человек Якушко Хлопота.

Таблица 11

Слобода Кудинская

Имя, фамилия переселенца	Год при- бы- тия	Откуда прибыл	Сколько па- шет десятин		Вольный или по указу
			на себя	на государя	
1. Ивашко Прибытков	1666	из Иркутского острога	—	десятина без чети	гулящий
2. Васка Карник	1666	из Москвы	—	0,5	по указу
3. Иван Семенов, поп Троицкой церкви	...	неизвестно	—	—	...



Продолжение табл. 11

4. Сергушко Голята	1669	из Тоболь- ска	1,5	1	гулящий
5. Васка Козьмин	1669	из Соливы- чеготцкой	3	0,5	гулящий
6. Гашко Трофимов	1671	родом лалетин	1,5	деся- тина с полче- тью	по указу
Коземка Ветряной	1671	вятчанин	2	0,5	по указу
7. Панфилко Емельянов	1671	из Ерен- ского городка	4	деся- тина с четью	гулящий
8. Ганка Хлызов	1671	вычегжа- нин	—	четы	гулящий
Сенька Хлызов	1671	вычегжа- нин	1,5		гулящий
9. Федюшко Хлы- зов	1671	вычегжа- нин	1	четы с пол- четью	гулящий
10. Микула Вока	1671	родом зырянен сысолетин	3	3 чети	гулящий
11. Васка Зеновев	1671	из Москвы	7	1	по указу
12. Федорко Ларио- нов	1671	из Москвы	4	1	по указу
13. Мишка Сорока	1672	из Перея- славля Ре- занского	3	четы	по указу
14. Левка Никифо- ров	1672	из Енисей- ска	2	0,5	гулящий
15. Трошка Маяр	1673	из Москвы	1	четы	по указу

Окончание табл. 11

16. Левка Никифоров	1674	из Важского уезда	2	десятина с полчетью	гулящий
Трошка Никифоров	1674	из Важского уезда	2	десятина с полчетью	гулящий
Ивашко Никифоров	1674	из Важского уезда	1,5	десятина с полчетью	гулящий
17. Сенка Красной	1677	из Соливычеготцкой	3	десятина без чети	гулящий
18. Янин Потапов	...	устюжанин	6	десятина без чети	гулящий
19. Ивашко Василев	1677	из Соливычеготцкой	2	0,5	по указу
20. Якушко Щербак	1677	из Устюга	1	0,5	по указу
21. Мишка Ефимов	1677	из Москвы	1	четь	по указу
22. Васка Елизов	1682	из Соливычеготцкой	1,5	четь с полчетью	гулящий
23. Авакумка Скорняк	1682	из Н. Новгорода	1	четь	по указу
24. Деялко Федоров	1682	из Москвы	—	четь	по указу
Васко Василев	1682	из Москвы	1	четь	по указу
25. Ивашко Нестеров	1685	с Ваги	7	0,5	гулящий
26. Семен Долынкин	1685	из Устюга	полтрети	четь	гулящий
27. Юшко Меркулов	...	из Москвы	1	четь	по указу

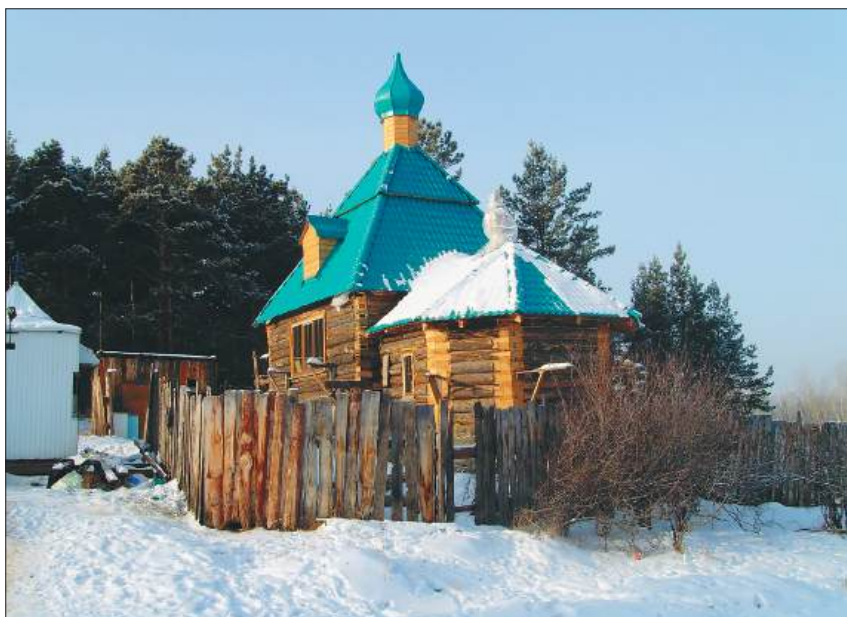


Церковь в деревне Куда. Фото А.К. Нефедьевой

Слобода Кудинская к 1686 г. состояла из 27 дворов, в которых проживало 32 человека, из них 18 человек пришли в нее гулящими людьми, 13 — по указу, один — из Енисейска. Селение образовали в 1666 г. Васка Карник, Ивашко Прибытков. О.И. Кашик относит к основателям Кудинской Степана Костырева и Ониса Павлова. В частности, она указывает, что в пометном списке 1705 г. эти двое числились с 1670 г. задолжниками по ссуде ²⁷. В 1671 г. заимка пополнилась еще двумя дворами и к 1686 г. стала уже сельскохозяйственным центром — слободой, вокруг которой начали формироваться мелкие деревни Кудинского присуда. Слобода названа по одноименной речке, на которой она стоит. Происхождение слова «Куда» связывают с бурятским и тюркским языками. Возможно, слово «Куда» произошло «от бурятского корня “худа” — сват, “худайн гол” — сватова долина... Возможно, в нем отражено наследие топонимики тюркоязычного народа: када (бурятск. искаженное “худа”) — крутой, обрывистый, отвесный, что соответствует характеру берегов р. Куды» ²⁸.

²⁷ Кашик О.И. Указ. соч. С. 25.

²⁸ Бубис Н. Указ. соч. С. 406.



Церковь в деревне Карлук. Фото А.К. Нефедьевой



Деревня Карлук. Фото А.К. Нефедьевой



Таблица 12

Деревня Карлукская и Талкинская слобода

Имя, фамилия переселенца	Год при- бы- тия	Откуда прибыл	Сколько па- шет десятин		Вольный или по указу
			на себя	на государя	
1. Федка Гранен	...	из Пскова	5	деся- тина с че- тью	по указу
Матюшка Гранен	...	из Пскова	5	0,5	по указу
2. Матюшка Михалев	1669	из Москвы	2	четь	гулящий
Ваша Козмин	1669	из Соливы- чеготцкой	3	четь	гулящий
3. Мишка Петров	...	из Пере- славля За- лесского	1,5	четь	по указу
4. Демка Поздняков	1671	г. Щатцко- го	2	четь с пол- четью	по указу
5. Ганка Поздняков	1671	г. Щатцко- го	пол- трети	четь с пол- четью	по указу
6. Сенка Поздняков	1671	из Шатцко- го	2	четь с пол- четью	по указу
Васка Ветряной	1671	из Шацка	2	четь деся- тины	по указу
7. Дорошка Федотов	1671	вятчанин	четь	четь	по указу

К 1686 г. эти два поселения вместе насчитывали десять жителей, проживавших в семи дворах. Восемь человек поселились здесь по государеву указу, двое пришли гулящими людьми: один с севера, другой — из Енисейска. Селения названы по рекам. Одно из селе-



Деревня Талка. Фото А.К. Нефедьевой

ний, Карлукское, по сведениям О.И. Кашик, было основано Агеем Граной. В 1684 г. его сыновья, Федор и Матвей Гранены, просили об отводе новой земли для заимки, указывая, что «на той Карлуцкой нашей заимке земля выпахалась», однако на время переписи 1686 г. они все еще числились в Карлуцкой деревне ²⁹.

Таблица 13

Деревня Усть-Кудская

Имя, фамилия переселенца	Год при- бы- тия	Откуда прибыл	Сколько па- шет десятин		Вольный или по указу
			на себя	на государя	
1. Ивашка Укрыс- цев	1667	с Устюга			казак

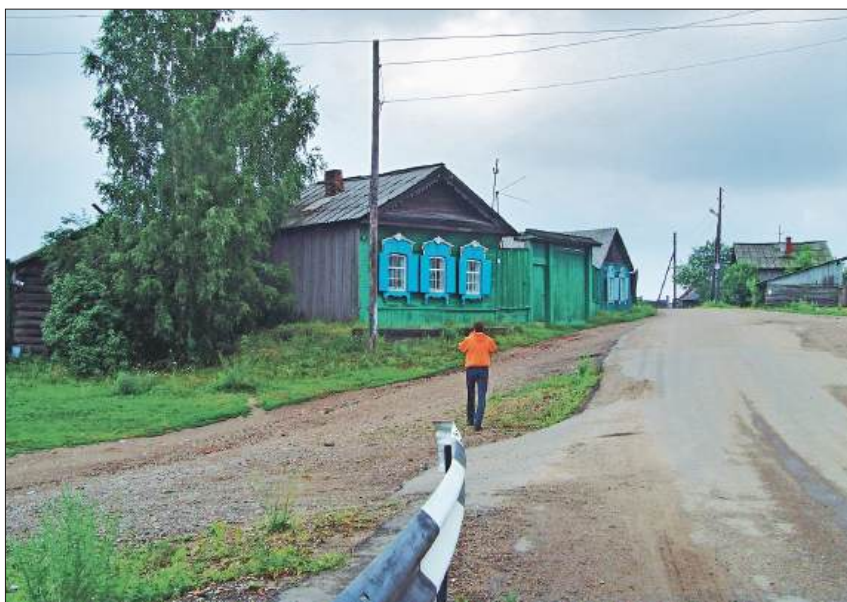
²⁹ Кашик О.И. Указ. соч. С. 25.



Окончание табл. 13

2. Андрей Савельев	1667	из Москвы	5		казак
3. Сергушка Борода	1671	вятчанин	5	—	казак
4. Коземка Могулев	1672	из Енисейска	3	—	казак
5. Андрей Москвитин	1675	из Москвы	5	—	казак
6. Александрик Котоецкой	1676	из Н. Новгорода	0,5	—	десятник казачий
7. Кондрашка Чернов	1676	соливычеготцкий	5	—	десятник казачий
8. Костка Помякин	1677	из Еретского городка	5		...
9. Фторушка Фролов	1677	из Енисейска	5		...
Ивашка Окентьев	1677	из Енисейска			...
Андрюшка Осипов	1677	из Енисейска			...
10. Анфимка Ягодына	1680	из Тюмени	5	—	казак
Федка Кашин	1680	из Тюмени	5	—	казак
11. Федька Маркелов	1685	из Енисейска	3		казак
12. Ивашка Мельников	1685	из Тюмени	6		казак
Офонька Мельников	1685	из Тюмени			...

К 1686 г. в Усть-Кудской деревне проживало 16 человек, большинство из которых были служилыми. Девять человек прибыло в Иркутск из Енисейска, пять — с севера и два — из центра России.



Деревня Усть-Куда. Фото А.К. Нефедьевой

Проживали все эти люди в 12 дворах. Образовали селение в 1667 г. Андрей Савельев и Ивашка Укрысцев.

Итак, как свидетельствуют составленные нами по писцовой книге Федора Сверчкова таблицы, к 1686 г. в Иркутском воеводстве без учета монастырских селений и селений, расположенных по Московскому тракту, было образовано 14 населенных пунктов, общее число жителей которых составило 166 человек. Из них 26 человек прибыли из Сибири, в основном из Енисейска, 95 — из центра России, 45 — с европейского севера. Из этого состава 40 человек пришли на эти земли гулящими людьми, 126 — прибыли по государеву указу. В процентном соотношении это выразилось следующим образом: 24 % составили гулящие люди и 76 % — присланные по государеву указу (в их число вошли служилые, которые в счет дополнительной оплаты своего труда получили право владения земельным наделом).

Приведенные выше статистические данные свидетельствуют, что основная роль в формировании населения юго-западного Предбайкалья принадлежала государству. Казаки и промышленные, бывшие главной силой в первый военный период покорения этих земель, утратили ведущее положение и превратились «в малочисленную, второразрядную группу полуслужилых, полукрестьян. ...Государство объявило все присоединенные земли государствен-



ной землей (учредило их административное устройство — воеводства, вся полнота власти в которых принадлежала воеводам. — *Авт.*), налагает на крестьян государственные поборы и повинности, переселяет новые отряды крестьян и ведет их всех к превращению в полусвободных государственных крестьян»³⁰.

Усиление главенствующей роли правительства в дальнейшем освоении земель Восточной Сибири, в частности Иркутской губернии, было закономерным и неизбежным. Активные массы людей северной территории России, которые занимались охотничьим промыслом и потому нуждались в новых угодьях, богатых пушным зверем, и в сельскохозяйственных землях, не могли самостоятельно, без помощи государства освоить новые территории: слишком огромны были просторы Сибири, им это было не под силу да и не нужно. Промысловые люди уверенно шли на новые земли, осознавая себя представителями великой державы, под покровительством которой находились, селились на новых землях и осваивали их как в промысловом, так и сельскохозяйственном отношении. Труды известных ученых С.В. Бахрушина, В.Н. Александрова, изучавших заселение Западной Сибири и Енисейского уезда по дозорным, писцовым книгам и другим источникам, стали своеобразным гимном жителям севера России, которые устремились с невиданной энергией мощным потоком на новые земли и стали их преимущественными насельниками. Западная Сибирь и Енисейский уезд были освоены преимущественно северянами. Освоив такую большую территорию, поток северян сократился при дальнейшем продвижении в Восточную Сибирь, в частности в Ангаро-Ленское междуречье. Об этом свидетельствует монументальный труд В.Н. Шерстобоева «Илимская пашня». Возросла руководящая и организующая роль центрального правительства, все действия которого были направлены на ускорение развития земледелия на вновь приобретенных землях Ангаро-Ленского междуречья. Развитие местного земледелия должно было решить насущную проблему снабжения хлебом отдаленных бесхлебных районов Сибири и казачьих отрядов, продвигавшихся далее на восток. Правительство требовало от воевод скорейшего выявления пригодных для хлебопашества земель и заселения их крестьянами.

Если с первой задачей воеводы справились успешно, то вторую выполнить они не могли: не было людей, на пашню селить было

³⁰ Шерстобоев В.Н. Указ. соч. С. 114.

некого. В отписках воевод государю о приискании новых пахотных земель постоянно сообщалось: «а в пашенные крестьяне селица мало... селить некого: охочих, государь, людей нет»³¹. Такими сообщениями воевод, просивших государя прислать на вновь отысканные земли пахотных крестьян, пестрят страницы главы «Заселение пашенными крестьянами Ангара-Илимо-Ленского междуречья» труда В.Н. Шерстобоева³². Государству приходилось решать этот вопрос, постоянно направляя на берега Лены то ссыльных черкас³³, то разного рода преступников³⁴.

Вывод из приведенных фактов напрашивается сам собой: поток северян оскудел и они уже были не в состоянии решить проблему быстрого заселения новых земель. Правительство было вынуждено присылать людей из Европейской России для развития земледелия в этом регионе.

Роль правительства еще более возросла при заселении Иркутского воеводства. За 25-летний срок его первоначального освоения, как уже отмечалось, из 166 крестьян, осевших на пашню, только 40 пришли сюда гулящими людьми, остальные прибыли в этот край по государеву указу.

Из 14 селений, основанных рядом с Иркутском, деревни Кузьминская, Деревня, заимка Щукина, заимка Панова были устроены гулящими северянами по дороге на Байкал. Места эти изобиловали пушным зверем, а реки — рыбой, что позволило им заниматься привычным делом, как в родных местах: земледелием, охотой и рыболовством. Многие промышленные обзаводились хозяйством при помощи крестьян, которые принимали их в состав своих семей. Так, например, гулящий человек Афанасий Гармашев, женившись на дочери пашенного крестьянина заимки Щукиной Козьмы Белоусова, получил от тестя для ведения хозяйства большую подмогу: «коня работного сошного, кобылку добрую, сошники, косу, два серпа, десятину озими, четь десятины пшеницы, четь десятины овса». За щедрую помощь тестя зять обязался взять на себя полдесятины государева тягла³⁵. По переписи 1686 г., Афанасий Гармашев проживал на заимке Панова, соседствующей с заимкой Щукина. Чис-

³¹ Шерстобоев В.Н. Указ. соч. С. 243.

³² Там же. С. 235–258.

³³ Там же. С. 240.

³⁴ Там же. С. 242.

³⁵ РГАДА. Ф. 1121. Д. 1-а. Л. 102.



ло промышленных, которые обзавелись хозяйством, женившись на крестьянских дочерях, было достаточно велико.

И все же мы должны отметить, что северяне (промышленные люди), несмотря на свою активность, утратили ведущую роль в освоении юго-западных земель Предбайкалья (вторая половина XVII в.), уступив ее крестьянам центра и юга России. Причиной этого явления в освоении Восточной Сибири стало, на наш взгляд, оскудение людских ресурсов европейского севера России.

Наши выводы косвенно подтверждает работа Ю.А. Гагемейстера. Ее автор цитирует отписку архангельского воеводы, отправленную царю в 1686 г. В ней воевода донес правительству, что не сможет выполнить разнарядку, наложенную на воеводство по поставке рекрутов государству, так как две трети населения воеводства ушло на Дон и в Сибирь. В результате интенсивности переселения к этому году в Архангельском воеводстве обезлюдело 71 тыс. дворов³⁶. Факты, сообщенные архангельским воеводой о том, что край опустел и почти не имел ресурсов для выделения людских резервов, соотносятся с выводами В.И. Шункова. Он, проанализировав документы XVII в., пишет, что с европейского севера уходили целыми семьями, отчего в Устюжском и Усольском уездах «учинилась великая пустота»³⁷. Однако, несмотря на оскудение людских ресурсов севера России, поток переселенцев оттуда, значительно сократившись, не иссяк и они по-прежнему участвовали в формировании населения юго-западных земель Предбайкалья.

В отличие от добровольцев-северян, остальное население прибыло в этот край по государеву указу, т. е. принудительно. По распоряжению приказчика Иркутского острога, а позднее — воеводы прибывших крестьян расселяли на заранее отведенные плодородные земли. Государство, завладев вновь присоединенными землями, нуждалось в новом очаге земледелия, которое стало бы основой развития этого края. За короткий период, с 1671 по 1685 г., в Иркутск было отправлено пять партий крестьян-переселенцев (см. табл. 1–13). Под Иркутском было достаточно свободной плодородной земли. Места здесь были живописные, протекало много мелких рек, впадающих в Ангару. На реках Куде, Урике, Куяде,

³⁶ Гагемейстер Ю.А. Статистическое обозрение Сибири. СПб., 1854. С. 85.

³⁷ Шунков В.И. Очерки по истории колонизации Сибири XVII – начала XVIII в. М.; Л., 1946. С. 45.

Большом Коте, Талке, Иркуте, Ангаре были основаны первые поселения вновь прибывших крестьян.

В конце XVII в. процесс заселения Иркутского воеводства продолжился. В 1686 г. на р. Куде возникли новые слободы — Хомутовская, Грановщина и др. В Хомутовской слободе поселились вновь прибывшие крестьяне: Герасим Иванов, Иван Степанов, Данила Иванов, Ларион Фадеев, Филипп Антонов, Иван Емельянов, Дмитрий Васильев, Алексей Федоров, Степан Иванов, Филипп Петров ³⁸.

Итак, заимки, деревни и слободы, возникшие под Иркутском в начале 1670-х гг., успешно развивались. Правительство, стремясь к скорейшему заселению новых земель и их окончательному закреплению в составе Русского государства, оказывало существенную помощь переселенцам, выдавая «на каждую семью по одной лошади, одной корове, две овцы, две свиньи, конскую упряжь с прибором, 10 сажень веревки, пару сошников, топор плотницкий, косу, два серпа; хлеба для нивы — ржи или ярицы 12 пудов, ячменя 6 пудов, конопли один пуд. На продовольствие на 18 месяцев — каждому поселянину было выдано ржаной муки 36 пудов, соли — один фунт в месяц, на женщин и детей половину этой нормы» ³⁹. Правительство создавало благоприятные экономические условия для развития края и проживания в нем людей, так как, повторим, стремилось заселить Предбайкалье как можно быстрее. При освоении Западной Сибири Россия не имела серьезных противников политики присоединения новых земель к Русскому государству ни среди местных малочисленных народов, ни среди соседних государств. При освоении земель Предбайкалья, Забайкалья и Приамурья было иначе. Как уже упоминалось выше, китайская династия Цин, правившая в это время в Китае, отрицательно отнеслась к тому, что Россия присоединила к себе близлежащие к Китаю земли, и начала военные действия на Амуре, чтобы остановить продвижение русских далее на восток. Положение России осложнилось тем, что в Сибири отсутствовали дороги и крупные воинские соединения, которые могли бы противостоять китайской армии.

В таких условиях в 1682 г. правительство образовало новое воеводство, центром которого стал Иркутск, и подчинило ему два близлежащих острога: Бельский и Тункинский. На этом действия правительства по преобразованию Иркутского воеводства не за-

³⁸ Кашик О.И. Указ. соч. С. 42.

³⁹ Материалы... Т. 2, вып. 2. С. 35.



кончились: в 1686 г. к нему были присоединены Верхоленский, Идинский, Балаганский остроги и Бирюльская слобода, а также остроги Забайкалья: Верхнеудинский, Селенгинский, Баргузинский и Верхнеангарский.

Укрепляя положение русских на этом отдаленном рубеже России, правительство широко использовало дипломатические каналы, в 1675 г. отправив в Китай посольство Николая Спафария, а затем, в 1686 г., — посольство Федора Головина ⁴⁰.

Таким образом, в конце XVII в. правительство использовало разные методы закрепления за Россией земель юго-востока Сибири и Дальнего Востока. Однако самым действенным методом правительство по-прежнему считало заселение и хозяйственное освоение этих земель. Только наличие на сибирской территории значительного количества русского оседлого населения, занимавшегося земледелием, закрепляло эти земли за Россией.

Правительству было очень важно, чтобы каждый крестьянин был доставлен на юго-запад Предбайкалья и осел на землю. Об этом свидетельствует дело «О наблюдении за пашенными крестьянами, поселенными в Иркутском воеводстве, 1693 г.». В деле собрана переписка между чиновниками Сибирского приказа и Иркутской приказной избы, длившаяся с 1691 по 1693 г. По существовавшему порядку Иркутская приказная изба должна была представить в Сибирский приказ отчет о посланной по государеву указу в 1688 г. партии крестьян для поселения в Иркутском воеводстве. Крестьяне были отправлены с воеводой Петром Головиным и провожатым сыном боярским Саватеевым на 24 дощаниках. Среди отправленных 423 человека были женатыми, остальные — холостыми. Прошло три года с момента их отправки, а ответа о том, кто их

⁴⁰ Федор Головин — крупный государственный деятель, окольничий при дворе Петра I, был послан в Китай разрешить возникшие внешнеполитические проблемы. В Иркутске Головин уделил большое внимание развитию земледелия в крае. Он руководил в Сибири двухтысячной армией и должен был заботиться о ее пропитании. Последнее полностью зависело от степени развития земледелия. Были необходимы новые земли, пригодные для распашки, и люди, которые обрабатывали бы их. По указанию Ф. Головина исследовались земли между Уриком и с. Олонки, осуществились пробные посеы в Тунке. Головин отправил докладную записку в правительство о том, что необходимо прислать в край крупную партию переселенцев, что способствовало бы развитию земледелия в Предбайкалье. В результате в 1688 г. правительство отправило в край 500 крестьянских семей на поселение.

принял и как они устроены на новых землях, от воеводы Леонтия Кислянского не поступило. Сибирский приказ затребовал отчет, на что Иркутская приказная изба сообщила, что «на Белой поселено 125 человек, на Оке — 126, у 39 человек никаких строений нет. Восемь человек из этой партии поселены в Иркутский посад. Три человека живут в найме у старопахенных крестьян, один человек — в Уриковской слободе. Один человек живет за морем в Селенгинском монастыре. Один — у Ивашки Бурлака в холопстве — в Баргузине. Один человек живет у приказчика купца Ивана Ушакова — Лаврушки Петрова — в найме, в работе. Четыре человека оставлены в Тобольске, два человека были на ямских подводах. Три человека остались в Енисейске. Один из них отпущен в найм. Один человек остался в Маковском остроге, один, с женой и детьми, оставлен в Братском остроге»⁴¹.

Ответ Сибирского приказа содержал требование: всех оставленных по дороге людей вернуть в Иркутск и посадить их на землю, ушедших в работу по найму, в том числе из Селенгинского монастыря, вернуть. Тем же крестьянам, которые ушли работать к старопахенным крестьянам, после окончания срока работы, оговоренного договором, наниматели должны были построить дома. Для 29 человек, у которых на момент проверки никаких строений не было, местному руководству предписывалось построить «дворы, чтобы не разбрелись, не пили, не бражничали, не занимались дурным, пашню пахали радетельно, заботливо с прилежанием, чтобы десятина (государева) ими обрабатывалась»⁴². Заселение граничащих с территорией соседнего государства земель Иркутского воеводства было настолько необходимо государству, что учитывался каждый человек, отправленный на поселение. Вся отправленная партия крестьян должна была осесть на отведенных для этой цели землях. К сожалению, в отписке Иркутской приказной избы не указывается, какие селения образовала эта группа крестьян. Можно лишь предположить, что часть крестьян осела в Бельской слободе, которая к 1686 г. состояла из 12 дворов. По утверждению жителей с. Мотово, их селение возникло примерно в то же время, что и Бельская слобода. Расположено с. Мотово в 15 км от Бельска по р. Белой. Документально народные сведения о времени основания села не подтверждены, также неизвестно время возникновения на

⁴¹ РГАДА. Ф. 1121. Оп. 1. Ед. хр. 304. Л. 43–49.

⁴² Там же.



р. Белой старинных сел Верхний Булай, Средний Булай, Нижний Булай. В 1688 г. часть крестьян из прибывшей партии стала осваивать земли по р. Оеку, притоку Куды. По распоряжению воеводы Леонтия Кислянского пашенным крестьянам Панкрату Тимофееву и Сорокину были отведены земли возле устья Оека, ранее принадлежавшие бурятам Буяновского и Абаганатского родов, которым Леонтий Кислянский приказал «откочевать вверх по Оеку речке в вершины юртами»⁴³.

В 1697 г. в Иркутск вновь прибыла партия крестьян в количестве 500 человек, набранных по прибору для заселения юго-западных земель Иркутского воеводства⁴⁴. Таким образом, заселение приграничных земель юга будущей Иркутской губернии велось правительством планомерно и настойчиво. Видимо, эта партия крестьян положила начало новым селениям, возникшим в конце XVII в.: Куяде, Котам и др.

Активным насельником юго-западных земель в конце XVII в. стал Вознесенский монастырь. Его основатель старец Герасим в 1669 г. подал государю прошение об отводе монастырю земель для распашки «под хлебную пашню, под сенные покосы и дворовые постройки». В 1679 г. земля была отведена вверх по Иркуту по левую сторону «от гнилой курьи до Елового острова, до утесу по правую сторону Иркута с черными лесами»⁴⁵. Монастырь поселил на отведенных землях гулящих людей: Петрушку Окованцева, Ивашку Семенова, Ивашку Лукьянова, Тишку Матвеева — выходцев из Устюга, Лучку Антропьева, Федьку Кичигина, Устинку Федорова, Ивашку Захарова, Ивашку Алексеева, Петрушку Иванова, Федьку Иванова — выходцев с Пенег, Еремку Артемьева, Мишку Лукьянова, Андрюшку Зотова — бывших вычегжан и Ваську Исакова с Мезени, всего 15 человек, которые и стали основателями первого монастырского селения под Иркутском⁴⁶. В это же время монастырь закрепил за собой земли от устья Белой до речки Булай. «На них черный поп Тарасий с братией и вкладчиками образовал селение Булай»⁴⁷. В самом конце XVII в. к монастырю было приписано шесть деревень: Введенская, Баклашинская, Мальтинская, Бадайская, Буретская и Холмушенская, в которых было 52 двора

⁴³ РГАДА. Ф. 1121. Оп. 1. Д. 346. Л. 112.

⁴⁴ Материалы... Т. 2, вып. 2. С. 73.

⁴⁵ РГАДА. Ф. 214. Д. 914.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же.



Иркутский Вознесенский монастырь. Из кн.: Медведев С.И. Иркутск на почтовых открытках. М., 1996

и проживало 195 крестьян мужского пола. При селениях были устроены заимки в Малой Елани и Еловке. Заимки были главными складочными местами для хранения зерна. Монастырь, привлекая на свои земли гулящих людей, обеспечивал их «заводом» для первоначального обустройства, прикреплял к новому месту брачными союзами, оставлял на определенные сроки в их пользовании обрабатываемые ими земли ⁴⁸.

Итак, как свидетельствуют приведенные нами архивные материалы и другие источники, заселение Иркутского воеводства шло успешно. Задача, которую должны были решить переселенные крестьяне, была выполнена. Немногочисленные крестьянские хозяйства смогли в изобилии обеспечить хлебом Иркутский острог, выделить необходимое его количество для Тункинского, Баргузинского, Селенгинского и других острогов, которые находились в подчинении Иркутска и в которых земледелие было развито слабо. Из-за избытка зерна Иркутск вел активную торговлю хлебом. Русский посол в Китай Избрант Идес, прибывший в Иркутск в 1692 г., писал: «Этот город построен недавно, снабжен мощной крепостью и большими слободами. Хлеб, соль, мясо и рыбы здесь очень деше-

⁴⁸ Громов П. Начало христианства в Иркутске. Иркутск, 1868.



Село Куяда, Эхирит-Булагатский район. Фото А.К. Нефедьевой

вы, ржи больше всего, и столь много, что за семь стюйверстов можно купить ее сто немецких фунтов. Тому причина плодородие этой земли. От Иркутска до Верхоленска родится много разнообразных хлебных злаков, там находится много русских дворов, которые наживают богатства земледелием»⁴⁹.

Таким образом, начало освоения юго-западных земель Иркутского воеводства было положено крестьянами центра и севера России. При этом крестьяне, прибывшие из центра России, имели по численности значительный перевес. Каждый из этих регионов имел свой культурно-хозяйственный тип с характерными особенностями архитектуры, образа жизни, занятий. Поселившись на новых местах, представители каждого региона первоначально воспроизводили ту модель культурно-хозяйственного типа, которая бытовала на их родине. Строя здесь дома с дворовыми постройками, они возводили традиционные для их прежнего места жительства строения. Но постепенно адаптируясь к новым природным и климатическим условиям, а также используя опыт друг друга и местного населения, они сформировали новый общий тип хозяйства, который больше соответствовал условиям жизни на сибирской земле. Однако живу-

⁴⁹ Цит. по: Алексеев М.П. Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей. Иркутск, 1941. С. 532.

честь традиций была настолько сильна, что даже в конце XX в. при исследовании народных жилищ в местах, где поселения основали разные группы крестьян (северяне и из центра России), мы встретили типы домов с ярко выраженными строительными традициями, характерными для севера и центра России.

Таким образом, история первоначального заселения Иркутского воеводства, рассмотренная нами, позволяет выявить истоки формирования земледельческой культуры юго-западного Предбайкалья. Дальнейшее изучение этого вопроса в других временных рамках позволит выявить причины формирования особенностей культуры этой группы крестьянства.

ЗАСЕЛЕНИЕ МОСКОВСКОГО ТРАКТА

В первой половине XVIII в. процесс заселения Иркутского уезда продолжился. По данным переписной книги 1729 г., численность населения слобод и деревень Иркутского уезда значительно возросла. Оекская слобода имела 79 дворов, в которых проживало 300 душ мужского пола ¹, Кудинская слобода — 105 дворов, 369 душ мужского пола ². Менее интенсивно развивалась Уриковская слобода. В 1729 г. в ней было 43 двора и 157 душ мужского пола ³. В Тункинском остроге вместе с верхнеангарскими деревнями насчитывалось 33 двора и 86 душ мужского пола ⁴. Почти в четыре раза с 1686 г. увеличилась Бельская слобода: до 46 дворов и 181 души мужского пола ⁵. К этому времени Иркутск стал крупным административно-хозяйственным центром. В справке Иркутской провинциальной канцелярии 1729 г., поданной Г.Ф. Миллеру по его запросу, указывалось, что «имеетца в г. Иркутске синодального ведомства и купецких и прочих чинов людей 936 дворов» ⁶.

В городе проживало 10 дворян, 40 боярских детей, конных казаков — 300, пеших — 150, посадских — 1 082, отставных служилых — 605, бобылей — 428, церковных причетников — 17 душ мужского пола ⁷.

В 1729 г., по сведениям из справок Иркутской провинциальной канцелярии, общее количество крестьян Вознесенского монас-

¹ РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Ед. хр. 1481. Л. 4 об.

² Там же.

³ Там же. Л. 5.

⁴ Там же. Л. 4 об.

⁵ Там же. Л. 5 об.

⁶ Там же. Л. 7.

⁷ Там же. Л. 7 об.



Карта земель, входящих в Московский тракт



тыря составляло 507 душ мужского пола, Знаменского девичьего монастыря ⁸ — 196 душ мужского пола ⁹.

Судя по переписной книге, в 1732 г. в Оекском дистрикте проживало крестьян 1 154 души мужского пола, в Балаганском — 399 душ мужского пола ¹⁰.

Источником формирования населения Иркутского уезда первой половины XVIII в. по-прежнему были гулящие люди с севера России, многие из которых оседали на землях монастырей (главным образом Вознесенского и Знаменского).

Численность населения юго-западных земель Предбайкалья увеличивалась за счет внутренней миграции людей из Енисейска и Илимска. Тяжелое бремя многочисленных повинностей, возложенное на крестьян во втором десятилетии XVIII в., явилось причиной их бегства с мест проживания на новые земли. Так, из слобод и деревень Илимского воеводства до 1726 г. бежало 140 человек, которые в большинстве своем осели в Иркутске ¹¹.

Третьим и основным источником пополнения народонаселения Иркутского уезда указанного периода стал естественный прирост населения. По ведомости 1733 г., составленной Провинциальной канцелярией г. Иркутска, в Иркутском дистрикте родилось детей мужского и женского пола 838, умерло 346 человек, т. е. прирост населения за год составил 492 человека ¹².

Судя по работам известных исследователей народонаселения Сибири В.М. Кабузана и С.М. Троицкого, в первой половине XVIII в. ссыльные поступали мелкими одиночными группами (см. главу 6) и оседали в крупных по тем временам населенных пунктах и Иркутске ¹³.

Освоение юго-западных земель ускорилось в связи с принятым Правительствующим сенатом 16 марта 1733 г. указом «О проведении кратчайшего пути, который соединил бы сибирские города

⁸ Земли Знаменского девичьего монастыря находились за пределами земель Московского тракта и нами в дальнейшем рассматриваться не будут.

⁹ РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Ед. хр. 1481. Л. 9.

¹⁰ Там же. Л. 91.

¹¹ Кашик О.И. К вопросу о положении пашенных крестьян Восточной Сибири в XVII – первой половине XVIII в. // Сибирь в XVII – первой половине XVIII в. Новосибирск, 1962. С. 126.

¹² РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Ед. хр. 1481-7. Л. 35.

¹³ Кабузан В.М., Троицкий С.М. Заселение Восточной Сибири в первой половине XVIII в. // Сибирь в XVII – первой половине XVIII в. С. 53.



с Tobольском и Санкт-Петербургом». Устройство нового тракта было обусловлено главным образом необходимостью дальнейшего развития Сибири, прежде всего торговли, промышленности, совершенствования административно-хозяйственного управления, налаживания в крае регулярного почтового сообщения. Существовавший северный путь требовал много времени для сообщения с краем (от Tobольска до Нерчинска — 10 месяцев и более года — до Охотска). Дорога была крайне несовершенна. Сложность продвижения по ней определялась необходимостью преодоления волоков. Один из них — Маковский — лежал «через грязи великие, через болота и речки, а на иных местах были по нему и горы, а леса везде темные»¹⁴. Здесь в качестве тягловой силы использовались люди, а также выючные лошади и собаки, «а телегами через тот волок ходу за грязью и болотами не бывает»¹⁵.

Не менее сложным был переход и на Енисей. Здесь трудность пути заключалась в необходимости неоднократно перегружать кладь, так как на разных участках рек, впадавших в Обь и Енисей, могли проходить суда различной грузоподъемности. Из кочей или дощаников груз переносили в лодки, на них двигались по озерам и протокам непосредственно к волоку, по которому кладь переносили на себе или волокли на тележках, затем снова передвигались на лодках, торопясь успеть до летнего снижения воды, когда через протоки не могли пройти даже на лодках и вынуждены были поднимать уровень воды с помощью парусных и земляных запруд¹⁶.

При таком несовершенном и длительном пути трудно было решать задачи экономического развития Сибири, реформирования административно-хозяйственного управления и регулярного почтового сообщения. Устройство новой дороги стало для края первой необходимостью. Лучшие люди России, волею судьбы связавшие свою деятельность с Сибирью, уже давно предлагали правительству устроить удобный для продвижения новый сухопутный тракт.

Одним из первых, кто поднял вопрос о строительстве прямой колесной дороги по югу Сибири, был Семен Ремезов — ученый, художник и картограф. Он жил в Tobольске вместе с сыновьями и имел там свою мастерскую. По поручению правительства во второй половине XVII в. Семен Ремезов собирал все географиче-

¹⁴ Никитин Н.И. Сибирская эпопея XVII в. М., 1987. С. 47.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

Между реками Мысовая
и Улятуй



Станция Боярская



Боярский причал



Кругобайкальский тракт.
Научная библиотека
Иркутского госуниверси-
тета

ские сведения о сибирских землях для составления карт Сибири. В 1701 г. он подал в правительство докладную записку, в которой предлагал устроить сухопутную дорогу от Урала до Китая по южным землям Сибири, принадлежавшим России. По его расчетам, новая дорога позволила бы в три раза сократить время пребывания в пути и была бы более доступной и легкой. Сообщение по ней могло быть круглогодичным. Однако время подачи докладной записки было выбрано неудачно. Петр I и его правительство были заняты войной со Швецией, которая в это время завоевала ряд соседних мелких европейских государств и владычествовала на Балтийском море. Шведский король Карл XII, имея имперские амбиции, жаждал завоевания части российских земель и таким образом хотел еще более усилить свое государство и помешать Петру I выйти к Балтийскому морю. Война со Швецией стала главной причиной, по которой проект Семена Ремезова остался нереализованным.

Сообщение с Сибирью продолжалось по северному пути, который в начале XVIII в. пытались усовершенствовать, заменив порожистую часть Ангары сухопутной дорогой от Красноярска на Иркутск. Эта дорога была известна уже в XVII в. Казаки, приказчики, купцы и промышленные люди из Енисейска, Красноярска и Иркутска ездили по ней в Нижнеудинскую тайгу, к карагасам, тунгусам и бурятам для закупа у них пушнины. Первым государственным человеком, проехавшим по новой дороге, был иркутский воевода Ю.Ф. Шишкин. 24 июня 1702 г. он покинул Красноярск и в сопровождении казаков поехал в Иркутск ¹⁷.

В 1721 г. по приказу красноярского коменданта Дмитрия Борисовича Зубова эту дорогу обследовал сын боярский Иван Катухов вместе с казаками Яковом Терским, Иваном Ивановым, Михайлой Павлушковым и др. По замерам, которые они сделали, общая длина дороги от Красноярска до Иркутска составила 1 282 версты. Дорога шла от Красноярска до д. Лодейской — 7 верст, от д. Лодейской до Канского острога — 223 версты, от Канска до Удинска — 402 версты, от Удинска до Балаганска — 448 верст, от Балаганска до д. Бейтоновой — 58 верст, от Бейтоновой до д. Молты — 48 верст, от Молты до Жилкино — 86 верст, от Жилкино до Иркутска — 10 верст ¹⁸.

¹⁷ Хобта А.В. Начало устройства Московского тракта в Иркутской губернии // *Земля Иркутская*. 2004. № 3. С. 2.

¹⁸ Памятники Сибирской истории XVIII в. СПб., 1885. Кн. 2: 1713–1724 гг. С. 289–330.



Дорога эта была подробно описана Г.Ф. Миллером, проследовавшим по ней в Иркутск в 1735 г. Приведем его описание участка дороги по Иркутской губернии.

От Канского острога, пишет Г.Ф. Миллер, «до Нижнеудинского острогу ехали более горами и лесами. Нижнеудинские жители присуда г. Енисейску». Здесь экспедиция взяла свежих лошадей и отправились дальше; вскоре, в четырех верстах от острога, она пересекла речку Тыргиту, которая вытекала из болота и впадала в протоку р. Уды. Далее описываются речки, которые путникам пришлось переехать. Проехав 20 верст, вновь кормили лошадей. И так доехали до «речки Шаборта, от переезда в 5-и верстах в реку Каду впадала, а та в Уду». У Шаборты стояло зимовье, у которого Г.Ф. Миллер отдыхал. Затем на пути встретилась речка Курзун, за ней на р. Ие «стоит Тулунская деревня Илимского уезда, принадлежала Братскому острогу, от которого до Тулуна ехали горами, борами и еланями». В 1,5 версты от Тулуна встретилась д. Карташева «Братского присуда, стоит на реке Ие», переехали ее и у р. Шалхунова у самого «переезда увидели мельницу хлебную». Далее дорога шла через д. Гаврилова, реки Карабулон, Малый Чарагон, Большой Чарагон. Дорога пересекла реки Илию, Алку, от Илии в 12 верстах «кормили лошадей». Затем по речке Барлуцкой прибыли в Барлукскую слободу, от Тулуна в 62 верстах. «В Барлуке церковь во имя Успения Богоматери, в 12 верстах от Барлукской слободы Барлукская деревня. До сего места ехали борами, а больше еланью». Затем проехали Уяновскую деревню, находившуюся в 18 верстах от Барлукской слободы, при которой был устроен переезд через р. Оку. Снова кормили лошадей, затем вышли на р. Киселек, у ее переезда стояла хлебная мельница. Дорога вывела на р. Кундулук, затем на р. Буреть, на которой стояла Буретская деревня Илимского уезда. В 10 верстах от нее находилось «Бессоновское зимовье Иркутского уезда», дорога выходила на Ангари и шла по хорошо известному тракту Илимск–Иркутск¹⁹.

Из описания дороги, сделанного Г.Ф. Миллером, следует, что дорога за прошедшие после измерения ее Иваном Катуховым 15 лет изменилась. По ней в Иркутском и Илимском уездах деревень было уже достаточно, что позволяло использовать ее для проезда в зимний период.

По этой дороге в зимнее время из Красноярска в Иркутск про-

¹⁹ РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Ед. хр. 517. Ч. 1. Л. 12.

ехал другой немецкий ученый, Иоганн Гмелин. Несмотря на то что дорогой пользовались официальные лица, которые отправлялись в Восточную Сибирь по заданию правительства, на ней не было ямских станов и правильной смены лошадей. Дорога по типу относилась к проселочным, и основные перевозки продолжали совершать северным путем. Сибирь по-прежнему нуждалась в новом сухопутном пути.

В 1726 г. В.Н. Татищев²⁰, видный государственный деятель Петровской эпохи, подал в Правительствующий сенат докладную записку о необходимости выбора трассы для нового сухопутного колесного пути в Сибирь. В записке, поданной в Сенат, Василий Никитович акцентировал внимание правительства на том, что, по поступившим к нему донесениям, Сибирь таит в себе несметные богатства, «а особливо в провинции Даурской находятся медные весьма прибыльные руды, яшма светло и темно-зеленая, которых гора великая суть», и далее, перечисляя полезные ископаемые, высказывал сожаление, что «онное от Бога богатства остается тщетно», так как подлежащие пути в весьма плохом состоянии. В.Н. Татищев предлагал направить тракт по центру России через Владимир, Вятку, Кунгур, Екатеринбург, Томск, Красноярск, Иркутск и далее в Даурию²¹. Письмо Татищева, как когда-то предложение Семена Ремезова, осталось без ответа.

Петр I, выиграв войну со Швецией, вынужден был срочно заняться укреплением юго-восточной границы, разделявшей Россию с Персией. Персы беспрерывно нападали на торговые караваны русских купцов. Петр I, защищая интересы России, начал дипломатические переговоры, которые не привели к успеху, поэтому он направил в Персию 20-тысячную армию. Персы были разбиты, и торговля русских в юго-восточном направлении была восстановлена.

Несмотря на успехи, достигнутые Петром I в укреплении Российского государства, Россия после его смерти не смогла в полной

²⁰ Василий Никитович Татищев родился в 1686 г. под Псковом, окончил в Москве инженерно-артиллерийскую школу, принял участие в Северной войне со Швецией, затем по назначению императора Петра I в 1720 г. был отправлен на Урал управляющим государственными горно-промышленными заведениями. Им был основан г. Екатеринбург (Свердловск). В истории более известен как автор первого пятитомного сочинения по истории России. Умер в Подмоскowie в с. Болдино в 1750 г.

²¹ Экспедиция Беринга: сб. док. М., 1941. С. 126.



мере использовать его достижения. Началась пора междоусобицы, которая закончилась к 1732 г. вступлением на престол императрицы Анны. К этому периоду окрепла и развилась Академия наук, созданная Петром I. И в 1733 г. правительство наконец смогло обратить внимание на Сибирь и организовало экспедицию из профессоров и академиков для изучения этого обширнейшего региона России. Отсутствие удобных сухопутных дорог осложняло работу экспедиции. Поэтому ее начальнику Витусу Берингу, который должен был проследовать через всю Сибирь до Охотского порта, было поручено по пути следования выбрать трассу будущей дороги, которая вошла в историю под названием «Московский тракт».

Летом 1734 г. Беринг доехал до Красноярска и через селения Есаулово, Канск, Нижнеудинск прибыл в Тулун Иркутской провинции, затем доехал до р. Шерагула, свернул на южную дорогу, которая в этом месте отделялась от северной. (Описание иркутского участка северной дороги Г.Ф. Миллером было приведено выше.) Южная дорога, выбранная Берингом, также была известна промышленникам, приказчикам и купцам Иркутска с XVII в. Они пользовались ею при перевозке грузов в летнее время. Дорога проходила по лесостепной местности и была короче северной, следующей на Балаганск, на 200 верст. Местность, по которой проходила дорога, изобиловала в летний период естественными кормами для лошадей, поэтому проезжие могли пользоваться ею летом, несмотря на отсутствие деревень. Южный путь произвел на Беринга самое благоприятное впечатление, и в донесении в Адмиралтейств-коллегию он написал: «К Иркутску усмотрел к селению весьма привольные земли понеже реки рыбное, притом к пашне и сенному месту весьма пригодные и таких мест мало в России имеетца... можно по тем местам семей 1 000 и более поселить»²².

К сожалению, Беринг не оставил подробного описания мест, через которые он проезжал по Иркутской губернии. Однако полное представление о выбранном им пути дает документ 1736 г., хранящийся в РГАДА, — «Ведомость какое число имеетца от г. Иркутска от острогу до острогу и от слободы до слободы и от деревни до деревни Красноярского ведомства до реки Ии до Тулунской деревни 500-х верстах, которую мерил Иркутский боярский сын Петр Чемесов»²³. В нем описывается дорога, выбранная Берингом под

²² Экспедиция Беринга. С. 102.

²³ РГАДА. Ф. 199. № 481.7.7. Л. 39–39 об.

Московский тракт. Документ настолько ценен информацией, что мы публикуем его без сокращений.

Ведомость
какое число имеетца от г. Иркутска от острогу до острогу
и от слободы до слободы и от деревни до деревни
Красноярского ведомства до реки Ии до Тулунской деревни
500-х верстах, которую мерил Иркутский боярский сын
Петр Чемесов

Название населенных пунктов	Версты между ними
От Иркутска до Вознесенского монастыря	4
От монастыря до Зуева зимовья	19
От Зуева зимовья до Яловки	5
От Яловки до Сухой речки до Глазнова зимовья	4
От Сухой речки до Китоя до Глазнова зимовья	9
От Китоя до Тельмы речки до Мельникова зимовья	18
От Тельмы речки до Малой Тельмы речки	5
От Малой Тельмы речки до Мальты до монастырской деревни	13
От Мальты до Половинной пади до Перфильева зимовья	27
От Половинной до Баданова зимовья до Черемховской пади	16
От Баданова зимовья до речки Кутулик	28
От Кутулик до Залари речки до Чемиссовой деревни	30
От Залари до речки Тырети до Никитинова зимовья	22



От Тырети до Оки реки до перевозу до Миронова зимовья	24
От Оки до Ука речки до Еремина зимовья	8
От Ука до Костна зимовья	17
От Костна зимовья до Косой горы до Сызова зимовья	28
От Сызова зимовья до ключа до Кузнецова зимовья	22
От Ключа до Гладкова зимовья до речки Или	16
От речки Или до Мурашева зимовья до речки Шарагул	18
От Шарагула до речки Ии до Тулунской деревни	26
Всего от Иркутска до Ии реки до Тулунской деревни и до Красноярского ведомства	359

Таким образом, как свидетельствуют данные этой ведомости, южный путь по Иркутской провинции проходил от Иркутска через реки Китой, Тельму, Мальту, далее — через Половинную и Черемховскую пади на реки Кутулик, Залари по родовым землям западных бурят. На них по следованию пути стояли зимовья русских людей и две деревни — Мальта и Чемесово. Далее дорога пролегла по родовым землям тунгусов Тыртеевского, Заюктаева и Цангетинова родов, где также стояли зимовья русских людей²⁴. Заканчивался путь по Иркутской провинции в д. Тулунской. Проезжавший через нее в 1735 г. Иоганн Гмелин оставил ее описание. По этому описанию, д. Тулунская состояла из десяти домов. В ней уже был стационарный дом, и здесь же производилась смена лошадей²⁵.

Изучая координаты, по которым шел южный путь, измеренный Петром Чемесовым, авторы хотели бы отметить, что дорога обходила часть деревень, расположенных около Иркутска. Некоторые из них, такие как Усолье, были довольно крупными. В Усолье велась добыча соли, которая поступала для продажи в разные концы Восточной Сибири. Обошла дорога и д. Китой, основанную крестьянами Вознесенского и Знаменского монастырей в конце

²⁴ РГАДА. Ф. 199. № 481.7.7. Л. 26.

²⁵ Хобта А.В. Указ. соч. С. 7.



Фабричное поселение Тельма. Из кн.: *Живописная Россия*

XVII – начале XVIII в. В целом же указанные в ведомости Петра Чемесова зимовья, стоявшие на южной дороге, послужили основаниями для ямских станов, строительство которых началось с 1743 г. Этому предшествовала работа местной власти, направленная на поиски людей, пожелавших бы переехать на новое место жительства. В Иркутской канцелярии были подготовлены указы, приглашавшие жителей провинции принять участие в заселении новых земель, выбранных под ямские станы; указывались льготы, которые должны были получить крестьяне, перешедшие в ямщики: наделение 15 десятинами пахотной земли, освобождение на три года от всех податей, возможность заниматься в свободное от ямщины время охотой, вести торговлю пушниной через выбранных десятников и дополнительно получать за перегоны плату, установленную казной²⁶. С этими указами во все остроги Иркутской провинции были отправлены комиссары для ведения агитации среди местного населения. Составленные нами по материалам переписи 1762 г. таблицы дают полное представление о процессе заселения Московского тракта в Иркутской губернии, о времени образования селений и о том, откуда прибыли переселенцы в образованные ямские станы.

²⁶ Гольдфарб С. Иркутская почта. Иркутск, 1998. С. 24.



Таблица 14

Китой

Имя и фамилия переселенца	Общее количество членов семьи		Возраст основателя на 1762 г., лет	Откуда прибыл	Год при- бы- тия
	на 1747 г.	на 1762 г.			
1. Петр Торинов	...	7		Иркутск	1749
2. Иван Баркин	...	7	28	Иркутск	1749
3. Михаил Полубенцев	...	3		Иркутск	1749
4. Иван Сутырин	...	3	66	Иркутск	1749
5. Матвей Малышев	...	2		Иркутск	1749
6. Федор Чесовитин	...	10		Иркутск	1749
7. Сергей Макаров	...	5		Иркутск	1749
8. Евгений Зырянов	...	16		Кудинская слобода	1749
9. Абакум Седельников	...	3		Кудинская слобода	1749
10. Данило Ильин	...	14	86	Кудинская слобода	1749
11. Григорий Ильин	...	7		Кудинская слобода	1749
12. Афанасий Бутаков	...	7		Верхоленский острог	1749
13. Антон Сулаев	...	11	70	Идинский острог	1749
14. Прокопий Шипигов	...	6		Идинский острог	1749
15. Павел Кисилев	...	6		Идинский острог	1749
16. Илья Чабаевский	...	11		Бельский острог	1749
17. Иван Захаров	...	4		Бельский острог	1749

Окончание табл. 14

18. Иван Охлопков	...	11		Чечуйский острог	1749
19. Григорей Михин	...	4		Киренский острог	1749
20. Степан Парнянников	...	4	65	Иркутск	1749
21. Иван Малышев	...	1		Иркутск	1751
22. Семен Ощепков	...	6		Иркутск	1753
Итого		148			

Ямская станция Китой была основана в 1749 г. на месте Глазнова зимовья. Контингент ее насельников состоял из жителей Иркутска — 10 семей, Кудинской слободы — 4 семьи, Бельского острога — 2 семьи, Идинского — 3 семьи и по одной семье из Чечуйского и Киренского острогов. Таким образом, основу заселения — 16 семей — составили жители Иркутского уезда. К 1753 г. в Китое было уже 22 крестьянских двора, в которых, по переписи 1762 г., проживало 148 человек. Станция получила название от р. Китоя.

Таблица 15

Тайтурка

Имя и фамилия переселенца	Общее количество членов семьи		Возраст основателя на 1762 г., лет	Откуда прибыл	Год прибытия
	на 1747 г.	на 1762 г.			
1. Петр Зарубин	5	9	50	Иркутск	1743
2. Гаврило Щепеткин	4	5	43	Иркутск	1743
3. Кондратий Мушников	5	12	...	...	...
4. Николай Давыдов	7	10	54	Урик	1743



Продолжение табл. 15

5. Иван Попов	4	25	85 *	Бельский острог	1743
6. Прокопий Тепликов	10	23	77	Бельский острог	1743
7. Матвей Осинцев	4	9	40	Бельский острог	1743
8. Андрей Мартынов	4	7	46	Бельский острог	1743
9. Федор Низовцев	2	5	38	Бельский острог	1743
10. Кирило Захаров	1	8	60	Балаганский острог	1743
11. Василий Реутов	8	12	56	Новоудинская слобода	1743
12. Федор Касьянов	4	10	89	Новоудинская слобода	1743
13. Лука Захаров	3	6	75	Балаганский острог	1743
14. Петр Петров	7	18	40	Иркутск	1748
15. Сава Белых	7	16	49	Иркутск	1748
16. Илья Черепанов	7	13	55	Иркутск	1748
17. Иван Коклягин	—	1	65	Иркутск	1748
18. Василий Казаков	4	18		Уриковская слобода	1748
19. Федор Власов	6	9	51	Оекская слобода	1748
20. Марко Михалев	1	1	46	Оекская слобода	1748
21. Игнатий Лебедев	9	14	74	Илгинский острог	1748
22. Леонтий Евдокимов	4	7	50	Илгинский острог	1748
23. Елисей Донских	6	9	55	Идинский острог	1749
24. Никита Зорин	5	9	54	Идинский острог	1749

* В табл. 15–23 выделенные цифры в графе «Возраст основателя на 1762 г.» указывают возраст, в котором человек умер.

Окончание табл. 15

25. Фрол Шангин	8	16	71	Бельский острог	1749
26. Иван Михалев	2	4	40	Бельский острог	1749
27. Матвей Паршенников	3	4	...	Иркутск	1749
28. Никита Прошев	6	10	39	Илгинский острог	1749
29. Алексей Тепликов	10	23	...	Бельский острог	1751
Итого	146	313			

Ямская станция Тайтурка была основана в 1743 г. В этом году в нее переселилось 13 семей из Иркутска, Урика, Оекской слободы, Бельска. Вторая партия переселенцев, из 9 семей, прибыла из Идинского и Илгинского острогов. В 1749 г. поступление переселенцев продолжилось, в Тайтурку прибыло еще 6 семей из уже названных мест. Первоначальное формирование населения Тайтурки завершилось к 1751 г. прибытием в нее семьи Алексея Тепликова из Бельского острога. К этому времени в Тайтурке насчитывалось 29 дворов, в которых проживало 313 человек. Свое название ямской стан получил от названия реки, рядом с которой был образован.

Таблица 16

Черемхово

Имя и фамилия переселенца	Общее количество членов семьи		Возраст основателя на 1762 г., лет	Откуда прибыл	Год прибытия
	на 1747 г.	на 1762 г.			
1. Никита Чижухин	7	17	71	Бельский острог	1743
2. Степан Кабаков	4	5	70	Бельский острог	1743



Продолжение табл. 16

3. Кирилл Гришев	9	16	80	Идинский острог	1743
4. Семен Хронцов	5	8	41	Бельский острог	1748
5. Василий Курбатов	4	4	58	Иркутск	1748
6. Степан Карнаков	4	7	48	Иркутск	1748
7. Прокоп Шишкин	4	4	41	Идинский острог	1748
8. Емельян Гришев	2	5	50	Идинский острог	1748
9. Андрей Борисов	4	5	39	Идинский острог	1748
10. Осип Фоминых	6	9	70	Новоудинская слобода	1748
11. Егор Дроздов	3	5	50	Илимский острог	1748
12. Иван Тюрин	5	12	82	Бельский острог	1748
13. Яков Севастьянов	6	7	43	Бельский острог	1748
14. Павел Черниговский	3	6	39	Бельский острог	1748
15. Евдоким Помаскин	4	8	67	Иркутск	1749
16. Иван Поморцев	7	9	76	Иркутск	1749
17. Иван Середкин	3	10	52	Идинский острог	1749
18. Самойло Быков	3	4	33	Идинский острог	1749
19. Иван Семенкин	6	14	74	Идинский острог	1750
20. Василий Мыльников	2	8	56	Иркутск	1750
21. Борис Бутаков	2	5	55	Идинский острог	1751
22. Трофим Середкин	3	7	63	Идинский острог	1751

Окончание табл. 16

23. Иван Заговоров	2	2	60	Иркутск	1751
24. Степан Токарев	3	6	55	Нижнеилим- ская слобода	1751
25. Афанасий Шупилов	3	5	62	Иркутск	1752
26. Иван Белобородов	4	9	50	Нижнеилим- ская слобода	1753
27. Амос Рыков	6	6	81	Иркутск	1754
28. Григорий Позднеев	4	5	80	Нижнеилим- ская слобода	1754
29. Федор Куликов	4	6	56	Идинский острог	1754
30. Ефим Осенцев	3	4	68	Идинский острог	1755
31. Григорий Белоборо- дов	6	10	50	Нижнеилим- ская слобода	1755
32. Иван Дмитриевых	4	5	86	Идинский острог	1760
Итого	163	233			

Ямская станция Черемхово была основана в 1743 г. тремя крестьянскими семьями: Никиты Чижухина, Степана Кабакова, Кирилла Гришева, которые прибыли на место Бадановского зимовья из Бельского и Идинского острогов. В 1748 г. Черемхово приняло еще 11 семей из Иркутска, Идинского, Илимского острогов и Новоудинской слободы. Население стана продолжало пополняться: в 1749 г. прибыло 4 семьи из Иркутска и Идинского острога, в 1751 г. — еще 5 семей из тех же мест. В 1760 г. Черемховский ямской стан насчитывал 32 двора, в которых проживало 233 человека. Название стан получил от особенности местности — обильно растущей здесь черемухи.



Таблица 17

Кутулик

Имя и фамилия переселенца	Общее количество членов семьи		Возраст основателя на 1762 г., лет	Откуда прибыл	Год при- бы- тия
	на 1747 г.	на 1762 г.			
1. Иван Тугаринов	6	10	85	Иркутск	1743
2. Гаврил Тютрин	4	26	61	Бельский острог	1743
3. Максим Молев	11	18	79	Бельский острог	1743
4. Григорий Ципкин	1		82	Бельский острог	1743
5. Иван Тепликов	2	4	55	Бельский острог	1743
6. Иван Шестаков	4	7	38	Балаганский острог	1743
Иван Евдакимов	4	8	...	Балаганский острог	1743
Михайло Амосов	9	23	81	Бельский острог	1743
7. Петр Песков	6	7	60	Балаганский острог	1743
8. Федр Попов	8	13	68	Бельский острог	1746
9. Илья Мурашев	4	7	41	Илимский острог	1747
10. Алексей Тепликов	8	13	87	Бельский острог	1748
11. Денис Кручинин	5	14	54	Яндинский острог	1748
12. Иван Широколов	5	13	55	Илимский острог	1748
13. Яков Балдаков	4	7	38	Илимский острог	1748

Окончание табл. 17

14. Гаврила Полевщиков	3	6	48	Балаганский острог	1749
15. Ларион Забелин	7	9	90	Илгинский острог	1749
16. Иван Красильников	3	11	49	Бельский острог	1750
17. Карп Шелемин	7	16	74	Бельский острог	1751
18. Савва Солкин	2	4		Бельский острог	1751
Афанасий Попов	8	10	85	Илгинский острог	1751
Козьма Середкин	3	5	23	Идинский острог	1752
19. Федор Середкин	8	18	63	Идинский острог	1753
20. Данила Нестеров	3	8	36	Идинский острог	1753
21. Федор Черкашин	5	4	29	Балаганский острог	1753
22. Парфен Хороших	5	9	62	Идинский острог	1753
23. Степан Смирной	2	6	84	Иркутск	1754
24. Василий Ожегов	6	8	55	Илгинский острог	1754
25. Федор Понамарев	6	11	64	Илгинский острог	1754
26. Ефим Шаманов	1	1	24	Орленская слобода	1754
Дмитрий Муратов	3	8	60	Братский острог	1754
27. Онисим Белослубцев	7	8	60	Илгинский острог	1755
28. Гаврила Спешилов	2	9	56	Бельский острог	1757
Итого	184	327			

Основание ямской станции Кутулик было положено семьями Ивана Тугаринова из Иркутска, Гаврилы Тютрина, Максима Моле-



ва, Григория Ципкина из Бельска, Ивана Шестакова из Балаганского острога и др., прибывшими в Кутулик из разных мест Иркутской провинции. В 1748–1749 гг. население пополнилось еще 7 семьями. В каждый последующий год население увеличивалось на 2–5 семей. В 1757 г. в Кутулике проживало в 28 дворах 327 человек. Название Кутулик получил от одноименной речки, протекающей рядом с селом.

Таблица 18

Залари

Имя и фамилия переселенца	Общее количество членов семьи		Возраст основателя на 1762 г., лет	Откуда прибыл	Год при- бы- тия
	на 1747 г.	на 1762 г.			
1. Степан Чистяков	8	16	62	Иркутск	1743
2. Григорей Цыпкин	1	1	56	Бельский острог	1743
3. Андрей Дружинин	2	4	76	Балаганский острог	1743
4. Ульян Шульгин	2	4	44	Балаганский острог	1743
5. Григорей Минарев	...	4	...	Балаганский острог	1743
6. Григорий Рютин	5	13	64	Балаганский острог	1743
7. Семен Рютин	5	16	43	Балаганский острог	1743
8. Семен Черных	7	19	71	Балаганский острог	1743
9. Герасим Попов	4	8	62	Балаганский острог	1743
10. Никита Елисеев	2	3	54	Балаганский острог	1743
11. Евдоким Семенкин	4	4	40	Балаганский острог	1743

Окончание табл. 18

12. Григорий Иноземцев	4	12	65	Балаганский острог	1743
13. Николай Мухин	2	2	33	Балаганский острог	1743
14. Иван Черных	2	7	62	Балаганский острог	1743
15. Иван Мошкарин	6	6	71	Барлукская слобода	1743
16. Никита Минеев	10	15	47	Яндинский острог	1743
17. Иван Тютрин	3	5	34	Яндинский острог	1743
18. Фрол Бузиков	5	8	47	Новоудинская слобода	1743
19. Феодосий Источкин	9	22	56	Новоудинская слобода	1743
20. Петр Выборов	8	16	50	Илгинский острог	1743
21. Фирс Нежданов	3	4	21	Илгинский острог	1743
22. Сергей Таутаев	5	13	70	Балаганский острог	1743
23. Семен Распутин	6	16	43	Балаганский острог	1743
24. Федор Чеусов	2	2	49	Балаганский острог	1747
25. Иван Распутин	6	8	83	Балаганский острог	1751
26. Андрей Налевной	2	4	32	Орленская слобода	1754
27. Антон Бутырин	4	7	47	Илгинский острог	1760
Итого	123	239			

Как отмечает перепись населения 1762 г., Заларинский ямской стан возник одновременно с другими станами в 1743 г. Однако эти сведения противоречат данным, сохранившимся в исторической литературе. В частности, в Прибавлениях к газете «Иркутские епархиальные ведомости» сообщается, что в Заларях сгорела в



Село Залари. Фото А.К. Нефедьевой

1734 г. деревянная церковь²⁷. Наличие церкви дает исследователям право предполагать, что с. Залари уже тогда было достаточно крупным. Люди, проживавшие в нем, должны были быть зафиксированы переписью 1762 г. Однако сведения о них отсутствуют. Основание всех ямских станов в Иркутской провинции, кроме Китоя, датируется 1743 г. Поскольку дополнительных переписей, относящихся к этим деревням, мы не нашли, то предполагаем, что ямские станы были поставлены на тракте удаленно от уже существующих: Китоя, Заларей, Куйтуна, Тулуна и, возможно, других селений, которые были основаны ранее, чем ямские станы. Наше предположение подтверждается описанием нового пути Г.Ф. Миллером, проследовавшим по нему в 1745 г. При возвращении в Россию, проезжая через вновь поставленные станы, он назвал их заимками, т. е. мелкими деревнями, и выделил среди них только одно крупное селение — Тулун²⁸.

Таким образом, по данным переписи, в Залари перебралось в 1743 г. 23 семьи: две из Иркутска, 17 из Балаганского острога, две из Яндинского, три из Илгинского острогов и две семьи из Новоудинской слободы. В формировании населения Заларинского ста-

²⁷ Калинина И.В. Православные храмы Иркутской епархии. М., 2000.

²⁸ РГАДА. Ф. 199. № 365. Ч. 1. Ед. хр. 1.

на приняла участие значительно отдаленная от этих мест Орленская слобода, выделив из своего состава семью Андрея Налевного. В 1760 г. семья Антона Бутырина завершила первоначальный период формирования Заларинского ямского стана. К этому времени в Заларях насчитывалось 27 дворов, в которых проживало 230 человек.

Таблица 19

Кимильтей

Имя и фамилия переселенца	Общее количе- ство членов семьи		Возраст основателя на 1762 г., лет	Откуда прибыл	Год при- бы- тия
	на 1747 г.	на 1762 г.			
1. Борис Минеев	11	16	69	Балаганский острог	1743
2. Андрей Орлов	10	18	65	Братский острог	1743
3. Василий Терпугов	4	8	59	Братский острог	1743
4. Иван Сугарин	17	49	82	Братский острог	1743
5. Кирило Бухаров	12	29	100	Братский острог	1743
6. Матвей Бухаров	4	11	67	Братский острог	1743
7. Никита Тельных	6	10	40	Братский острог	1743
8. Матвей Соловьев	15	23	68	Братский острог	1743
9. Тимофей Бухаров	13	28	50	Братский острог	1743
10. Никифор Матвеев	2	8	66	Братский острог	1743



Продолжение табл. 19

11. Григорей Бухаров	17	28	77	Братский острог	1743
12. Иван Цивозерцев	2	6	60	Братский острог	1743
13. Афанасей Панфилов	6	11	75	Барлукская слобода	1743
14. Роман Ступин	13	35	52	Барлукская слобода	1743
15. Василий Прокопьев	11	29	59	Барлукская слобода	1743
16. Терентий Берестников	15	29	93	Барлукская слобода	1743
17. Павел Слободчиков	9	20	69	Барлукская слобода	1743
18. Иван Куклин	10	29	63	Барлукская слобода	1743
19. Иван Попов	9	18	48	Барлукская слобода	1743
20. Осип Усов	11	25	72	Барлукская слобода	1743
21. Афанасей Леонтьев	4	8	95	Яндинский острог	1743
22. Зотей Верхотуров	3	6	37	Илимский острог	1743
23. Сава Зырянов	2	5	71	Нижнеилимская слобода	1743
24. Сергей Таутаев	12	19	70	Нижнеилимская слобода	1743
25. Роман Безносков	4	7	56	Балаганский острог	1743
26. Петр Долгих	3	7	70	Балаганский острог	1748
27. Терентий Ступин	13	39	83	Барлукская слобода	1748
28. Семен Потапов	5	12	55	Братский острог	1751
29. Василий Перетолчин	5	6	70	Нижнеилимская слобода	1751
30. Харлампей Оболокин	3	5	30	Усть-Кутский острог	1752

Окончание табл. 19

Леонтей Пушнин	1	4	31	Нижеилим- ская слобода	1755
31. Иван Бубнов	2	2	37	Нижеилим- ская слобода	1759
32. Трофим Верхотуров	3	6	54	Илгинский острог	1761
33. Трофим Куклин	3	9	57	Нижеилим- ская слобода	1761
Итого	261	565			

Ямская станция Кимильтей была основана в 1743 г. В этом году на поселение прибыло 25 семей из Братского, Яндинского и Усть-Кутского острогов, Барлукской и Нижеилимской слобод. С 1748 г. стан пополнялся мало, двумя семьями в год. Переселение продолжалось до 1762 г. За этот период село разрослось до 33 дворов. В них проживало 565 жителей. Стан был назван по р. Кимильтей. По легенде слово «Кимильтей» произошло от имени двух братьев, Кима и Тея, владевших этими землями. Путешественники, проезжавшие мимо этих земель, спрашивали пастухов, чьи они, те отве-



Село Кимильтей. Фото А.К. Нефедьевой



чали: «Кима и Тея». Постепенно имена объединились в одно, дав название реке и селению ²⁹.

Таблица 20

Зима

Имя и фамилия переселенца	Общее количество членов семьи		Возраст основателя на 1762 г., лет	Откуда прибыл	Год при- бы- тия
	на 1747 г.	на 1762 г.			
1. Роман Безнососов	2	3	...	Балаганский острог	1743
2. Степан Погодаев	6	17	73	Балаганский острог	1743
3. Андрей Шиверский	10	17	57	Балаганский острог	1743
4. Степан Константинов	9	13	57	Балаганский острог	1743
5. Кирило Соловьев	5	12	59	Балаганский острог	1743
6. Никита Подкорытов	4	8	60	Балаганский острог	1743
7. Аврам Бухаров	4	5	77	Балаганский острог	1743
8. Кирило Толстиков	9	22	85	Балаганский острог	1743
9. Яков Ялохин	9	15	60	Балаганский острог	1743
10. Степан Погадаев	6	17	73	Балаганский острог	1743
11. Петр Рубцов	9	17	92	Балаганский острог	1743
12. Мирон Скрадин	3	3	92	Балаганский острог	1743
13. Данило Захаров	8	19	59	Балаганский острог	1743
14. Федор Ягунов	6	15	62	Яндинский острог	1743

²⁹ Информатор С.Н. Ханюкова, зав. школьным музеем с. Кимильтей.

Продолжение табл. 20

15. Иван Пыжиков	11	19	108	Новоудин- ская слобода	1743
16. Сидор Селезнев	18	34	100	Барлукская слобода	1743
17. Обросим Лоншаков	10	24	70	Балаганский острог	1748
18. Федор Китаев	3	8	62	Балаганский острог	1748
19. Герасим Антипин	5	6	45	Балаганский острог	1748
20. Степан Распутин	8	20	46	Яндинский острог	1748
21. Гаврило Зыков	4	9	26	Балаганский острог	1748
22. Максим Бухаров	7	9	57	Братский острог	1748
23. Осип Беляев	5	8	73	Братский острог	1748
24. Давид Бобров	7	15	97	Новоудин- ская слобода	1748
25. Алексей Шерстянни- ков	3	5	38	Новоудин- ская слобода	1749
26. Андрей Барабашин	4	12	83	Илгинский острог	1749
27. Никита Шерстянни- ков	4	8	50	Орлинская слобода	1749
28. Устин Бубнов	1	1	55	Нижеилим- ская слобода	1749
29. Афанасий Рубцов	1	1	38	Яндинский острог	1749
30. Митрофан Лоншаков	1	2	39	Нижеилим- ская	1749
31. Арсений Хотупцев	2	5	41	Яндинский острог	1749
32. Терентий Мошкарин	3	3	33	Яндинский острог	1749
33. Андрей Злыгостев	2	5	71	Чечуйский острог	1749
34. Осип Беляев	5	8	73	Братский острог	1750



Окончание табл. 20

35. Иван Антипин	4	11	58	Барлукская слобода	1751
36. Пантелей Шаманов	3	11	50	Новоудинская слобода	1751
37. Савва Глухих	5	11	85	Новоудинская слобода	1760
38. Осип Троицкий	6	9	79	Яндинский острог	1760
39. Иван Лыхин	3	4	60	Новоудинская слобода	1760
Итого	213	431			

Ямская станция Зима была основана в 1743 г. на месте Миرونского зимовья на р. Оке, где в нее впадает р. Зима. Первыми насельниками Зимы стали выходцы из Балаганского острога, переехавшие на новое место жительства в количестве 16 семей. К 1760 г. в Зиме уже проживало 39 семей, перебравшихся в нее из разных мест Иркутской провинции, в том числе из таких отдаленных, как Илгинский, Чечуйский остроги, Орлинская слобода. По переписи 1762 г., в Зиме проживал 431 человек.

Таблица 21

Куйтун

Имя и фамилия переселенца	Общее количество членов семьи		Возраст основателя на 1762 г., лет	Откуда прибыл	Год прибытия
	на 1747 г.	на 1762 г.			
1. Сава Зарубин	8	24	75	Барлукская слобода	1743
2. Леонтий Гусев	5	15	63	Барлукская слобода	1743
3. Иван Пыжников	6	19	74	Новоудинская слобода	1743

Продолжение табл. 21

4. Прокопий Облизанов	3	5	46	Киренский острог	1743
5. Иван Галечанин	4	8	68	Иркутск	1745
6. Сава Усов	11	27	78	Барлукская слобода	1745
7. Лаврентий Говорин	5	15	50	Барлукская слобода	1745
8. Осип Корнегорский	5	5	89	Иркутск	1748
9. Тимофей Облизанов	15	20	112	Новоудинская слобода	1748
10. Федор Ведерников	5	11	55	Барлукская слобода	1749
11. Варлам Панов	5	5	36	Барлукская слобода	1749
12. Афанасий Костин	3	10	50	Яндинский острог	1749
13. Максим Исаков	2	4	31	Новоудинская слобода	1749
14. Федор Зырянов	13	31	75	Усть-Кутский острог	1749
15. Федор Щетинин	4	9	54	Нижнеилимская слобода	1749
16. Афанасий Устюжин	12	22	67	Нижнеилимская слобода	1749
17. Максим Плаутин	9	8	72	Иркутск	1750
18. Алексей Васильев	7	9	70	Барлукская слобода	1751
19. Петр Скуратов	5	7	49	Барлукская слобода	1751
20. Еким Усов	7	17	75	Нижнеилимская слобода	1751
21. Михайло Облизанов	2	3	64	Качергинская деревня, Верхоленский острог	1751
22. Евдоким Сизых	8	19	90	Карапчанский погост	1751

Окончание табл. 21

Иван Сизых	3	5	42	Нижеилим- ская слобода	1751
23. Иван Васильев	3	6	46	Нижеилим- ская слобода	1754
24. Дмитрий Рожнев	7	16	67	Нижеилим- ская слобода	1754
25. Михаил Говорин	5	12	48	Карапчан- ский погост	1754
26. Иван Жмуров	4	8	38	Нижеилим- ская слобода	1760
Итого	172	373			

Ямская станция Куйтун была основана в 1743 г. В этом году в ней поселились со своими семьями Сава Зарубин, Леонтий Гусев из Барлукской слободы, Иван Пыжников из Новоудинской слободы и Прокопий Облизанов из Киренского острога. Новый поток переселенцев начался в 1745 г. В этом году в Куйтун переехало 3 семьи: 1 — из Иркутска, 2 — из Барлукской слободы. Станция Куйтун про-



Село Куйтун. Фото А.К. Нефедьевой

должала пополняться: в 1748 г. — 4 семьями, в 1749 г. — 7 семьями, в 1751 г. — 6 семьями, в 1754 г. — 3 семьями. Все переехавшие были выходцами из Иркутской провинции. По переписи 1747 г., Куйтун состоял из 7 дворов. Число жителей составило 172 человека. По переписи 1762 г., число дворов достигло 26, а жителей — 373 человека. Название ямская станция получила от названия реки Куйтун, протекающей в той местности.

Таблица 22

Шерагул

Имя и фамилия переселенца	Общее количество членов семьи		Возраст основателя на 1762 г., лет	Откуда прибыл	Год при- бытия
	на 1747 г.	на 1762 г.			
1. Михайло Дубровин	12	15	77	Братский острог	1743
2. Григорей Корноухов	11	29	81	Братский острог	1743
3. Михайло Шадрин	3	10	42	Братский острог	1743
4. Митрофан Шаманов	4	11	62	Братский острог	1743
5. Григорей Распопин	3	7	85	Братский острог	1743
6. Степан Бердников	6	15	78	Братский острог	1743
7. Василий Серышев	7	15	55	Братский острог	1743
8. Иван Мельников	17	40	57	Братский острог	1743
9. Алексей Остяков	9	17	23	Братский острог	1743
10. Андрей Огородников	5	12	70	Братский острог	1743
11. Никита Бояркин	6	7	63	Братский острог	1743



Продолжение табл. 22

12. Данило Карнаухов	7	10	76	Братский острог	1743
13. Борис Мурашев	11	30	88	Барлукская слобода	1743
14. Петр Мурашев	19	31	90	Барлукская слобода	1743
15. Степан Лыткин	17	60	88	Братский острог	1743
16. Григорий Лыткин	11	16	80	Братский острог	1743
17. Филипп Перетолчин	8	15	60	Братский острог	1743
18. Яков Сахаровский	3	6	38	Братский острог	1743
19. Лаврентий Мурашев	8	15	58	Братский острог	1743
20. Михайло Попов	2	10	33	Братский острог	1743
21. Моисей Гладких	8	17	80	Братский острог	1743
22. Козьма Бундин	2	6	38	Братский острог	1743
23. Семен Ермаков	5	10	65	Братский острог	1743
24. Митрофан Дубровин	5	12	67	Братский острог	1743
25. Севастьян Говорин	6	28	82	Барлукская слобода	1745
26. Яков Лухминин	5	5	67	Братский острог	1746
27. Нефет Зарубин	5	5	40	Карапчанский погост	1748
28. Никита Журавлев	2	2	76	Нижнеилимская слобода	1748
29. Григорий Ермаков	2	4	38	Братский острог	1749
30. Иван Печенкин	1	1	87	Братский острог	1751
31. Петр Рысев	3	3	60	Барлукская слобода	1751

Окончание табл. 22

32. Григорий Лыткин	11	16	86	Нижеилим- ская слобода	1751
33. Максим Зарубин	3	7	22	Нижеилим- ская слобода	1751
34. Сава Щепин	5	11	66	Нижеилим- ская слобода	1751
35. Гаврила Говорин	5	7	72	Карапчан- ский погост	1751
36. Павел Назимов	5	5	46		
37. Василей Чернышев	5	9	89	Нижеилим- ская слобода	1757
38. Данило Горшков	3	6	69	Нижеилим- ская слобода	1757
39. Михайло Шароглазов	4	8	35	Братский острог	1758
40. Яков Петров	4	7	72	Братский острог	1758
Итого	258	562			



Село Шерагул. Фото А.К. Нефедьевой



Ямская станция Шерагул основана в 1743 г. на месте зимовья Мурашева. Первые поселенцы прибыли сюда из Братского острога в составе 24 семей. В последующие годы основными поставщиками переселенцев по-прежнему являлись Братский острог, Карапчанский погост и Нижнеилимская слобода. По переписи 1747 г., в Шерагуле насчитывалось 26 дворов и 258 жителей. По переписи 1762 г., количество дворов достигло 40, в них проживало 562 жителя. Названа ямская станция по названию р. Шерагул.

Таблица 23

Тулун

Имя и фамилия переселенца	Общее количество членов семьи		Возраст основателя на 1762 г., лет	Откуда прибыл	Год при- бы- тия
	на 1747 г.	на 1762 г.			
1. Никита Татаринов	8	16	78	Братский острог	1743
2. Гаврила Татаринов	13	27	54	Братский острог	1743
3. Анисим Московский	12	22	50	Братский острог	1743
4. Козма Тарасов	7	11	65	Братский острог	1743
5. Леонтей Малков	5	12	60	Братский острог	1743
6. Василий Татарников	17	25	75	Братский острог	1743
7. Ерофей Долгих	7	18	50	Братский острог	1743
8. Петр Мясников	4	8	50	Братский острог	1743
9. Василий Распожен	4	6	...	Братский острог	1743
10. Иван Распожен	9	20	...	Братский острог	1743

Продолжение табл. 23

11. Василий Ведерников	6	11	60	Братский острог	1743
12. Иван Беломестной	6	16	85	Братский острог	1743
13. Алексей Корноухов	8	10	76	Братский острог	1743
14. Василей Распопин	17	43	67	Братский острог	1743
15. Константин Распопин	4	15	60	Братский острог	1743
16. Тихон Балдаков	3	8	35	Братский острог	1743
17. Илья Трапезников	6	13	45	Братский острог	1743
18. Обросим Серышев	3	6	56	Братский острог	1743
19. Никифор Ведерников	3	6	81	Братский острог	1743
20. Иван Распопин	7	14	81	Братский острог	1743
21. Гаврило Миронов	6	8	44	Братский острог	1743
22. Максим Дорофеев	1	3	75	Братский острог	1743
23. Козма Безносов	4	5	40	Братский острог	1743
24. Семен Горюнов	4	7	86	Братский острог	1743
25. Козьма Никулин	5	5	75	Братский острог	1743
26. Степан Котов	4	6	70	Братский острог	1743
27. Василей Ермаков	8	8	48	Братский острог	1743
28. Михайло Исаков	6	16	50	Братский острог	1743
29. Михайло Рукавишников	5	12	32	Братский острог	1743
30. Дмитрий Черемных	5	6	75	Барлукская слобода	1743

Окончание табл. 23

31. Гаврило Зарубин	8	15	70	Карапчан- ский погост	1749
32. Тимофей Королев	9	9	82	Братский острог	1752
33. Петр Юдин	5	6	75	Братский острог	1753
Итого	219	412			

Ямская станция Тулун образовалась на месте уже существовавшей Тулунской деревни. Однако переписи 1747 и 1762 гг. называли только переселенцев, прибывших сюда в 1743 г. в количестве 30 семей. В последующие годы — 1749, 1752, 1753 — Тулун пополнился всего тремя семьями: две — из Карапчанского погоста, одна из Братска. По переписи 1747 г., в ямской станции Тулун насчитывалось 30 дворов и 219 жителей. По переписи 1762 г., в ней было 33 двора, в которых уже проживало 412 человек. Название «Тулун» бурятского происхождения, в переводе на русский означает «мешок».

Таким образом, табл. 14–23, составленные нами на основании переписи ревизских сказок России (с 1747 по 1762 г.), свидетельствуют, что по Московскому тракту Иркутской губернии для обслуживания нового пути было основано десять ямских станций: Китой, Тайтурка, Черемхово, Кутулик, Залари, Кимильтей, Зима, Куйтун, Шерагул, Тулун.

Важно отметить, что названия зимовий, описанных Петром Чемесовым в 1736 г., которые послужили основой для строительства большинства ямских станов, не сохранились в названиях вновь образованных населенных пунктов. Станы получили названия от характера местности: Черемхово — Черемховая падь, или рек, на которых они стояли: Кутулик, Кимильтей, Зима и т. д.

До образования станов зимовья представляли собой небольшие избы с битыми из глины печами, широкими лавками и нарами. Зимовья служили местом отдыха для путников в зимний период. В них они получали за определенную плату еду и фураж для лошадей. Это были, по существу, первые постоянные дворы, обслуживание которых вели предприимчивые крестьяне, чьими фамилиями

они были названы. В летний период зимовья не использовались. Поскольку эти зимовья эксплуатировались сезонно и не дали названия возникшим населенным пунктам, то датой основания ямских станов, поставленных на их месте, видимо, надо считать 1743 г., когда в эти места прибыли первые переселенцы. Дорога, как указывалось, обошла часть деревень, уже находившихся в близ будущего тракта, — Жилкино, Мальта, Китой, Тулун и Куйтун. О Куйтуне, в частности, есть сведения в ведомости Сибирской губернии Иркутской провинции 1735 г., в которой сообщается: «Удинского пригорода присуд деревень вверх по Уде реке по правую сторону и вверх по Куйтуну речке по правую сторону над речкой деревня Куйтунская. А в ней отставных служилых три двора, служилых три ж двора, казачьих детей два двора, ясачного один двор, посадских людей три двора, пашенного один двор, поповска один двор». «Расстояние от Удинска да той деревни на примере сорок верст пятисотных»³⁰. Выросла деревня из ясачного зимовья, о котором перепись 1732 г. сообщает, что расположено оно среди «ясашных иноземцев иркутского ведомства, близ волостей, порты свои имеющих»³¹.

Согласно сведениям ревизских сказок, процесс заселения вновь образованных станов переселенцами шел неравномерно. Так, в 1743 г. в Черемхово на поселение прибыло 3 семьи, в Куйтун — 4, в Кутулик — 8, в Тайтурку — 13, в Залари — 19, в Кимильтей — 23, в Зиму — 13, в Шерагул — 22, в Тулун — 29 семей. Второй основной поток переселенцев пришелся на 1748–1749 гг. В 1749 г. первых переселенцев в количестве 20 семей принял Китой. За эти три года и сформировалось население ямских станов.

Переселение крестьян в другие, более поздние, годы было незначительным. С 1743 по 1762 г., к окончанию переписи, поселения ямских станций стали крупными и насчитывали от 21 до 40 дворов. Но самое главное, о чем свидетельствует перепись населения, — это то, что все крестьяне, заселившие Московский тракт, были местными, переехавшими на юго-западные земли Предбайкалья из слобод и деревень Иркутского, Бельского, Братского, Идинского, Яндинского, Верхоленского, Илимского, Илгинского, Усть-Кутского, Киренского и Чечуйского острогов. Перепись не зафиксировала ни одного переселенца, который бы перебрался на эти земли из европейской части России.

³⁰ РГАДА. Ф. 199. Д. 481.7. Л. 5 об.

³¹ Там же.



Русские, начав в 30-х гг. XVII в. малым количеством людей осваивать огромные пространства Ангаро-Ленского междуречья, сумели в кратчайший срок заселить всю территорию, пригодную для земледельческой и промысловой деятельности, и основать деревни и слободы по среднему течению Ангары и ее притокам, р. Лене и ее притокам. На территории Ангаро-Ленского междуречья эти селения расположились настолько плотно, что создание новых деревень в XIX в. почти не зафиксировано. Потомки первых поселенцев Среднего Приангарья и бассейна р. Лены смогли принять участие в освоении новых, юго-западных, земель Иркутской губернии через сто лет, в 40-х гг. XVIII в.

Во второй половине XVII в. другая группа крестьян, прибывших в основном из центральных районов России, также незначительная по численности, освоила земли Иркутского воеводства, и их потомки тоже приняли участие в освоении юго-западных земель Предбайкалья в 40-х гг. XVIII в.

Переселенцы из Иркутского уезда заселили близлежащие к Иркутску станы: Китой (из 21 семьи, поселившейся в 1749 г., 17 были из Иркутского уезда) и Тайтурка (из 27 прибывших семей 19 были из Иркутского уезда). В Черемхово иркутских семей было 13 из 32 всех поселившихся, в Кутулике — 11 из 30, в Залари из Иркутского уезда поселились лишь две семьи. Остальные селения: Кимильтей, Зима, Куйтун, Шерагул, Тулун — были заселены выходцами из Среднего Приангарья и с р. Лены.

Как мы уже отмечали в главе 3, Иркутский уезд был первоначально заселен смешанным населением: более половины его были выходцами из средней полосы России, остальная часть — с европейского севера. Соотношение населения центральной и северной России, заселившего тракт, не выявлено.

Оценивая деятельность крестьянства в первоначальный период освоения Иркутской губернии, мы не перестаем удивляться тому, как в условиях бездорожья, в глухой тайге, владея лишь топором да сохой, в районе рискованного земледелия небольшая группа русских крестьян смогла не только освоить данную территорию, превышающую по размерам многие европейские государства, но и выделить из своей среды людей для освоения новых пространств — Забайкалья и южного Предбайкалья! Эти героические люди осваивали новые земли непрерывным повседневным трудом, который для нас, их потомков, кажется невероятным и непосильным.

Жители ямских станов, возникших повсеместно по Московско-

му тракту, к 1749 г. вели работы сразу в нескольких направлениях: строили дома, усадьбы, почтовые станции, исполняли на них ямскую гоньбу, поставляя при надобности по пять троек лошадей для перевоза людей, клади, почты, разрабатывали новь. Казалось бы, что при таком объеме срочных и необходимых для первоначального выживания на новом месте работ обустройство тракта должно было затянуться. Однако Иркутская летопись П.М. Пежемского и В.А. Кротова, сообщая о приезде в 1749 г. с Камчатки в Иркутск архиерея Иосифа Хотунцевского, указывала, что священнослужитель вскоре покинул Иркутск, выехав по новой сухопутной дороге, т. е. по Московскому тракту. Далее в летописи следует пояснение: «Важно отметить, что к тому времени все начинают отъезжать из Иркутска сухим путем (Московским трактом)»³².

Участок тракта Иркутск–Красноярск, проходивший по Иркутской губернии, стал эксплуатироваться задолго до его официального открытия в 1768 г.

Самым первым известным путешественником, проехавшим по нему в 1745 г., стал Г.Ф. Миллер. После длительной командировки в Сибирь возвращаясь в Петербург, он оставил первое описание деревень, стоящих по Московскому тракту. Он назвал селения, через которые проследовал: «Кутулика заимка, Кимильтейска заимка», выделил среди них по величине лишь одну станцию — «Тулунский погост — иметца церковь Покрова Богородицы, 20 дворов, в которых живут 15 ямщиков...»³³.

Изучая исторические документы и свидетельства очевидцев о заселении Московского тракта, поневоле задаешься вопросом, как смогли переселенцы так быстро обустроить тракт и развить крепкие крестьянские хозяйства. Ответ на этот вопрос, на наш взгляд, дают все те же ревизские сказки 1762 г.

Несмотря на огромное трудолюбие, живучесть и умение приспособиться к тяготам жизни, выработанные в русских людях суровыми климатическими и природными условиями (большая часть земель Русского государства граничит с Полярным кругом и заходит в его пределы), быстрое освоение тракта стало возможным благодаря тому, что русские жили большими семьями. Большая неразделенная семья господствовала у русских почти до 70-х гг. XIX в.

³² Пежемский П.М., Кротов В.А. Иркутская летопись. Иркутск, 1911. С. 394.

³³ РГАДА. Ф. 199. № 511. Ч. 1. Д-8. Л. 3 об.



Ямские станы по Московскому тракту, по данным ревизских сказок 1747 г., были заселены преимущественно малыми семьями (от 1 до 7 человек), общая численность которых составила 213 семей. Средних семей — от 7 до 12 человек — насчитывалось 66, больших — от 13 и более — 19 семей. Общая численность всего населения составила 1 718 человек. Через 15 лет, по данным переписи 1762 г., соотношение средних, малых и больших семей резко изменилось. Наполовину уменьшилось количество малых семей, к 1762 г. их насчитывалось всего 128. Почти не изменилось количество средних семей, прирост их составил только 0,5 %. Значительно возросло количество больших семей. В 1762 г. их было уже 110 (см. табл. 14–23).

Некоторые семьи были невероятно крупными. Например, семья Василия Распопина (с. Тулун) состояла из 43 человек (табл. 23), Степана Лыткина (с. Шерагул) — 60 человек (табл. 22), Федора Зырянова (с. Куйтун) — 31 человек (табл. 21), Сидора Селезнева (г. Зима) — 34 человека (табл. 20), Ивана Тугаринова (с. Кимильтей) — 49 человек (табл. 19) и т. д. Общее количество населения с 1747 по 1762 г. возросло до 3 595 человек, увеличившись за 15 лет в 2,4 раза.

Наличие в семье большого количества работников, объединенных одним хозяйством, беспрекословное подчинение их старшему в роде, способному к руководству и организации работ, обеспечивали успешное развитие экономики семьи и бесперебойное обслуживание тракта. Только большие семьи могли позволить себе выделить из своего состава часть родственников для освоения новых земель без ощутимой потери для ведения собственного хозяйства.

Большую роль в жизни русского крестьянства играла община, особенно при освоении новых земель. Мировой сход при необходимости мог вмешаться в судьбу каждого крестьянина, попавшего не по своей воле в тяжелое положение: стихийное бедствие, смерть кормильцев и т. д. Если такой семье была необходима срочная помощь, то сход обязывал всех общинников принять участие в разрешении данной ситуации: собирали деньги, работали на строительстве дома, сельхозугодьях и т. д.³⁴ Повседневная разовая помощь, чаще соседская, оказывалась общинниками самостоятельно, без решения схода. Вот как об это рассказала сельская жительница Прасковья Амосовна Елгина: «Я вот дом-то поставила <...> Наси-

³⁴ Громыко М.Н. Мир русской деревни. М., 1991. С. 73.

дела самогонки. Помочь делали. А коней же много у всех было. За день вывезли дом-то! Вот как. За день! <...> И потом опять срубили <...> тетенька-то, ее отец, да дядя, да Парыгины тут мужики были <...> Друг дружке помогали рубить-то.

А я помощь сделала — опеть за день склали. Вот как. За день склали!...»³⁵

В с. Новая Када Куйтунского района до сих пор стоит дом, построенный в 1911 г. переселенцами-белорусами. Сейчас дом находится в усадьбе М.Г. Строкатого и используется как зимовье. По рассказу Михаила Гавриловича, дом строился четырьмя семьями для совместной перезимовки; на следующий год объединенными усилиями этих семей были построены новые дома для каждой семьи. Широко развитая среди крестьян взаимопомощь возникла и развивалась из-за суровых условий жизни и была закреплена христианским мировоззрением, воспитывавшим в народе терпение, смирение, любовь к ближнему и всепрощение.

Итак, на момент официального открытия Московского сухопутного тракта в 1768 г. он по территории Иркутской губернии следовал от Иркутска до Зуевского стана — 24 версты (стан вырос из зимовья и сохранил в названии фамилию своего основателя), от Зуевского стана до Китоя — 25 верст, от Китоя до Тайтурки — 30 верст, от Тайтурки до Черемхово — 43 версты, от Черемхово до Кутулика — 28 верст, от Кутулика до Заларинской станции — 30 верст, от Заларей до Зимы — 46 верст, от Зимы до Кимильтея — 29 верст, от Кимильтея до Куйтунской станции — 38 верст, от Куйтуна до Шерагула — 41 верста, от Шерагула до Тулуна — 26 верст.

К завершению строительства Московского тракта в пределах Иркутской губернии селения были уже достаточно крупными и могли без особых затруднений обслуживать дорогу. Это отметил и немецкий ученый С.П. Паллас, проехавший по Московскому тракту в 1772 г. Он написал: «Как скоро в Иркутскую губернию съедешь, то везде уже можно найти по дороге на всех станциях весьма богатые светлые и чистые дома для приятия приезжих, кои содержатся от деревень для их собственного облегчения»³⁶. Следовательно, С.П. Паллас, проехав по всему Сибирскому тракту, вы-

³⁵ Соловьева М.Р. Трудовые традиции сибирского крестьянства и казачества (по материалам устной народной прозы) // Известия АЭМ «Тальцы» (Иркутск). 2005. Вып. 4. С. 131–132.

³⁶ Паллас С.П. Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб., 1788. Кн. 1, ч. 3. С. 422.



делил иркутский участок как добротно обустроенный, с хорошим обслуживанием. Проезд от стана до стана почти соответствовал норме — 30 верст.

Архивные данные, использованные нами в работе, позволили сделать вывод, что формирование трактовых селений по заданию Сената было выполнено местным руководством к 1750 г. Селения, возникшие на тракте после этого времени, не были уже столь необходимыми для его обслуживания. Их образование надо отнести к естественным процессам расселения людей за счет естественного прироста, который был значителен и превышал прирост населения Европейской России.

Быстрое заселение участков Московского тракта Иркутской губернии (за 20–25 лет) стало возможным благодаря плодородию земель, примыкавших к тракту, более благоприятному для сельского хозяйства по сравнению с северной частью Иркутской губернии климату, активной деятельности местных властей и льготам, которые правительство даровало переселенцам, согласившимся стать ямщиками.

Со второй половины XVIII в. население трактовой зоны увеличивалось по-прежнему за счет естественного прироста и добровольного переселения крестьян.

1782 г. в жизни Сибири был отмечен большими событиями. Сибирь была поделена на три наместничества во главе с генерал-губернаторами. В состав Тобольского наместничества вошли Томская и Тобольская губернии, Колыванского — Колыванская губерния, Иркутское наместничество объединило Иркутскую губернию, Нерчинскую, Якутскую и Охотскую области.

При этом западная граница Иркутской губернии изменилась и стала проходить по р. Бирюсе. В связи с этим часть Московского тракта расстоянием в 271 версту от Тулуна до ст. Бирюсинская, ранее относившаяся к Енисейской губернии, отошла к Иркутской губернии. В 1745–1747 гг. в нижеудинских землях отмечено было одно селение, в котором проживало 17 семей численностью 53 души мужского пола³⁷. Дальнейшие сведения о заселении и благоустройстве данного участка пути мы находим в записках С.П. Палласа, который, как уже указывалось, в 1772 г. проехал по Московскому тракту, следуя из Красноярска в Иркутск. Ученый отметил станции, стоявшие на участке дороги, отошедшем к Иркутской гу-

³⁷ РГАДА. Ф. 350. Оп. 3. Д. 945. Ед. хр. 4478а.



Станция Бирюсинская. Из кн.: *Живописная Россия*

бернии: слобода Бирюсинская, Баяроновское зимовье, деревни Замзорская, Ук, Удинск, Рубахино, Хинкуль (Хингуй), зимовье Шабартульское и далее известная нам станция Тулунская — бывшая граница Иркутской губернии ³⁸.

По свидетельству все того же С.П. Палласа, перегоны на вновь присоединенной дороге Тулун–Бирюсинская были устроены в 30–40 верст, но заменить уставших лошадей на свежих на станциях было затруднительно, так как вновь поселенные от Канска до Нижнеудинска люди на три года освободились от ямской гоньбы и проезжих снабжали лошадьми по своему усмотрению ³⁹. Проблема с заменой лошадей у самого Палласа возникла в с. Ук. Его сообщение о том, что лошадей сменить было затруднительно на вновь вошедшем в Иркутскую губернию участке тракта, свидетельствует, что селения были основаны недавно. У крестьян еще не истек трехлетний льготный срок, позволявший им обслуживать пассажиров на добровольных началах. Предположительно, часть сел, названных С.П. Палласом, была основана в 1762 г. Енисейский воевода Рыкачев, анализируя состояние хлебопашества в Енисейском уезде, сообщал сибирскому губернатору Ф. Соймонову, что «по ряду было выведено на Иркутскую дорогу для почтовой гоньбы

³⁸ Паллас С.П. Указ. соч. С. 421.

³⁹ Там же.



на шесть станций по 16 человек»⁴⁰. Расселены они были на территории от Канска до Нижнеудинска. Деревня Ук возникла, видимо, после 1770 г. (Во время ведения войны с Турцией правительству требовались серебро, цветные металлы — свинец, медь, добываемые в Забайкалье. В связи с этим государство вновь усилило внимание к Московскому тракту, строительство которого завершилось к началу 1770-х гг.)

Давая оценку устроенному участку Московского тракта Красноярск–Иркутск, Паллас разбил его по ландшафту и трудности проезда на три части: Иркутск–Тулун, Тулун–Канск, Канск–Красноярск. Первая и третья части дороги отличались мягким рельефом, в котором живописные луга и перелески сменялись полями, окаймленными лесом или кустарником, и такие пейзажи оставляли, по словам Палласа, у «проезжающих приятное впечатление»⁴¹.

Средний участок, Тулун–Канск, был другим: «На нем не было уже более приятных тех лугов, где березняк кое-где рощицами попадался, но наступают густые и дикие леса из смольного дерева, по земле ж топи, кои всю страну от реки Или до реки Кану во всем ее пространстве пограничных хребтов по за Тунгуску (Ангару) занимают и всякой дичью довольны»⁴². «По этим топям от ст. Замзор до ст. Баяроновка расстоянием в 60 верст дорога шла по полуутонувшим и сгнившим колодам, а далее предолгим мостом через топи практически до станции Тины»⁴³.

Как следует из описания С.П. Палласа, участок тракта Тулун–ст. Бирюсинская требовал значительного благоустройства. Редкие деревни с малочисленным населением на этом участке не могли справиться с благоустройством дороги. К тому же приведение дороги в порядок окончательно не решало проблему ее благоустройства, для этого нужно было принять радикальные меры по осушению болот и топей. Легче было провести изыскательские работы, чтобы провести дорогу в другом месте.

В 80-х гг. XVIII в. это и было сделано. «Участки Канск–Нижнеудинск–Тулун перенесены на новые места»⁴⁴. После завершения этих работ Московский тракт в Иркутской губернии стал основа-

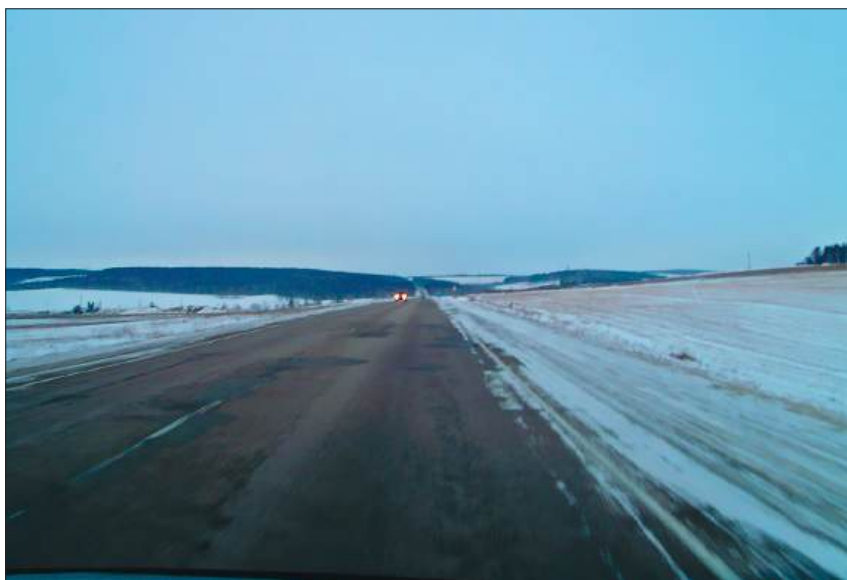
⁴⁰ РГАДА. Ф. 350. Оп. 3. Л. 199.

⁴¹ Паллас С.П. Указ. соч. С. 421.

⁴² Там же.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Хобта А.В. Начало устройства Московского тракта в Иркутской губернии // Земля Иркутская. 2004. № 3. С. 10.



Современный Московский тракт. Фото А.К. Нефедьевой

тельно устроенным. По нему проходили все пассажирские перевозки, тяжелые грузы и регулярное почтовое сообщение.

В начале XIX в., возвращаясь из командировки из Забайкалья в Енисейск по Московскому тракту, чиновник А. Мартос, сын известного в России скульптора Мартоса, назвал на участке дороги Тулун–ст. Бирюсинская новые ямские поселения: Разгон, Акулышет, Алзамай, Худоелань ⁴⁵.

Строительство Московского тракта

Итак, к 70-м гг. XVIII в. Великий Сибирский тракт был устроен на всем своем протяжении, в том числе и на участке Иркутск–Бирюсинская. По Иркутской губернии тракт был проложен по возвышенному плато Иркутско-Тулунской равнины, в лесостепной полосе, в которой перелески сменялись обширными лугами. Рельеф местности был сравнительно ровным и нарушался спусками к рекам и подъемами от них.

Почвы, составлявшие полотно дороги, были разные: примерно треть их состояла из чернозема, часть дороги имела каменистую основу, часть — песчаные супеси. Открытое возвышенное место,

⁴⁵ Мартос А. Письма о Восточной Сибири. М., 1827. С. 35.



малое количество осадков, выпадающих в этом крае, способствовали тому, что дорога была проезжей практически во все время года. Вот что писал об этом полковник В.О. Лепинский, анализируя состояние Московского тракта по Иркутской губернии в 60-х гг. XIX в.: «Сухая весна и осень, какими, по большей части, отмечаются эти времена года в Иркутской губернии, обуславливают продолжительность весенних и осенних распутиц, последняя в особенности бывает кратковременной. В конце осени почти всегда случаются морозы без оттепелей, и это обстоятельство устраняет появление той долгой распутицы, которая известна во многих местах Европейской России, дождливая осень в начале и частые оттепели в последней период осеннего времени делают дороги, зачастую, трудно проходимыми на продолжительное время.

В Иркутской губернии снега, падающие поздней осенью, ложась на замерзшую почву и не растаивая, вследствие отсутствия оттепелей, не причиняют порчи дорог. Достаточно один раз появиться обильному и мокрому снегу — зимний путь устанавливается и уже не пропадает до конца зимы. Снега, выпадая в достаточном количестве для поддержания зимнего пути, не заваливают дорог сугробами... и [путь] устанавливается большей частью в середине ноября и оканчивается в конце марта. Через две-три недели весенней распутицы устанавливается колесной путь — такая непродолжительная весенняя распутица в Иркутской губернии объясняется низменной снежностью зимы, а также почвой дорог, легко пропускающих влажность. Основной путь проходит по местностям, почва которых, по большей части, имеет либо твердо-песчаное, либо глинисто-песчаное, либо, наконец, песчано-каменистое свойство; так что дороги эти облегчаются грунтом, не подверженным сильному разгрязнению и скоро высыхающим после дождей. Исключение из этого составляют только те части дорог, где они проходят через овраги, также по низким и топким пространствам в долинах рек.

В подобных местах дороги разгрязняются до того, что перевозка тяжести встречает некоторые затруднения»⁴⁶.

Эти природные явления позволили казакам, промышленным и торговым людям в XVII в. проложить и активно использовать эту тогда проселочную дорогу в своих целях. Чтобы использовать путь в первоначальный период эксплуатации дороги, в XVII – начале XVIII в., люди должны были хоть как-то ее благоустроить: прору-

⁴⁶ ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 773. Л. 9–10.



Переправа на карбазе, станция Снежная. *Научная библиотека Иркутского государственного университета*

бить небольшие просеки там, где это было необходимо, устроить мосты через мелкие реки и ручьи или найти броды, организовать переправы через крупные реки Оку, Ию, Китой и др. Для переправы через них использовали плоты и карбазы.

По скудным сведениям, оставленным нам прежними исследователями (Словцов, Степанов — губернатор Енисейской губернии), дорога от Нижнеудинска до Канска была построена в XVII в. казаками и приказчиками, использовавшими своих людей при устройстве гатей и мостов. Путь по болотам и топям в общей сложности превышал 60 верст ⁴⁷.

Вообще качественно обустроить Великий Сибирский путь, не затрачивая огромных средств на его строительство, было возможно, только заселив тракт крестьянами. Эта задача и была выполнена в Иркутской провинции местными властями к 1760 г. Правительство стало облагать подушными податями крестьян, которые прожили на новой земле больше трех лет со времени переселения. В число податей входила дорожная повинность, по которой весь тракт разбивался на участки и закреплялся за крестьянскими обществами. Эти общества должны были направлять по разнарядке, составленной инженером или дорожным техником, необходимое количество крестьян для выполнения дорожных работ.

Крупное обустройство тракта было проведено в начале XIX в.

⁴⁷ Паллас С.П. Указ. соч.

при иркутском гражданском губернаторе Н.И. Трескине. Прибыв по назначению в губернию в 1806 г., он нашел Главный Сибирский тракт в запущенном состоянии. Хотя правительственный указ от 17 июля 1765 г. предписывал строить дороги вместе с канавами шириной в 10 сажен и устраивать с обеих ее сторон скотопрогонные полотна шириной по 10 сажен, он не был выполнен. «Она (дорога) была настолько узка, что во многих местах две повозки не могли разъехаться... В течение двух лет из непроходимой, но “главнейшей здесь дороги” была сделана настоящая»⁴⁸. Высоко оценил деятельность Н.И. Трескина по устройству Московского тракта иркутский генерал-губернатор С.М. Броневский, принявший в 1835 г. управление Иркутской губернией. В своих «Записках» Броневский писал: «За Канском оканчивается



Иркутский губернатор Н.И. Трескин

граница Енисейской губернии. За рекой Бирюсой начинается Иркутская губерния. Местность гористая, но дорога, мосты, гати и почтовые дома, памятники бывшего губернатора Н.И. Трескина весьма хороши»⁴⁹.

Постепенно движение по тракту увеличивалось, дорога разбивалась, и ремонт ее становился непосильным бременем для жителей селений Московского тракта. Поэтому дорожная повинность стала распространяться на жителей сел, отстоящих от тракта на значительное расстояние, достигавшее 600 верст от их места проживания. По дорожной повинности «каждые четверо крестьян рабочего возраста должны были выставить одного работника на тридцать дней в году, снабдив его двумя лошадьми с таратайкой,

⁴⁸ Дамешек И.Л. Гениальнейший администратор и истинный хозяин края // Земля Иркутская. 2006. № 1. С. 10.

⁴⁹ Братющенко Ю.В. К летописи Нижнеудинска // Земля Иркутская. 2007. № 1. С. 29.

лопатай, топором и съестными припасами»⁵⁰. Начало дорожных работ выпадало на лето, разгар полевых работ, отчего дорожная повинность была особо нежелательна для крестьян, и они разными способами пытались избежать ее. Одни — состоятельные, на-



«Схематическое изображение мест, содержащих дорожный материал...». Государственный архив Иркутской области

удинского исправника Зыбина, руководившего крестьянами, которые выполняли дорожную повинность в 70-х гг. XIX в. Он пресекал всякую попытку крестьян работать недобросовестно, лично

нимали ссыльнопоселенцев, платя с «дорожной души» 7–10 рублей. Другие, работая сами, старались выполнить задание кое-как, побыстрее. Третьи откупались, давая взятку исправнику⁵¹. По этим причинам дорога часто ремонтировалась формально и в болотистых и сырых местах участка Нижнеудинск–Канск в дождливое время была непроезжей. «Мучения, испытываемые возчиками и лошадьми в это время, трудно описать: воза опрокидываются, оси и колеса ломаются, дуги лопаются, люди выбиваются из сил и заболевают, а трупы лошадей усеивают эти злосчастные участки “великого сибирского тракта”»⁵². Таким образом, состояние тракта часто зависело от чиновника, возглавлявшего дорожные работы, от его отношения к порученному делу. Ярким примером тому служит деятельность ниже-

⁵⁰ Астырев Н.М. На таежных прогалинах. М., 1891. С. 264.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же. С. 260.



руководил строительными работами, выполняя, по существу, обязанности дорожного техника. Исправник сам принимал участие в ремонте дороги, показывая крестьянам, как укладывать дерн, где копать отводные каналы, как правильно укладывать трубы и т. д.

Большой бедой при ремонтных работах было отсутствие близ дороги месторождения щебня или гальки, без которых устройство тракта было непрочным. Из-за отсутствия строительного материала особенно страдал участок Нижнеудинск–ст. Бирюсинская. Первым, кто нашел и открыл забои для добычи гальки и песка на этом участке, стал все тот же Зыбин. На карте «Схематическое изображение мест, содержащих дорожный материал, распределение водосточных труб, мостов и гатей на участке от станции Бирюса до Нижнеудинска», составленной инженером Глебовичем в 1888 г., указаны места добычи гальки по участку расстоянием около 150 верст. Из них 21 забой — так называлось место нахождения гальки — был открыт во время выполнения дорожных работ под руководством Зыбина. Карта буквально пестрит названиями «Зыбинские забои»⁵³. О том, как и каким способом открывались места нахождения гальки Зыбиным, свидетельствует рассказ Н.М. Астырева: «Крестьянам одного селения Зыбин приказал разыскать к предстоящему ремонту местонахождения гальки.

— Невдомек, как ее искать, ваше-скородие, гальку эту! — слабо протестовал староста.

— Ты мне, сивая борода, лазаря не пой! Мне тебя учить что ли?.. Ну, ладно, поучу. Тетеревиные места знаете, — ведь вы промышленные, а тетереву галька ведь нужна, — он ее глотает... Так около тетеревиных мест и ищите ее! Да непременно образчики мне подайте, как назад поеду, в туяках принесите...

В сухое весеннее время состоялось представление образчиков найденной гальки. (По приказу исправника в туески была налита вода. — *Авт.*) Зыбин взял берестяной бурачок и стал в нем взбалтывать воду: мужики сжались и переглянулись друг с другом. Исправник посмотрел в туесок, молча подошел к одному депутату, выплеснул ему часть содержимого на бороду, сделал то же с другим, с третьим и отдал туес старосте. Он был пуст. Депутаты молча поклонились начальнику и вышли». Через неделю образцы вновь были принесены, но уже из гальки. Крестьяне, оправдываясь, говорили Зыбину, что хотели обмануть его из-за того, что уж «больно далеко за ней

⁵³ ГАИО. Ф. 31. Оп. 3. Д. 460.

ездить будет»⁵⁴. За некачественную работу крестьяне наказывались розгами, зато тракт в период руководства Зыбиным ремонтными работами находился всегда в хорошем состоянии. Однако чтобы содержать тракт в проезжем состоянии, требовалось достаточно большое количество крестьян. «Чертеж Московского тракта по Балаганскому уезду, 1888 г.» дает точное представление о том, сколько крестьян работало на ремонте трактовой дороги. Так, «участок № 5а — 10,5 верст, обслуживает Староперевозское крестьянское общество, которое для выполнения работ должно поставить 76 рабочих сроком на месяц; участок № 5б — 4 версты, Буринское общество; участок № 6 — 7 верст, Кимильтейское общество; участок № 7 — 8,3 версты, Бельская волость; участок № 9 — 7,5 версты, 142 рабочих, Уянское общество; участок № 10 — 2 версты, 35 рабочих, Харинское общество; участок № 11 — 3,5 версты, 77 рабочих, Барлукское общество; участок № 12 — 2,5 версты, 86 рабочих, Куйтунское общество; участок № 13 — 12,5 версты, 313 рабочих, 1-й участок Бельской волости; участок № 14 — 10 верст, 265 рабочих, Усть-Удинская волость; участок № 15 — 1,5 версты, 36 рабочих, Тулинское общество; участок № 16 — 3 версты, 43 рабочих, 1-й участок Боханского общества; участок № 17 — 10,5 версты, 145 рабочих, Осинское общество; участок № 18 — 4 версты, 54 рабочих, Шерагульское общество; участок № 19 — 4 версты, 64 рабочих, Гадлейское общество; участок № 20 — 3 версты, 43 рабочих, Перфильевское общество; участок № 21 — 3 версты, 55 рабочих, Курзанское общество; № 22 — 11 верст, 96 рабочих, Тулунское общество; участок № 23 — 10 верст, 103 рабочих, Яндинское общество; участок № 24 — 12 верст, 127 рабочих, 1-й участок Новоудинской волости; участок № 25 — 2 версты, 25 рабочих, Курзанское общество; участок № 26 — 5 верст, 66 рабочих, 2-й участок Новоудинской волости; участок № 27 — 9,5 версты, 127 рабочих, 1-й участок Идинской волости; участок № 28 — 1,5 версты, 36 рабочих, Шабординское общество; участок № 29 — 14,4 версты, 234 рабочих, 2-й участок Идинской волости; участок № 30 — 5,7 версты, 76 рабочих, Укырское общество; участок № 31 — 1,5 версты, 22 рабочих, Худоеланское общество; участок № 32 — 7 верст, 127 рабочих, Малышевское общество; участок № 33 — 6 верст, 86 рабочих, 1-й участок Евсеевской волости; участок № 34 — 1,5 версты, 20 рабочих, Хингитуйское общество; участок № 35 — 5 верст, 75 рабочих, 2-й участок Евсеевской волости; участок № 36 — 15,5 версты,

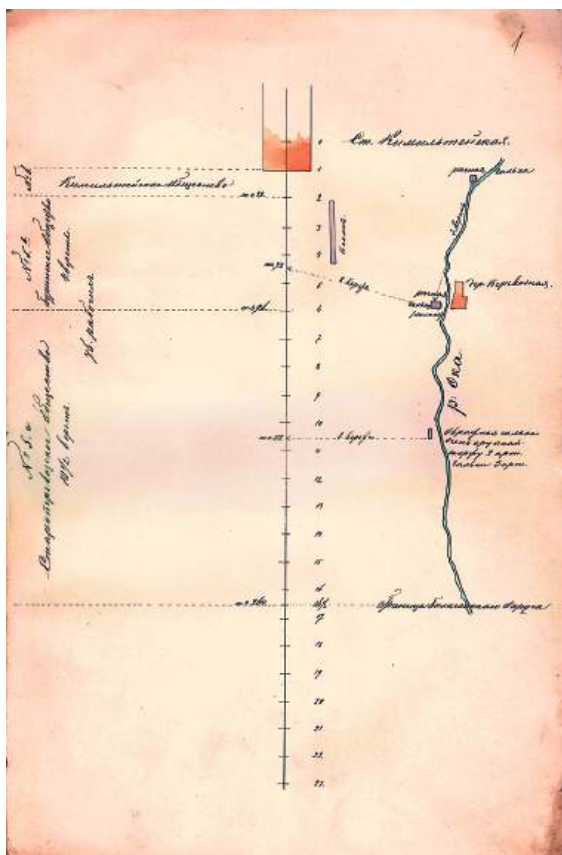
⁵⁴ Астырев Н.М. Указ. соч. С. 264.

175 рабочих, 2-й участок Боханской инородческой управы»⁵⁵. Им заканчивался участок Московского тракта протяженностью 230 верст, проходивший по территории Балаганского уезда. Таким образом, в 1888 г. только на балаганском участке Московского тракта на ремонтных работах весь июнь должны были работать от 2 500 до 2 700 крестьян.

Итак, чтобы содержать тракт в порядке, на его ремонт должна была выходить целая крестьянская трудовая армия, которая, в отличие от солдат, находившихся на государственном обеспечении, все работы вела за свой счет.

Государство не только не оплачивало труд крестьян, но и не снабжало ни орудиями труда, ни тягловой силой, ни продуктами питания. Не случайно дорожная повинность была для них самой тягостной и нелюбимой, от которой они всякими правдами и неправдами старались избавиться. Администрация Иркутской губернии в 80-х гг. XIX в. пыталась облегчить дорожную повинность для крестьян путем привлечения подрядных организаций к крупным работам на тракте. Средства на ведение таких работ должны были поступать со счета специально учрежденного повозного сбора. Дорожная повинность для крестьян сохранялась для производства мелких ремонтных работ⁵⁶.

Но почин не удался, и дорожная повинность возродилась в прежнем виде. Яркое представление о том, какие работы выполняли крестьяне по дорожной повиннос-



«Чертеж Московского тракта по Балаганскому уезду, 1888 г.». Государственный архив Иркутской области

⁵⁵ ГАИО. Ф. 31. Оп. 3. Ед. хр. 498. Л. 1–11.

⁵⁶ Астырев Н.М. Указ. соч. С. 263.

ти, дает хранящийся в ГАИО «Наряд для исполнения натуральной дорожной повинности на главном Сибирском тракте, июль 1896 г. крестьянам Усть-Удинской волости в числе 160 человек рабочих на участке № 14 длиною в 8 верст 454 сажень на перегоне от селения Тулинского до села Куйтунского». Этот документ составил техник Соколов.

Наряд для исполнения натуральной дорожной повинности
на главном Сибирском тракте, июль 1896 г.
крестьянам Усть-Удинской волости в числе 160 человек рабочих
на участке № 14 длиною в 8 верст 454 сажень
на перегоне от селения Тулинского до села Куйтунского

Описание работ	Количество уроков	
	пеших	конных
1. Для вскрытия 24 х 0,5 = 12 кб. с. торфов с накладыванием их на воза. Рабочих 12 х 1,75 —//—	21,00	21,00
2. Для отвозки на сторону 12 куб. саж. торфов на среднее расстояние в 50 саж. Подвод 12 х 0,83 —//—	9,96	9,96
3. Для копания из карьера 24 кб. саж. гальки с накладыванием на воза Рабочих 24 х 1,5 —//—	42,00	42,00
4. Для прогροхотки 24 кб. с. гальки на грохот * Рабочих 24 х 1,5 —//—	36,00	36,00
5. Для перевозки 20 кб. саж. гальки на среднее расстояние 22 вер. + 136 п. 25,4 с. + <u>27 п. + 24,6 с. =</u> <u>2</u> 37 вер. 12,7 саж. Принято 37 вер. 12 с. 19,5 в. — 33,33 37 в. — 12 с. <u>6,88 х 17,524 = 34,44</u> <u>16 в. — 26,45 19 в. — 250 с. 3,4</u> <u>3,5 — 6,88 17 в. — 262 с. 33,33 х 34,44 = 67,77</u> Подвод 20 х 67,77 —//—	1355,40	1355,40
6. Для оправки 20 куб. саж. гальки в 1/2 с конуса Рабочих 20 х 1 —//—	20,00	20,00

* *Гро́хот* — больших размеров крупное решето. Использовалось для очистки гальки от примесей.



Наряд для исполнения натуральной дорожной повинности...
(продолжение)

7. Для разработки 2-х старых труб между телеграфными столбами 120-121 и 126-127, всего разобрать $2 (4 \times 0,5 + 4 \times 0,4 \times 2) = 10,4$ квадр. саж. Станок Рабочих $10,4 \times 0,12$ —//—	1,24	1,24
8. Для устройства двух новых труб по расчету техника Герасимова, полагая подвозку леса потребного на трубу = 309 пуд. Рабочих $2 \times 0,309 \times 647$ —//— Подвод $2 \times 0,309 \times 647$ —//—	29,72 4,00	29,72 4,00
9. Для поддержания в исправности в течение 30 дней июня месяца проездной части дороги с заравниванием колеи и ям и подновлением покрывающего верхнего слоя на всем участке 8 вер. 454 саж. — 8,908 вер. Рабочих $8,908 \times 0,5 \times 30$ —//—	133,62	133,62
10. Для спланирования 3 вер. объездки под зимнюю дорогу шириной 3 саж. Всего кв. саж. $1500 \times 3 = 4500$ Рабочих $4500 \times 0,08$ —//—	360,00	360,00
11. Для прочистки боковых канав с формированием дна и обоих откосов между пик. 19 + 25 и 63 п. всего $2175 \times 2 \times 1,15 = 5002,5$ кв. саж. Рабочих $5002,5 \times 0,07$ —//—	350,17	350,17
12. Для прочистки боковых канав между пик 1 + 20 — 19 п. + 38,63 п. — 90 п. + 25, всего боковых канав $2293 \times 2 = 4586$ пог. саж. и водоотводных 424 пог. саж. Вместе 5010 пог. саж. Рабочих $5010 \times 0,03$ —//—	150,30	150,30
13. Для кошения по откосам травы по всем участкам 8 вер. 454 с. $4454 \text{ с.} \times 2 \times 1,75 = 15589$ кв. с. Рабочих $15589 \times 0,005$ —//—	77,95	77,95
14. Для планирования и очистки обочин от пик. 19 + 25 до пик. 63 с снятием бугров и отвозкой земли, всего $2175 \times 2 \times 0,55 = 2392,5$ кв. саж. Рабочих $2392,5 \times 0,07$ —//—	167,48	167,48
15. Для рассыпки 20 кб. с. гальки, с разравниванием и утрамбовкой соображаясь. Рабочих $20 \times 1,11$ —//—	22,20	22,20

*Наряд для исполнения натуральной дорожной повинности...
(продолжение)*

16. На укатку 2-х верст участка груженым катком (где будет наиболее нужно) в 7 проходов по ширине полотна и 18 проходами по каждому месту. Лошадей <u>2</u> x <u>7</u> x <u>18</u> x <u>6</u> —//— 20	75,60	75,60
17. На непредвиденные работы, особенно на устройство переездных мостиков по зимней объездной, вырубку кустарника в разных местах и выкорчевывание —//—	188,32	155,04
Всего	1600,00	1600,00

В 1896 г. по решению волостного схода на выполнение работ по ремонту данного участка дороги со всех селений Усть-Удинской волости было выделено 160 крестьян и 322 лошади. Работы велись десять дней. На строительство крупных мостов на средства волостного правления дополнительно нанимали плотников ⁵⁷.

Так силами и средствами крестьянства постоянно обустроивалась и содержалась Главная Сибирская дорога, воспетая в песнях ямщиков и каторжников, называемая народом то Сибирским почтовым трактом, то Московской столбовой дорогой, то Большим Московским трактом, то Главным Сибирским трактом, то Каторжным путем, то Коммерческой дорогой, то Великим Сибирским путем ⁵⁸.

⁵⁷ ГАИО. Ф. 204. Оп. 1. Д. 1.

⁵⁸ Братющенко Ю.В. Указ. соч. С. 27.



ЗАСЕЛЕНИЕ ТРАКТОВЫХ ЗЕМЕЛЬ В XIX ВЕКЕ

С начала XIX в. и до 90-х гг. XIX в. поток переселенцев на юго-западные земли Иркутской губернии был слабым. Русский Север, питавший в XVII–XVIII вв. Иркутскую губернию переселенцами, с начала XIX в. обезлюдел из-за прошедших там эпидемий, долго не мог оправиться от постигшей его беды и прекратил активное участие в освоении Сибири. Численность населения в трактовой историко-культурной зоне Иркутской губернии увеличивалась за счет естественного прироста и ссыльных. Так, в первой половине XIX в. ссыльными субботниками основательно пополнилась Зиминская волость. В это же время за счет ссыльных увеличилось население Нижнеудинского уезда, до того бывшего почти пустынным. К 1850 г. население здесь увеличилось до 47 тыс. человек ¹.

К середине XIX в. количество населенных пунктов по Московскому тракту выросло почти вдвое. Многие из них превратились в крупные селения. Описание тракта оставил В. Паршин. Путь от Иркутска до Зуевского стана составлял 24 версты, от Зуева до Биликтуя — 25 верст. «Дорога шла по песчаноглинистому грунту, перегибаясь через некрутые спуски и подъемы, выходила к реке Китою, через которую был устроен перевоз на карбазах. В Биликтуе было 120 домов» ². От Биликтуя до Мальтинской станции (370 дворов) было 30 верст. От Мальтинской до Половинной станции — 29 верст (основана Половина в 1815 г. В ней насчитывалось до 50 домов и этап ³).

¹ Воробьев В.В. Формирование населения Восточной Сибири. Новосибирск, 1975.

² Паршин В. Описание пути от Иркутска до Москвы. М., 1851. С. 20.

³ Зубарев Н.К. Почтовая станция Половинная // История, этнография, архитектура подгородно-трактовых сел. Иркутск, 2002. С. 75.



Село Половинная. Фото А.К. Нефедьевой

От Половинной до Черемховской 16 верст. «Черемховское селение простирается по линии тракта с несколькими боковыми улицами», в нем до 400 домов ⁴.

От Черемховской до Кутуликской станции 28 верст. Дорога шла долинами, усеянными цветами. Кутуликское селение имело до 300 домов.

От Кутулика до Заларей 30 верст. Село Залари расположено на северо-восточном скате отлогой горы при речке Залари, имело 70 домов.

От Заларинской до Тыретской станции 23 версты, «селение расположено в правой стороне от тракта, около речки Тырети в узкой долине», в нем до 40 домов и этап ⁵.

От Тырети до Зиминской станции 22,5 версты, село расположено на р. Оке и в устье р. Зимы. Через реку перевоз на карбазах. «В Зиминском селении до 400 домов, — из них многие постройки по городскому фасаду и есть дома с товарными лавками» ⁶.

От Зиминской до Кимильтейской станции 29 верст, с. Кимильтей имеет до 350 домов, много домов выстроено «по городскому фасаду».

⁴ Паршин В. Указ. соч. С. 21.

⁵ Там же. С. 22.

⁶ Там же. С. 23.

От Кимильтея до Листвянской 19 верст, Листвянская станция имеет 50 дворов. От Листвянской до Куйтунской станции 19 верст, с. Куйтун имеет до 400 домов.

От Куйтуна до Тули 23 версты. Селение Туля расположено на горе в одну улицу в нем до 50 домов.

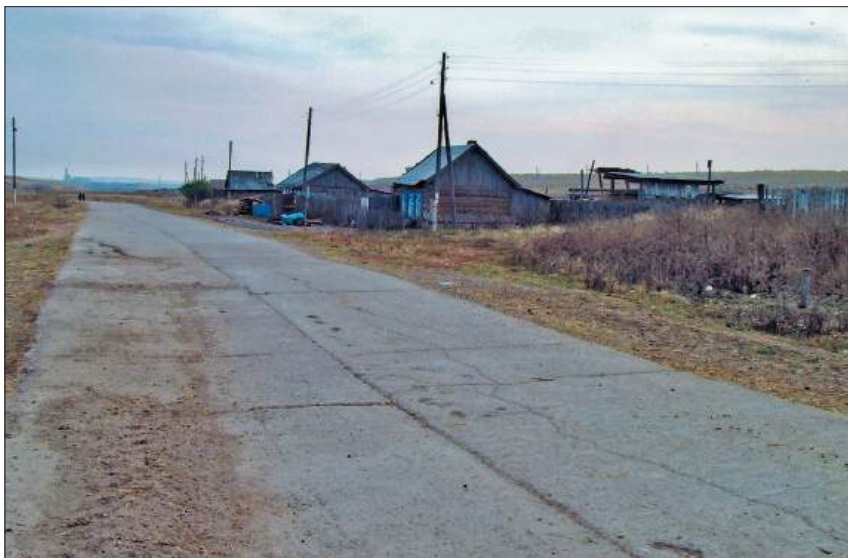
До Шерагульской станции 18 верст. Селение расположено по тракту в одну улицу, в нем 169 домов и один большой деревянный мост через речку Шерагул. Есть этап.

От Шерагула до Тулунского селения 26 верст. Расположено оно по левому берегу р. Ии, в Тулуне 500 домов и 2 церкви ⁷.

От Тулуна до ст. Курзан 25 верст. Селение стоит на р. Курзан и имеет 90 домов. Дорога от станции идет на Шабартинскую, расположенную на 21-й версте. Тракт здесь из-за черноземно-глинистой почвы в дождливое время грязен и труднопроходим ⁸.

Далее следует Худоеланская станция, находящаяся от Шабартинской в 26 верстах, имеет 45 домов. Отсюда дорога ведет на ст. Киргитуй, которая «стоит уединенно в долине при одном новом домике» ⁹. Отстоит от Худоеланской в 16 верстах. От нее до Нижнеудинска 21 верста. В нем насчитывалось около 500 домов.

Далее через 28,5 версты следует Уковская станция, за ней через



Село Тыреть. Фото А.К. Нефедьевой

⁷ Паршин В. Указ. соч. С. 25.

⁸ Там же. С. 26.

⁹ Там же. С. 27.

17,5 версты при речке Камышетке Камышетская станция, затем при речке Замзоре в 18 верстах Алгашедское селение, состоит из 50 домов. Далее через 25 верст находится Алзамайская станция, в ней до 100 домов ¹⁰. В 19 верстах от нее ст. Разгонная, при ней восемь домов и этап. Дорога через дремучие леса ведет в Баярановское селение, а оттуда крутым подъемом идет к «Бирюсинской станции (20,5 версты). Между Баярановским селением и Бирюсинском находится селение Окульshedское, расположено в одну улицу. В нем 50 домов и часовня с колоколом». (Окульshedское — казенное поселение, устроенное в 1823 г. для ссыльных.) В Бирюсинском селении около 80 домов, «в нем стоит каменный столб, знаменующий между Иркутской губернии». Перевоз через р. Бирюсу совершается на карбазах ¹¹.

Итак, ко времени проезда В. Паршина в 1849 г. по участку Московского тракта, относящемуся к Иркутской губернии, селения, стоявшие на нем, окончательно сформировались. Некоторые станы, например Китой и Тайгурка, из-за изменения трассы тракта остались в стороне от него. Среднее расстояние между станциями составляло 22 версты. В последующие годы, даже в начале XX в., когда в связи со столыпинской реформой в Восточную Сибирь хлынул поток переселенцев, строительство новых населенных пунктов непосредственно на тракте не велось.

Пустые территории между селами необходимо было сохранить для дальнейшего развития уже образовавшихся селений. Большинство этих селений стали в XIX в. волостными селами в силу своего географического положения. В них — в центрах волости, объединивших вокруг себя деревни, заимки и другие селения, — сосредоточилась торговля, развивалась промышленность, возникли школы, народные училища, больницы, были церкви. Таким образом, волостные села выполняли роль культурных центров, в которых сосредоточились местные власти и религиозные центры. Наиболее крупные из селений к началу XX в. по внешнему виду стали походить на уездные города: параллельные улицы, соединенные с центральной переулками, образовывали кварталы. Численность населения в некоторых из них увеличилась от 2 до 6 тыс. человек.

В связи с укрупнением трактовых сел в XIX в., особенно во

¹⁰ Паршин В. Указ. соч. С. 29.

¹¹ Там же. С. 31.



второй его половине, увеличилось строительство заимок — вспомогательных хозяйств, заведенных крестьянами этих сел вдали от тракта. Строительство заимок было вызвано экономической необходимостью. Села разрастались, и жителям не хватало земель под пашни, покосы, выгоны для скота, поэтому крестьяне начали дополнительно к имевшимся участкам земли распахивать новь: освобождать землю от кустарника, леса, разрабатывать дерн. Вновь заведенное поле становилось собственностью крестьянина, а затем его рода. Такой способ владения землей назывался родозахватническим и был распространен в трактовых землях из-за наличия большого количества свободной земли по обе стороны тракта.

Вновь разрабатываемые поля находились, как правило, в 10–15 км от места проживания крестьянина. Когда он вел в них полевые работы, поездки домой для ночлега и отдыха были обременительными, впустую тратилось драгоценное время. Работы сельскохозяйственного цикла: вспашка земли, засев поля, прополка, уборка урожая, обмолот зерна — следовали одна за другой и занимали длительное время. Они велись с весны до глубокой осени. Поэтому крестьяне на вновь разработанных полях устраивали временные жилища: «юрты», шалаши, балаганы, причем «юрты» и шалаши, в которых крестьяне укрывались от мошкеры в полуденный зной, устраивались даже на близлежащих полях. «Пахать в жар при миллиардах мошки нет возможности ни человеку, ни лошади. Поэтому пахота начинается еще задолго перед восходом солнца, “чуть-чуть только начнет зариться”, — и так до полудня, затем работу бросают до 7 часов вечера. Вновь пахут пока совсем не смеркнется, до часу, до 11 вечера. Чтобы спастись от мошки, лицо закрывают сетками из конского волоса, надевают две рубахи, двое штанов и сапоги. Руки, а иногда и лицо мажут дегтем. У лошади смазывают дегтем морду, грудь, брюхо, — иначе мошка может заесть до смерти... От мошки же у каждого хозяина на пашне свой балаган (юрта), а для лошадей стайки. В юртах разводят огонь, в стайках — дымокуры»¹².

Основу «юрты» составляли жерди (колья), поставленные наклонно к земле и соединенные сверху в один узел. Остов покрывали березовой, лиственничной, сосновой корой или сеном, оставляя сверху отверстие для выхода дыма (см. рисунок, выполненный

¹² Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. М., 1890. Т. 2, вып. 4. С. 35.

информатором Н.В. Фетисовым). По сути, «юрта» представляла собой эвенкийский чум в русском исполнении. Такие постройки распространились в крестьянском походном быту в северной части трактовой зоны, тяготеющей к таежному поясу, и были названы по аналогии с летними жилищами бурят — юртами, не имевшими ничего общего с чумами.

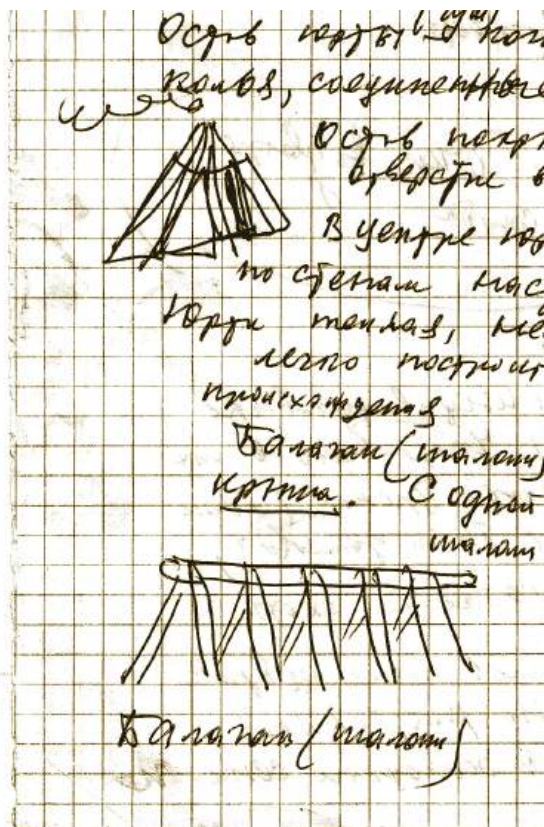


Рисунок Н.В. Фетисова

В центре «юрты-чума» находился очаг, у стен настланы помосты — спальные места. В юрте всегда было тепло, но самое главное, она была недоступна для мошки. Запах дыма отпугивал ее. Вход в «юрту» закрывался пологом (по рассказу Н.В. Фетисова, 1926 г. р., с. Каменка, Боханский район). Слово «юрта» было довольно широко распространено среди крестьян (по рассказу А.А. Бухарова, 1930 г. р., с. Буря, Зиминский район). Им называли даже срубные дома на вновь образованных заимках. Надо полагать, что таким названием крестьяне подчеркивали сезонное использование жилища, построенного на время полевых работ.

Шалаш, исконно русское временное жилище, устраивался из жердей, установленных на два ската, покрывался сеном или корой. Шалаш имел один вход. Отопления в нем не было. Спали на настиле по всему полу. Пищу готовили на открытом огне, кострище которого устраивали рядом с шалашом (см. рисунок Н.В. Фетисова).

Балаган отличался от шалаша большими размерами, имел неширокую кровлю, крытую на два ската.

Хозяйство на новом месте развивалось: увеличивалась пашня, из-за хороших выпасов скот перегонялся на заимку. Наконец хозяйство достигало такого размера, что все основные сельскохозяйст-



Балаган. Иркутский областной краеведческий музей

венные работы сосредоточивались на заимке, и в разгар полевых работ большая часть семьи переезжала сюда на жительство.

Временными жилищами — «юртами» и шалашами обойтись уже было трудно, и семья возводила срубную постройку — дом, крытый на два ската тесом, драньем, корьем. Рядом с домом устраивали хозяйственные постройки. По внутреннему устройству и убранству жилье на заимках было сходно с постоянным жилищем в деревнях и селах. Дома утепляли, настилали полы, потолки, прорубали окна и двери, входной и световой проемы делали небольшими, чтобы в помещении сохранялось тепло. В углу, рядом с дверью, устраивали глинобитную печь, которая служила для отопления и приготовления пищи. Половину избы занимали нары — помост из досок, прилегавший к передней стене избы.

Первые заимочные дома часто делались наспех и несли в себе черты примитивности. Использовали наиболее дешевый строительный материал, бревна не всегда подтесывались ровно, фронтоны стропильной кровли могли остаться незакрытыми. Застройка заимки не была упорядоченной: дома стояли разобщенно и разбросанно.

После завершения основных сельскохозяйственных работ крестьяне покидали заимку. В лучшем случае там оставались один или два человека, осуществлявших надзор за хозяйством и исполнявших текущую работу.



Заимка. Иркутский областной краеведческий музей

Рост семьи заставлял обитателей заимки увеличивать количество домов в ней. Большая заимка была на грани перехода из подсобного хозяйства, составляющего часть общего хозяйства крестьянина, который по-прежнему проживал в селе, в самостоятельную деревню. Подробное описание такой заимки есть у М.В. Загоскина. Описание настолько интересно и так ярко характеризует заимочный крестьянский быт, что заслуживает публикации без всяких сокращений: «В десяти или двенадцати верстах от Китойского селения еще в 20-х гг. (XIX в.) образовалась на р. Целоте заимка крестьянина Низовцева. В сороковых годах, когда нам пришлось познакомиться с этой семьей, заимка представляла уже выселок с пятью или шестью домами, которые все, впрочем, стояли на одном дворе. Посредине этого огромного двора стоял столб — коновязь с несколькими железными кольцами для привязывания лошадей. При въезде во двор (заимки) на р. Целоте стояла мельница. Двор огорожен был высоким частоколом, и все строения занимали не менее полутора десятин земли. Налево от въезда — большой двухэтажный дом, уже почетной старины. Далее направо, супротив главного дома большая новая изба. И потом в разные стороны двора 2–3 избы меньше, несколько амбаров, навесы задних дворов и дворики со стайками, катухами (стайки для свиней) представляли порядочный лабиринт, в котором можно заблудиться. Семья Ни-



зовцевых состояла человек из тридцати. Во главе дома стояла 75-летняя старуха, затем сын ее Василий, могучий старик лет 55 с многочисленным семейством, с одним женатым сыном и множеством подростков — детей и внуков. Кроме Василия взрослое население заимки составляли четыре племянника старухи, все женатые, все многосемейные. В большом доме со старухой жили только внучка-девушка и еще какая-то старуха. Прочие жили каждый в своем доме, но хозяйство было общее, и всеми ими руководила 75-летняя старуха. Держала при себе ключи и сама выдавала припасы на хозяйство. В молодые годы не раз подвергалась нападению разбойников. Раз ее застала казачья шайка. Бедную, выволокли на середину двора и жарили на вешалах (жердь для сушки рыболовных снастей), выпытывая, где схоронены деньги. Только внезапно вернувшийся муж и дети спасли ее от смерти. Из хозяйства в такой семье было не менее 25 десятин посева, до сорока лошадей, столько же, если не больше, одних дойных коров, множество овец, свиней... Племянники по зимам ходили в Томск, Кяхту, зарабатывали хорошие деньги. Лошади, сбруи, экипажи славилась во всей округе, но на самих хозяевах кроме черных шинелей крестьянского сукна и синих дамбовых рубах мы в праздники ничего не видели. В будни они ходили в самотканом холщовом белье, в сукманах и чарках»¹³.

М.В. Загоскин описал освоение новых земель родом Низовцевых, когда в распахке земли и впоследствии в образовании деревни участвовали только близкие родственники. Но часто заимки и новые деревни образовывались жителями одного села — соседями. Так, в 1853 г. крестьяне с. Уян через своих поверенных Сизова и Неудачина обратились с прошением в Иркутскую казенную палату о дозволении им переселиться «на приисканные ими места за дачей Уянского селения, вниз по реке Оке у устья речки Кады, через гору расстоянием от Уянского селения в 20 верст, которое примерно будет в количестве 500 десятин... Удачное для расчистки». Переселилось по прошению 12 семей в количестве 60 душ¹⁴.

Материалы, собранные сотрудниками музея АЭМ «Тальцы» в многочисленных экспедициях по Московскому тракту (отчеты экспедиций хранятся в архиве музея), свидетельствуют, что в образовании новых сел часто участвовал ряд поколений рода. Так,

¹³ ГАИО. Ф. 593. Оп. 1. Ед. хр. 14. Оц. № 6.

¹⁴ Анциферов Н.В. Отчий край — земля Куйтунская. Иркутск, 2002. С. 26.

с. Малое Ленское Черемховского района, по рассказу Василия Ивановича Ленского, жителя этого села, было основано его прадедом Иваном Ленским (отчество его он не помнит). По родовому преданию, прадед ушел вместе с братом из с. Гымыль, расположенного в верховьях р. Малой Белой, искать новые земли для поселения. При выборе места братья разошлись во вкусах и поселились порознь. Один, Иван Ленский, прадед Василия, основал поселение в 5 км от д. Парфёновки, другой поселился от него в 10 км также на пустующих землях. Таким образом, братья стали основателями двух деревень: один — Малой Ленской, второй — Большой Ленской. В Малой Ленской родились дед Василия Иннокентий и отец Иван. Точное время появления первого Ленского в с. Гымыль никто из родственников не помнит. Помнят лишь, что предок пришел с р. Лены и поэтому был прозван Ленским. Прозвище перешло в фамилию. В настоящее время фамилия Ленские широко распространена в окрестных селениях южной части Черемховского района, она встречается в Верхнем и Нижнем Булае, Парфёновке, Малой Ленской.

Как следует из приведенных примеров, пути возникновения заимок были разные: они устраивались родственниками, соседями, крестьянами-одиночками. Иногда заимки основывала сельская интеллигенция; так, например, возникла заимка Поморцево в Бельской волости, устроенная в 80-х гг. XIX в. ветеринарным врачом из Бельска Поморцевым, который предпочитал жить уединенно и поставил усадьбу в 10 км от Бельска на р. Малой Белой, построив в ней конюшню для разведения породистых лошадей (по материалам экспедиции).

С ростом численности населения количество новых селений увеличивалось в геометрической прогрессии. Например, Барлукская волость в 1723 г. была представлена одной деревней, в 1745 г. — десятью, а во второй половине XIX в. население увеличилось настолько, что из сел и деревень этой волости были образованы уже четыре волости: Барлукская, Уянская, Кимильтейская, Нукутская ¹⁵.

Данные Статистического комитета Иркутской губернии, опубликованные в 1911 г., свидетельствуют, что в трактовой историко-культурной зоне кроме крупных сел, стоявших по тракту, насчитывалось еще около 400 населенных пунктов: сел, деревень, заимок.

¹⁵ Анциферов Н.В. Указ. соч.

Таким образом, количество их за 160 лет со времени образования первых селений по Московскому тракту возросло в 20 раз ¹⁶.

Освоение трактовых земель через заимочные хозяйства отразилось в названиях населенных пунктов. Многие деревни и заимки названы были по фамилиям основателей. Это, например, в Черемховской волости заимки Лохова, Кондратьева, Кожевникова и т. д., в Заларинской — Жураковская, Савиновская, Бухаровская и т. д., в Уковской — Шипицина, Земцева, Пятнева ¹⁷.

По нашим подсчетам, заимки, деревни и села, названные по фамилии основателей, составили 54 % их общего количества, по местности — 26 %, по рекам — 20 %. При этом число заимок, названных по фамилиям первопоселенцев, поселившихся на Московском тракте в середине XVIII в., составило 40–45 % числа заимок, названных по фамилиям основателей ямских станов, и 20–25 % — общего количества всех заимок и деревень.

В наше время большинство заимок и деревень, основанных крестьянами в трактовой историко-культурной зоне в XVIII – начале XX в., не существуют. Политика советского правительства, направленная с 1957 г. на укрупнение поселений, привела к исчезновению мелких деревень и заимок. Но все же часть их сохранилась. Поэтому в октябре 2006 г. сотрудники музея Г.В. Афанасьева-Медведева, А.К. Нефедьева, А.Н. Голендеев, отправляясь в короткую командировку в Зиминский и Аларский районы для



Заимка на территории Архитектурно-этнографического музея «Тальцы». Фото В.В. Тихонова

¹⁶ Перечень населенных пунктов Иркутской губернии. Иркутск, 1911.

¹⁷ Там же.

изучения быта крестьян, решили осмотреть уцелевшие заимки, носившие фамилии первых насельников Кутулика. Основная часть таких заимок располагалась по правую сторону тракта (направление движения Иркутск–Кутулик). В Кутулике взяли в проводники бывшего шофера, хорошо знавшего дороги района, Василия Степановича Попова, 76-летнего пенсионера, и прибыли в Тютрино. Жители Тютрино — Василий Иванович Тютрин, 80 лет, его жена Мария Степановна Тютрина, 78 лет, из рода первопоселенца Евдокимова, и В.С. Попов, бывший житель заимки Болдакова, — рассказали, что заимки, названные по фамилиям первооснователей Кутулика — Нестерова, Болдакова, Евдокимова, в 1965 г. влились в Тютринскую заимку. Деревня Тютрино, насчитывавшая в 1911 г. десять домов, увеличилась в три раза. Сначала она тянулась в один ряд у подножья Тютринской пади вдоль искусственного пруда, потом образовала второй ряд домов, отделенных от первого этим прудом и нешироким лугом, но воспринималась все же двумя рядом поставленными деревнями. Основные фамилии жителей Тютрино остались те же: Тютрины, Евдокимовы, Болдаковы и Нестеровы.

Из старинных деревень, которые мы посетили в ту поездку, сохранились заимки Молева (но под другим названием — Могой), Мало Молево и Могоенок. Все они значительно укрупнились в 60-х гг. XX в., включив в себя, как и заимка Тютрина, мелкие поселения.

И все же названия несохранившихся деревень не исчезли бесследно. Фамилии их основателей носят теперь топонимы.

Наш проводник В.С. Попов, прекрасно ориентируясь среди холмистых полей Аларского района, легко называл места, мимо которых мы проезжали: Болдаковская падь, Нестеровская падь, Берестенникова падь, Евдокимова падь, Молева падь и т. д. След, оставленный крестьянами в названиях местности, свидетельствует, что земли, ныне составляющие житницу Аларского района, первыми освоили наши далекие предки. Благодарное потомство бережно хранит память о них, увековечив их имена в названиях пашен, распадков и падей.

Следует отметить, что при заселении трактовых земель человек сам выбирал место под будущую заимку или деревню, по своему соображению и вкусу. Выбранная под заселение земля должна была обладать плодородием, а место — раздольем, чтобы человек, поселившись здесь, не был стеснен ни в выгоне скота, ни в сенокосных угодьях, чтобы с домом соседствовали пашни и мир Божий



открывался с разных сторон, наполняя душу красотой и гармонией. В понимании крестьян только такая жизнь была настоящей, угодной Богу и самим крестьянам. Чтобы жить так, они, освоив российские пространства, перешли за Урал, расселились по Западной, а затем и Восточной Сибири, в неимоверных трудах и лишениях обживая новые земли.

Приложение

Список сел, деревень, заимок,
составленный по статистическим данным 1911 г.

Балаганский уезд

Кутуликская волость

Населенный пункт	При какой реке, озере, ключе находится	Число дворов в 1911 г.
1. Кутуликское (село)	р. Кутулик	197
2. Тютрина (заимка)	нет	10
3. Калистратова (заимка)	нет	6
4. Понамарева (заимка)	нет	10
5. Беленьких (заимка)	нет	3
6. Шульгина (заимка)	нет	12
7. Шелемина (заимка)	нет	9
8. Малый Кутулик (заимка)	нет	15
9. Каштак (заимка)	нет	7
10. Коломинка (заимка)	нет	10
11. Могой, Молева (заимка)	ключ и колодцы	10
12. Малая Ерма (заимка)	ключ	15
13. Могоенок (заимка)	нет	21
14. Соколова (заимка)	нет	11
15. Арская (заимка)	нет	9

Список сел, деревень, заимок... 1911 г. (продолжение)

16. Берестенникова (заимка)	нет	18
17. Нестерова (заимка)	нет	8
18. Болдакова (заимка)	нет	13
19. Теплякова (заимка)	нет	4
20. Амосова (заимка)	нет	6
21. Табарсукское (селение)	нет	24
22. Алтарик (заимка)	оз. Алтарик	21
23. Малая Сухая (заимка)	нет	17
24. Большая Сухая (заимка)	нет	21
25. Шаманова (заимка)	ключ	9
26. Дута (заимка)	нет	23
27. Ключи (заимка)	нет	7
28. Хуруй (заимка)	нет	
29. Бабина (заимка)	нет	
30. Больше Евминское (село)	нет	
31. Ерма (заимка)	нет	
32. Евдокима (заимка)	нет	

Заимок, названных по фамилии основателей, — 17. Из них заимок, названных по фамилиям первооснователей Кутулика, — восемь: Тютрина, Пономарева, Шелемина, Моева, Нестерова, Теплякова, Болдакова, Берестенникова.

Заимок, названных по реке, — 2, по местности — 13.

*Список сел, деревень, заимок... 1911 г. (продолжение)*

Заларинская волость

Населенный пункт	При какой реке, озере, ключе	Число дворов в 1911 г.
1. Залари (село)	р. Залари	290
2. Выселок при ст. Залари	р. Залари	44
3. Сенная падь (заимка)	ключ Сенная падь	28
4. Жураковская (заимка)	р. Каменная	22
5. Савиновская (заимка)	р. Хантагун	23
6. Бухаровская (заимка)	р. Карлук	18
7. Распопино Зонская (заимка)	р. Карлук	7
8. Селинская (заимка)	р. Карлук	8
9. М. Черемшанка (Ленденева) (заимка)	р. Мал. Черем- шанка	9
10. Шамановская (заимка)	р. Мал. Черем- шанка	9
11. Демушкина (заимка)	р. Касыня	8
12. Хлопуновская (заимка)	р. Касыня	11
13. Комаровская (заимка)	р. Черемшанка	15
14. Ново Комаровская (заимка)	р. В.-Холарты	4
15. Фирсовская (заимка)	р. В.-Шерагул	9
16. Родионовская (заимка)	р. Шерагул	5
17. Гусевская (заимка)	р. Шерагул	3
18. Елохинская (заимка)	р. Шерагул	5
19. Козловская (заимка)	р. Шерагул	4
20. Филюшкина (заимка)	р. Шерагул	5
21. Лукашевская (заимка)	оз. Кальчеж	3
22. Кальчежино (заимка)	р. Кальчежино	9

Список сел, деревень, заимок... 1911 г. (продолжение)

23. Рафаиловская (заимка)	р. Кальчежино	7
24. Крюковская заимка	р. Кальчежино	5
25. По Бажиру Ленденевская (заимка)	р. Бажир	4
26. Елохинская (заимка)	р. Бажир	13
27. Беловская (заимка)	р. Бажир	1
28. Минеевская (заимка)	р. Бажир	2
29. Хотхор (заимка)	р. Хотхор	5
30. Ананьевская (заимка)	р. Нарын	5
31. Хантагун (заимка)	р. Хантагун	5
32. Вечеренкова (заимка)	р. Залари	2
33. Косой взвоз (заимка)	р. Залари	21
34. Горбуновская и Выборовская (заимка)	р. Касыня	3
35. Стриковская (заимка)	р. Каменная	10
36. Сапаровская (заимка)	р. Залари	4
37. Паливановская (заимка)	р. Каменная	6
38. Кацирцевская (заимка)	р. Каменная	9
39. Селеверстовская (заимка)	р. Черемшанка	7
40. Киприановская (заимка)	р. Черемшанка	3
41. Закарюкинская (заимка)	р. Черемшанка	4
42. Плинская (заимка)	р. Черемшанка	7
43. Смолинская (заимка)	р. Шерагул	3
<i>Головинское сельское общество</i>		
44. Головинская (станция)	вершина р. Кутулик	30
45. Корховская (заимка)	р. Кутулик	24
46. Занина (заимка)	р. Кутулик	11
47. Жердева (заимка)	р. Кутулик	5



Список сел, деревень, заимок... 1911 г. (продолжение)

48. Литвинцева (заимка)	р. Кутулик	10
49. Кашкарева (заимка)	р. Кутулик	8
50. Гросс (заимка)	р. Кутулик	3
51. Арановская (заимка)	р. Кутулик	7
52. Иванова (стрелка) (заимка)	р. Кутулик	10
53. Заусаева (заимка)	р. Кутулик	3
54. Тюрина (заимка)	р. Кутулик	2
<i>Карлукское сельское общество</i>		
55. Большой Карлук (село)	р. Карлук	26
56. Малый Карлук (заимка)	р. Карлук	17
57. Большой Самкут (село)	р. Большой Сам- кут	21
58. Кутлаиха (заимка)	р. Большой Сам- кут	3
59. Гусева (заимка)	р. Карлук	8
60. Тютрина (заимка)	р. Карлук	5
<i>Ново-Черемховское сельское общество</i>		
61. Ново-Черемховское (селение)	ручей Черемоха	60
<i>Бажирское сельское общество</i>		
62. Бажир (село)	р. Залари	54
63. Асай (заимка)	р. Залари	21
64. Кольчежина (заимка)	р. Кольчеж	17

По фамилии названо 47 заимок. Из них одна заимка сохранила фамилию первопоселенца Заларей — Минеевская.

Заимок, названных по реке, — 11, по местности — 6.

Список сел, деревень, заимок... 1911 г. (продолжение)

Зиминская волость *

Населенный пункт	При какой реке, озере, ключе	Число дворов в 1911 г.
<i>Зиминское сельское общество</i>		
1. Зима (село)	р. Ока	480
<i>Ухтуйское сельское общество</i>		
2. Ухтуй (деревня)	р. Ухтуй	85
3. Мордино (заимка)	оз. Долгое	25
4. Беляева (заимка)	нет	11
<i>Верхне-Зиминское сельское общество</i>		
5. Верх-Зима (селение)	р. Зима	72
6. Игнай (улус)	р. Зима	10
<i>Ново-Никольское сельское общество</i>		
7. Ново-Никольская (деревня)	р. Зима	55

* В таблицу не включены переселенческие населенные пункты.

По рекам названы 3 заимки, по фамилии — 2, по местности — 1, по церкви — 1.

Тыретская волость

Населенный пункт	При какой реке, озере, ключе	Число дворов в 1911 г.
1. Тыреть (село)	р. Тыреть	170
2. Матаганская (заимка)	р. Унга	15
3. Мамруковская (заимка)	р. Унга	7
4. Шаглаевская (заимка)	р. Унга	27



Список сел, деревень, заимок... 1911 г. (продолжение)

5. Леонтьевская (заимка)	р. Унга	13
6. Таюровская (заимка)	р. Унга	11
7. Ильбит (заимка)	нет	6
8. Борисова (заимка)	нет	7
9. Подгорная (заимка)	нет	19
10. Хавжинова (заимка)	р. Унга	59

Заимок, названных по фамилии, — 7, по местности — 3.

Кимильтейская волость

Населенный пункт	При какой реке, озере, ключе	Число дворов в 1911 г.
<i>Кимильтейское сельское общество</i>		
1. Кимильтей (село)	р. Кимильтей	445
2. Илийский (выселок)	р. Или	44
3. Утухтуй (выселок)	нет	22
4. Староперевазское (село)	р. Ока	182
<i>Листвянское сельское общество</i>		
5. Листвянское (село)	нет	130
6. Хариковский (выселок)	р. Харик	55
<i>Харчевское сельское общество</i>		
7. Харчевское (село)	нет	70
<i>Илийское переселенческое сельское общество</i>		
8. Илийское (село)	р. Или	64

По рекам названы 4 заимки, по местности — 4.

Список сел, деревень, заимок... 1911 г. (продолжение)

Куйтунская волость

Населенный пункт	При какой реке, озере, ключе	Число дворов в 1911 г.
<i>Куйтунское сельское общество</i>		
1. Куйтун (село)	нет	282
2. Куйтун (поселок)	нет	28
<i>Барлукское сельское общество</i>		
3. Барлукское (село)	р. Ока	246
4. Заваль (скорописанный камень) (деревня)	р. Ока	33
5. Яда (деревня)	р. Ока	18
6. Хандинское (село)	р. Алка, ключ Ханда	192
7. Тулинское (село)	р. Или	127
8. Александра Невский (участок)	р. Алка	77
<i>Крестовоздвиженское сельское общество</i>		
9. Покровская (станция)	р. Или	7
10. Крестовоздвиженская (станция)	р. Или	34
11. Александро-Невского (станция)	р. Или	63
12. Преображенская (станция)	р. Или	6
13. Петропавловская (станция)	р. Или	19
14. Бурукский (участок)	ключ Барлук	138
15. Андриюшинский (участок)	р. Алка	90
16. Сумгетский (участок)	р. Алка	73
17. Мало-Кочерминский (участок)	р. Алка	57
18. Алкинский (участок)	р. Алка	76
19. Бродский (участок)	р. Яда	45
20. Мингутуйский (участок)	ключ Мингутуй	65



Список сел, деревень, заимок... 1911 г. (продолжение)

21. Такарюнский (участок)	нет	16
22. Бусулуковский (участок)	нет	24
23. Тельбинский (участок)	р. Ока и р. Тельбы	18
24. Чебатаринский (участок)	р. Или	101
25. Кундунский (участок)	р. Или	109
26. Малойский (участок)	ключ Малай	23
27. Тобинский (участок)	ключ Большая Кочерма	69
28. Таганский (участок)	нет	47
29. Кранцайский (участок)	ключ Кранцы	63
30. Ахтинский (участок)	ключ Хорик	23
31. Ключинский (участок)	р. Алай	38
32. Ново-Кадинский (участок)	р. Када	32

Заимок, названных по рекам, — 9, по местности — 13, по фамилии — 2, 6 заимок имеют религиозные названия.

Тулуновская волость

Населенный пункт	При какой реке, озере, ключе	Число дворов в 1911 г.
1. Тулуновское (село)	р. Ия	659
2. Афанасьева (деревня)	р. Курзан	21
3. Перевоз (выселок)	р. Ия	14
4. Утай (выселок)	р. Курзан	11
5. Трактово-Курзан (село)	р. Курзан	136
6. Заусаевское (село)	р. Курзан	90
7. Посторино-Курзанское (село)	р. Курзан	68
8. Ермаки (деревня)	р. Курзан	37

Список сел, деревень, заимок... 1911 г. (продолжение)

9. Бурухун (деревня)	р. Ия	32
10. Иннокентьевский виноку- ренный завод	р. Курзан	27
11. Ключебарминское (село)	нет	20
12. Гуранское (село)	ручей Кукучей	111
13. Умыгенское (село)	ключ Умыген	103
14. Ускульское (село)	р. Илир	56
15. Ноткинское (село)	р. Нотка	26
16. Евгеньевское (село)	р. Илир	34
17. Бурмайское (село)	нет	15
18. Ниргитское (село)	нет	25
19. Жерекейское (заимка)	р. Ия	11
20. Паберега (село)	р. Ия	27
21. Баробинское (деревня)	р. Ия	16
22. Авгуйское (заимка)	нет	9
23. Половинное (заимка)	р. Курзан	13
24. Кедрово-Таежное (село)	ключ Кындыр	67
25. Мугунское (село)	р. Магун	189
26. Хараманутское (село)	р. Хара-Манут	84
27. Буслайское (село)	нет	12
28. Альбинское (село)	р. Ия	27
29. Журавлинское (заимка)	оз. Подгаеж	9
30. Больше-Кандырское (село)	оз. Подгаеж	14
31. Вудагово (станция)	нет	24
32. Тулун (поселок при желез- нодорожной станции)	оз. Ангатора	275

По местности названы 19 заимок, по рекам — 6, по фамилиям — 5.



Список сел, деревень, заимок... 1911 г. (продолжение)

Шерагульская волость

Населенный пункт	При какой реке, озере, ключе	Число дворов в 1911 г.
<i>Шерагульское сельское общество</i>		
1. Шерагульское (село)	р. Шерагул	274
2. Шерагул (поселок)	р. Шерагул	34
3. Гадалейское (село)	р. Ия	158
4. Мурашевская (деревня)	р. Ия	185
5. Харгажинская (деревня)	р. Ия	75
6. Каразейская (деревня)	р. Каразей	91
7. Уталайская (деревня)	нет	62
8. Азейская (деревня)	р. Азей	53
9. Нюринская (деревня)	р. Азей	73
10. Трактовая (деревня)	нет	42

По рекам названо 5 заимок, по местности — 3, по фамилии — 2.

Шебартинская волость

Населенный пункт	При какой реке, озере, ключе	Число дворов в 1911 г.
1. Шебартинское (село)	р. Шебартик	150
2. Худоеланское (село)	нет	110
3. Хингуйское (село)	р. Хингуй	75
4. Иргейский (участок)	р. Курзан	90
5. Даур (село)	р. Кадай	135
6. Марганский (участок)	нет	60

Список сел, деревень, заимок... 1911 г. (продолжение)

7. Тало-Ключинский (участок)	нет	115
8. Нижне-Хингуйский (участок)	нет	85
9. Кадунский (участок)	р. Даур	46
10. Килимский (участок)	нет	50

По рекам названы 5 заимок, по местности — 5.

Алзамайская волость

Населенный пункт	При какой реке, озере, ключе	Число дворов в 1911 г.
<i>Мироновский участок</i>		
1. Мироновское (село)	р. Уда	19
2. Баянда (деревня)	р. Уда	11
3. Пигаева (деревня)	р. Уда	13
4. Баер (деревня)	р. Уда	19
5. Костина (деревня)	р. Уда	23
<i>Алзамайский участок</i>		
6. Алзамай (село)	р. Алзамай	98
7. Никольская (деревня)	р. Никольская	32
8. Разгон (поселок при станции)	нет	8
9. Алзамай (поселок при станции)	р. Топорок	28
10. Маховая (заимка)	р. Маховая	4

По фамилии названы 3 заимки, по рекам — 4, по местности — 3.



Список сел, деревень, заимок... 1911 г. (продолжение)

Уковская волость

Населенный пункт	При какой реке, озере, ключе	Число дворов в 1911 г.
<i>Алгашетское сельское общество</i>		
1. Алгашет (село)	р. Алгаш	140
2. Замзор (село)	р. Замзор	16
<i>Уковское сельское общество</i>		
3. Камышет (село)	р. Камышет	40
4. Ук (село)	р. Ук	164
5. Мара (село)	р. Мара	75
6. Бадарановка (село)	р. Уда	21
<i>Новоселовское сельское общество</i>		
7. Новоселовская (село)	р. Каменная	42
<i>Усть-Рубаринское сельское общество</i>		
8. Усть-Рубарино (село)	р. Уда	107
9. Аболаковская (село)	р. Уда	52
<i>Шипицинское сельское общество</i>		
10. Укарь (село)	р. Уда	42
11. Бадарановка (деревня)	р. Уда	18
12. Шипицина (деревня)	р. Уда	33
13. Зенцова (заимка)	р. Батовши	12
<i>Мироновское сельское общество</i>		
14. Баер (село)	р. Уда	25
15. Пятаева (деревня)	р. Уда	19
16. Баянда (село)	р. Уда	10

Список сел, деревень, заимок... 1911 г. (продолжение)

17. Миронова (село)	р. Уда	31
18. Костина (село)	р. Уда	35
<i>Каксатское сельское общество</i>		
19. Каксат (село)	р. Каксат	18
<i>Топорковское сельское общество</i>		
20. Топорок (деревня)	р. Топорок	10

По рекам названы 9 заимок, по фамилиям — 7, по местности — 4.

Тайшетская волость

Населенный пункт	При какой реке, озере, ключе	Число дворов в 1911 г.
<i>Авдюшенское сельское общество</i>		
1. Авдюшенское (село)	р. Логовая	78
<i>Бирюсинское сельское общество</i>		
2. Бирюсинское (село)	р. Бирюса	229
3. Сполох (деревня)	р. Бирюса	12
<i>Тайшетское сельское общество</i>		
4. Тайшет (село)	р. Бирюса	400
<i>Баероновское сельское общество</i>		
5. Баероновское (село)	р. Баерон	75
6. Старо-Акульшетская (деревня)	р. Бирюса	70
7. Ново-Акульшетская (деревня)	р. Н-Акульшет	35
8. Борисова (деревня)	р. Бирюса	
<i>Алзамайское сельское общество</i>		
9. Алзамайское (село)	р. Алзамай	85



Список сел, деревень, заимок... 1911 г. (продолжение)

10. Алзамай (поселок)	р. Топорок	40
11. Б. Разгон (поселок)	нет	13
12. Никольская (деревня)	р. Никольск	25
13. Которма (заимка)	р. Которма	6
<i>Бувальчинское сельское общество</i>		
14. Бувальчик (поселок)	р. Которма	16
15. Отрезной Хутор-Луна	нет	8
16. Логовское сельское общество	нет	24
17. Шелеровское сельское общество	нет	53

По фамилии названы 2 заимки, по рекам — 8, по местности — 7.

Узколугская волость

Населенный пункт	При какой реке, озере, ключе	Число дворов в 1911 г.
<i>Узколугское сельское общество</i>		
1. Узколугское (село)	р. Белая	262
2. Турень (заимка)	нет	5
3. Белая	р. Белая	6
4. Верхнее Иретьская (заимка)	р. Иреть	10
5. Нижнее Иретьская (заимка)	нет	12
6. Сафинский Иркутский (участок)	р. Молька	23

Список сел, деревень, заимок... 1911 г. (продолжение)

Мальтинская волость

Населенный пункт	При какой реке, озере, ключе	Число дворов в 1911 г.
1. Мальтинское (село)	р. Белая	240
2. Лужки (выселок)	колодцы	12
3. Трошкова (заимка)	колодцы	6
4. Соловцы (выселок)	р. Белая	8
5. Кочерикова (заимка)	колодцы	14
6. Половина (деревня)	колодцы	11
Мирона Чанцева (мельница)	Мальтинка	
Гобовских (мельница)	то же	
Савастьяна Чанцева (мельница)	то же	
Сухих (мельница)	то же	
7. Тайтурское (село)	р. Белая	221
8. Половинная (деревня)	на бывшем Московском тракте	20
9. Косьяновка (деревня)	нет	24
10. Выселок при ст. Половинная	Сиб. жел. дорога	90
11. Кудрявцевская (заимка)	колодцы	9
12. Алехинская (заимка)	нет	21
13. Савинская (заимка)	нет	27
14. Донская (заимка)	нет	23
15. Заморская (заимка)	нет	21
16. Никулинская (заимка)	нет	10
17. Поршенникова (заимка)	нет	13
18. Черепановская (заимка)	нет	16



Список сел, деревень, заимок... 1911 г. (продолжение)

19. Лебедевская (заимка)	нет	11
20. Субботинская (заимка)	нет	21
21. Мельницы	р. Курга и Черная	13
22. Микулина (заимка)	нет	
23. Осинцева (заимка)	нет	
<i>Буретское сельское общество</i>		
24. Буреть (село)	р. Ангара	87
25. Шутовская (заимка)	р. Ангара	3
<i>Холмушенская сельское общество</i>		
26. Холмушено (деревня)	р. Белая	105
26а. Тютинькова (заимка с мельницей)	ключ	1
<i>Бодайское сельское общество</i>		
27. Бодай	р. Белая	160
28. Карла-ли (заимка с мельницей)	р. Харакуны	1

На р. Курге — 10 мельниц, на р. Черной — 3.

Заимок, названных по местности, — 8, по фамилиям — 4.

Суховская волость

Населенный пункт	При какой реке, озере, ключе	Число дворов в 1911 г.
1. Никитина (заимка)	р. Черемшанка	
<i>Подгородно-жилкинское сельское общество</i>		
2. Подгородно-жилкинское (село)	р. Ангара	156
3. Боково (деревня)	р. Ангара	10
<i>Мало-Еланское сельское общество</i>		
4. Мало-Еланское (селение)	р. Ангара	76

Список сел, деревень, заимок... 1911 г. (продолжение)

5. Яковлевский стекольный завод	р. Еловка	7
6. Крупчатномельничное заведение Домбровского	р. Еловка	
<i>Зуевское сельское общество</i>		
7. Зуевское (селение)	р. Ангара	38
<i>Суховское сельское общество</i>		
8. Суховское (село)	р. Ангара	58
<i>Биликтуйское сельское общество</i>		
9. Биликтуй (село)	р. Китой	226
9а. Охлопкова (заимка)	р. Ангара	
<i>Китойское сельское общество</i>		
10. Китойское (село)	р. Китой	106
<i>Целотское сельское общество</i>		
11. Целотское (село)	р. Целота	92
<i>Ивановское сельское общество</i>		
12. Ивановское (село)	р. Тойсук	35
<i>Лыткинское сельское общество</i>		
13. Лыткинское (село)	р. Тойсук	28
<i>Черемшанское сельское общество</i>		
14. Черемшанское (село)	р. Китой	18
<i>Раздоленское сельское общество</i>		
15. Раздоленское (село)	р. Китой	34
<i>Никольское сельское общество</i>		
16. Никольское (село)	в 5 верстах от р. Тойсук	22

По фамилиям названо 6 селений, по местности — 5, по рекам — 2.



Список сел, деревень, заимок... 1911 г. (продолжение)

Тельминская волость

Населенный пункт	При какой реке, озере, ключе	Число дворов в 1911 г.
<i>Тельминское сельское общество</i>		
1. Тельминское (село)	р. Ангара	433
2. Зверевская (заимка)	р. Биликтуй	12
2а. Кадцева (мельница)		
<i>Усольское сельское общество</i>		
3. Усолье (село)	р. Ангара	778
4. Угольник (выселок)	р. Ангара	14
<i>Усольско-Жилкинское сельское общество</i>		
5. Нижнее Жилкинское (село)	р. Ангара	50
6. Верхнее Жилкинское (деревня)	р. Ангара	24
7. Бархотова (деревня)	р. Ангара	33
8. Ружникова (деревня)	р. Ангара	46
9. Жилкина (заимка)	р. Ангара	3
<i>Больше-Еланское сельское общество</i>		
10. Больше-Еланское (село)	р. Картагон	294
<i>Больше Жилкинское сельское общество</i>		
11. Больше Жилкинское (село)	р. Картагон	248
12. Низовцевский	р. Целота	20
13. Жилкинская (заимка)	р. Целота	5
<i>Култукское сельское общество</i>		
14. Култукское (село)	ключ	124
15. Борисовский переселенческий участок	р. Китой	19

Список сел, деревень, заимок... 1911 г. (продолжение)

16. Бодайское	р. Белая	148
17. Кочераковская (заимка)	степь	

По фамилии названо 12 населенных пунктов, по местности — 4, по реке — 1.

Бельская волость

Населенный пункт	При какой реке, озере, ключе	Число дворов в 1911 г.
1. Бельское (село)	р. Белая	242
2. Бобылева (заимка)	р. Белая	8
3. Евдокимова (заимка)	р. Белая	12
4. Засухина (заимка)	р. Белая	8
5. Кузнецова (заимка)	р. Белая	4
6. Сумкина (заимка)	р. Белая	4
7. Белькова (малая заимка)	р. Белая	8
8. Черных (заимка)	р. Белая	2
9. Средне-Булай (деревня)	р. Белая	62
10. Лобанова (заимка)	р. Белая	14
11. Деревянных (заимка)	р. Белая	4
12. Белькова (большая заимка)	р. Белая	28
13. Протасова (заимка)	р. Белая	14
14. Скрыбикова (заимка)	р. Белая	13
15. Ключи нижние (заимка)	р. Белая	19
16. Ключи верхние (заимка)	р. Белая	23
17. Крюкова (заимка)	р. Белая	8
18. Козлова (заимка)	р. Белая	9

*Список сел, деревень, заимок... 1911 г. (продолжение)*

19. Комарова (заимка)	р. Белая	8
20. Спешилова (заимка)	р. Белая	12
21. Комарова (2-я заимка)	р. Белая	2
22. Елань (заимка)	р. Белая	30
23. Россова (заимка)	р. Белая	12
24. Еловка (деревня)	ключ	38
25. Каштак (деревня)	при ключе	12
26. Вахрушева (заимка)	р. Еловка	2
27. Большая Бельская (заимка)	р. Б. Белая	6
28. Лохова (заимка)	р. М. Белая	8
29. Мурашева (заимка)	р. М. Белая	5
30. Мутовкина (заимка)	р. М. Белая	3
31. Кобелева (заимка)	р. М. Белая	7
32. Поморцева (заимка)	р. М. Белая	12
33. Нижний Холбой (заимка)	р. М. Белая	5
34. Верхний Холбой (заимка)	р. М. Белая	2
35. Мотободаринский участок	нет	58
36. Курга (заимка)	нет	2
37. Белоключинский участок	р. Камыжи	56
38. Тунгузский участок	нет	31
39. Мотовское (селение)	р. М. Белая	66
40. Сутупова (заимка)	нет	11
41. Звонкова (Пестюринская) (заимка)	нет	9
42. Змановская (заимка)	нет	3
43. Нижнебулайское (селение)	р. Б. Белая	102
44. Кулакова (деревня)	р. М. Белая	26

Список сел, деревень, заимок... 1911 г. (продолжение)

45. Хайтинское (селение)	р. Хайта	132
46. Ронцохой (заимка)	р. Хайта	17
47. Кунтулик (заимка)	р. Кунтулик	10
48. Талдыкина (заимка)	нет	2
49. Керты (заимка)	нет	3
50. Солонцы (заимка)	нет	3
51. Яктой (заимка)	нет	2
52. Мишелевское (селение)	р. Б. Белая	160

По фамилии назван 31 населенный пункт, по реке — 9, по местности — 12.

Черемховская волость

Населенный пункт	При какой реке, озере, ключе	Число дворов в 1911 г.
1. Черемхово (село)	нет	594
2. Гришева (деревня)	нет	151
3. Макарьева (деревня)	р. Ангара	51
4. Котом (деревня)	в пади Котом	58
Дроздова	нет	
Прыткина	ключи	
5. Храмцова (заимка)	нет	10
6. Беспалова (заимка)	нет	12
7. Бабушкина (заимка)	нет	30
8. Дорофеева (заимка)	нет	14
9. Огородникова (заимка)	нет	15
10. Кабанова (заимка)	нет	7

*Список сел, деревень, заимок... 1911 г. (продолжение)*

11. Помазкина (заимка)	нет	8
12. Семейкина (заимка)	нет	27
13. Ветошева (заимка)	нет	16
14. Баранова (заимка)	нет	3
15. Дроздова (заимка)	нет	12
16. Победина (заимка)	нет	4
17. Ершова (заимка)	нет	3
18. Асадчева (заимка)	нет	5
19. Позднякова (заимка)	нет	5
20. Попова или Гадебарова, или Молдованова (заимка)	нет	3
21. Зырянова (заимка)	нет	13
22. Глубокий лог (заимка)	нет	4
23. Лохова (заимка)	нет	7
24. Шадрина (заимка)	нет	6
25. Евграфьева (заимка)	нет	7
26. Кондратьева (заимка)	нет	10
27. Кожевникова (заимка)	нет	8
28. Солдатинова (заимка)	нет	3
29. Егоровская (заимка)	нет	9
30. Марушкина (заимка)	нет	2
31. Игнатьева (заимка)	нет	8
32. Софронова (заимка)	нет	10
33. Средняя подушка (заимка)	нет	3
34. Хуруй (заимка)	нет	17
35. Дехтярева (заимка)	нет	8
36. Забитуй (заимка)	в пади Забитуй	11

Список сел, деревень, заимок... 1911 г. (окончание)

37. Громова (заимка)	нет	19
38. Карнаухова (заимка)	нет	17
39. Протопопова, она же Тогот (заимка)	нет	19
40. Муратова (заимка)	нет	7
41. Карнакова (заимка)	нет	2
42. Чуберева (заимка)	нет	15
43. Рысева (заимка)	нет	9
44. Белобородова (заимка)	нет	14
45. Кадникова (заимка)	нет	2
46. Быкова (заимка)	нет	10
47. Стрелова (заимка)	нет	8
48. Жмурова (заимка)	в пади Сухой	23
49. Тютрина (заимка)	нет	6
50. Горшкова (заимка)	нет	6
51. Осинцева (заимка)	нет	19
52. Ступина (заимка)	в пади Жергина	6
53. Васильевская (заимка)	нет	5

По фамилии названо 47 селений, по местности — 6.

Заимок, названных по фамилиям первых основателей, — 9 (Гришева, Храмцова, Кабанова, Помазкина, Карнакова, Белоборова, Быкова, Тютрина, Осинцева).

РОЛЬ ССЫЛЬНЫХ В ОСВОЕНИИ ЗЕМЕЛЬ, примыкавших к Московскому тракту Иркутской губернии

Рассматривая вопрос об участии ссыльных в заселении юго-западных земель Иркутской губернии, авторы книги должны отметить, что в первоначальный период освоения земель Иркутского воеводства, до 1686 г., в писцовой книге Федора Сверчкова ссыльные уголовники не указаны. Сведения о них были найдены нами в делах Иркутской приказной избы за 1690-е гг. По обнаруженным сведениям, в 1693 г. в Иркутск было отправлено четыре колодника из Вологды для поселения их на пашне ¹.

В 1697 г. за воровство и побегі были сосланы солдаты Московского полка генерала Лефорта Михаил Лохотин с женой Ульяной и сыном Ивашкой, Пашка Травин, Фома Холутин и др. — всего десять человек ².

В 1698 г. были присланы из Тобольска Ивашка Сженонов с женой и дочерью, Ивашка Абрамов, стрелец Ивашка Михайлов с женой Василисой, солдат Преображенского полка Степан Михайлов ³. Они прибыли в Иркутск и были расселены в Иркутском воеводстве. Возможно, были и другие группы ссыльных уголовников, нами не учтенные. Но суть явления от этого не меняется: группы ссыльных поступали в край редко и были немногочисленными.

В первой половине XVIII в. количество ссыльных было так-же незначительно. По данным ревизских сказок, в 1732 г. в Кудинскую слободу по указу Иркутского полкового двора поступил один ссыльный — Семен Варегин, в 1736 г. в Оекскую слободу определены на поселение трое ссыльных: Антон Остафьев, Иван Лукин

¹ РГАДА. Ф. 1121. Оп. 1. Ед. хр. 305.

² Там же. Ед. хр. 460. Л. 5.

³ Там же. Ед. хр. 423. Л. 26–37.

с сыновьями и сын помершего ссыльного Тихона Федор Рязанов ⁴. В остальных селениях Иркутского уезда эта перепись ссыльных не зафиксировала. Статья В.М. Кабузана и С.М. Троицкого «Заселение Восточной Сибири в первой половине XVIII в.» подтверждает данные ревизских сказок, указывая на незначительное количество ссыльных того периода ⁵.

Думается, что правительство, несмотря на большую нужду в людях, преднамеренно ограничивало водворение ссыльных уголовников на эти земли, формируя таким образом население в крае из вольных поселенцев, крестьян и солдат, присланных по государеву указу и прибору, т. е. людей, моральные устои которых соответствовали установленным в обществе нормам. Большое количество сосланных уголовников могло привести к утверждению их власти над крестьянами и к господству в крае диких нравов.

Правительством был учтен опыт, накопленный за время освоения Западной Сибири и северных земель Иркутской губернии, который свидетельствовал, что ссыльные уголовники, несмотря на значительную помощь со стороны государства тягловой силой, семенами, орудиями труда и т. д., были не способны к ведению хозяйства. Об этом еще в 1672 г. писал в Сибирский приказ илимский воевода Сила Оничков: «А некоторые, государь, ссыльные люди до Илимского острогу и присланы бывают, а велено строить их в пашню, и то, государь, пашенное строение бывает не прочно. Ссыльные холостые люди не крестьяне, от пашни убегают... а которые, государь и женатые, сосланы люди во крестьянство и строена — и те, будучи в твоей великого государя, пашни за бедностью хлебом своим завестца и дворишками построицца и окореница долгое время не могут, и одолав, пашни мечут же, а сами бродят и работают на хлеба сторонних людей» ⁶.

Со второй половины XVIII в., с 1764 г., когда смертная казнь в России была заменена на вечное поселение в Сибири, поток ссыльных в Иркутскую губернию увеличился, ссылка стала носить постоянный характер. По данным ревизских сказок 1762–1781 гг., за 20-летний период в Иркутский и Нижнеудинский уезды было сослано 1 511 человек из центральной России, вольных же переселенцев се-

⁴ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Ед. хр. 1056.

⁵ Кабузан В.М., Троицкий С.М. Заселение Восточной Сибири в первой половине XVIII в. // Сибирь в XVII – первой половине XVIII в. Новосибирск, 1962.

⁶ Шерстобоев В.И. Илимская пашня. Иркутск, 2001. Т. 1. С. 511.



вера России за этот же период поступило 1 282 человека ⁷. Таким образом, во второй половине XVIII в., как свидетельствуют данные ревизских сказок, небольшой численный перевес среди вновь прибывших составили ссыльные из центра России.

Однако между первыми насельниками, прибывшими из центра России в XVII в., сосланными из тех же мест по государеву указу, т. е. безвинно, и ссыльными второй половины XVIII в. существовала большая разница. Ссыльные, прибывшие во второй половине XVIII в., были преступниками: ворами, убийцами, картежниками и т. д., т. е. людьми, страдавшими различными пороками, морально не устойчивыми, не привыкшими к физическому труду. Они слабо приживались на новых местах: пускались в бега, занимались разбоем, шулерством, распространяли среди крестьян картежную игру и отрицательно влияли на нравственность местного населения. Местные власти, стремясь противостоять данному явлению, делали попытки посадить их на землю.

Большую работу в этом направлении вел гражданский губернатор Иркутской губернии Н.И. Трескин (время правления 1806–1819 гг.). «По характеристике современников, Иркутский гражданский губернатор (Н.И. Трескин) обладал большими способностями и рассудком. Ума и деятельности его хватило бы на десять губерний» ⁸. По инициативе губернатора при Иркутской канцелярии в 1807 г. был образован штаб по делам ссыльных, который должен был заниматься распределением ссыльных по уездам губернии, помогать в обустройстве на новом месте жительства. Ссыльные направлялись в те места, в которых нужда в людях была наиболее ощутима, более всего в Нижнеудинский уезд. На переселение в него было направлено 769 душ мужского пола, которые должны были «поселиться на большой дороге» (на Московском тракте) ⁹. На устройство домов ссыльным выдавалась ссуда, при этом они освобождались от всех повинностей на 5 лет. Поселенцы обеспечивались всем необходимым для ведения хозяйства вплоть до топора дроворубного, долота и других плотничьих инструментов.

⁷ Кабузан В.М., Троицкий С.М. Новые источники по истории заселения Восточной Сибири // Советская этнография. 1966. № 3. С. 23–47.

⁸ Дамешек И.Л. Гениальнейший администратор и истинный хозяин края // Земля Иркутская. 2006. № 1. С. 9.

⁹ Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта крестьян Иркутской и Енисейской губерний. М., 1890. Т. 2, вып. 2. С. 35.

Земля для посева приготавливалась либо ранее водворенными, либо вновь прибывшими поселенцами. Заготовкой леса и постройкой домов поселенцы занимались в свободное от полевых работ время. Для того чтобы ссыльные твердо осели на землю, Трескин уговорил иркутского архиепископа Вениамина венчать ссыльных девок только с поселенцами. Большую помощь в реализации этой программы оказал губернатору нижнеудинский исправник Лоскутов. Постоянно посещая вновь образованные деревни, он строго наказывал бездельников, устраивая публичные порки, и в то же время поощрял материальными средствами хороших хозяев. В результате целенаправленных действий местных чиновников к 1817 г. в Нижнеудинском уезде было выстроено 18 селений, что составило 936 домов. При деревнях было построено 8 часовен, 19 кузниц, 111 мельниц, 29 мангазей, 5 кожевен, поголовье скота увеличилось до 7 683 голов¹⁰.

При участии Н.И. Трескина была разработана программа строительства казенных поселений для ссыльных. Работы по осуществлению этих планов были начаты в 1820 г. уже в отсутствие Трескина.

Для строительства деревень в Иркутской губернии из казны было выделено 28 786 рублей ассигнациями. Землемеры получи-



*Станция Суховская. Построена в 1950-х годах на месте деревни Суховской.
Фото А.К. Нефедьевой*

¹⁰ Материалы... Т. 2, вып. 2. С. 37.



Поселок Бóково. Фото А.К. Нефедьевой

ли задание найти удобные земли под домостроение, пашни, сенокосы и выгоны для скота. Земли были приисканы недалеко от Иркутска по тракту в сторону с. Мальта. В 1820-х гг. на них были созданы селения: Суховское (28 дворов), Луговское (12 дворов), Боково (12 дворов). По утвержденному проекту с 1824 г. в Суховском в 28 дворах было поселено 56 человек, в Луговском и Боковском соответственно числу домов по 24 человека. По этому же проекту каждую семью ссыльных снабдили 15 десятинами земли, для чего землемерами было отведено 3 920 десятин¹¹. Поселенных ссыльных освободили на 5 лет от налогов, но обязали через 10 лет после обустройства начать выплачивать государству ссуду, выданную им на строительство домов. Закончиться выплата ссуды должна была через 20 лет после первого взноса. О судьбе поселенных ссыльных чиновники вспомнили через 15 лет. При проверке финансов было обнаружено, что выплата ссуды переселенцами не производится. В места их проживания из Иркутска был отправлен чиновник Петров. В докладной записке Петров сообщал: при осмотре селений он обнаружил, что из 104 поселенных семей на период проверки проживало только 53. Из них 35 семей не имело пашни, 11 семей обрабатывало 0,5 десятины земли, 7 семей обрабатывало от 1

¹¹ ГАИО. Ф. 24. Оп. 1. Ед. хр. 74. К. 1685. Л. 36.

до 3-х десятин и одна семья — 5 десятин; лошадей не имело 30 семей, по одной лошади было у 22 семей, не имело коров 28 семей ¹².

Жили ссыльные за счет работ по найму, промыслов: смолокурения, заготовки дров, случайных заработков. Земледелием, как видно из приведенных данных, смогло заняться буквально несколько семей. Дальнейшее исследование жизни ссыльнопоселенцев, проведенное Петровым, выявило, что отведенные землемерами земли нельзя было использовать для хлебопашества. Так, дача Луговского селения в 1 410 десятин земли состояла из дремучего леса и болот, непригодных для земледелия ¹³. Точно так же обстояло дело с землями Боковского и Суховского селений. Чтобы исправить недобросовестность землемеров, местное руководство вынуждено было отобрать пахотные земли — для Боковского селения из дач жилкинских крестьян — 61 десятину, для Суховского селения — из дач китойских и биликтуйских крестьян в том же размере, дополнительно передав в ведение суховских поселенцев Иданский луг ¹⁴. Для Луговского селения были отобраны земли по р. Усолке, принадлежавшие мальтинским и Бадайского селения крестьянам ¹⁵. Улучшилось ли после этого положение ссыльнопоселенцев, данных не найдено. Хотелось бы лишь отметить, что это была последняя попытка чиновников изменить ситуацию со ссыльными, привязать их к хозяйству и к крестьянской работе.

Во второй половине XIX в. количество ссыльных, поступивших в Восточную Сибирь, возросло до 8 850 человек в год. По данным, собранным иркутским генерал-губернатором, соотношение количества ссыльных мужчин и количества крестьян мужского пола на 1886 г. было следующим:

в Иркутском уезде — 23 875 крестьян и 9 402 ссыльных;

в Балаганском уезде — 27 803 крестьянина и 26 213 ссыльных;

в Нижнеудинском уезде — 17 823 крестьянина и 7 682 ссыльных ¹⁶.

По территории уезда ссыльные распределялись неравномерно. В некоторые волости их отправляли столько, что на одну крестьянскую душу приходилось по две души ссыльных, согласно же Уставу о ссыльнопоселенцах, на пять крестьян должен был

¹² ГАИО. Ф. 24. Оп. 1. Ед. хр. 74. К. 1685. Л. 36.

¹³ Там же. Л. 39.

¹⁴ Там же. Л. 41.

¹⁵ Там же. Л. 42.

¹⁶ Материалы... Т. 2, вып. 2. С. 252.



приходиться один ссыльный¹⁷. По такому же принципу должны были приписываться ссыльнопоселенцы непосредственно к сельским обществам. На самом деле в некоторых из них на каждого крестьянина-старожила приходилось по пять-шесть приписных ссыльнопоселенцев¹⁸. Распределение ссыльных велось формально. Чиновники знали, что из всех ссыльнопоселенцев, приписанных к сельским обществам данной территории, их приживется не более 5 %. По словам Н.М. Астырева, «каждая партия по прибытии своем в волость рассеивается подобно дыму, оставив на месте прописки лишь несколько человек»¹⁹. По отчету иркутского губернатора, из 110 тыс. сосланных в Восточную Сибирь 32 тыс. ссыльных находились в отлучке «по письменным видам». 10 тыс. человек завели хозяйство, осели на землю. Остальные 58 тыс. ссыльных были в неизвестной отлучке, «составляли тот беспризорный люд, который постоянно держит население в страхе за свою жизнь и имущество»²⁰.

Контингент поселенных ссыльных был неоднородным. Среди них было достаточно много людей, воспринимавших труд как наказание и не способных к каким-либо работам. Такие ссыльные могли заняться трудом только принудительно под жестким контролем. Другая часть населения, возможно, смогла бы осесть на землю, если бы, как предписывал устав, им была оказана помощь в обзаведении хозяйством: выдана ссуда, сельхозинвентарь, построено жилище — или были бы предоставлены какие-либо работы на заводах или у частных лиц. На самом деле, получив приписку к какому-либо селению, они должны были решать все свои проблемы сами. Не найдя применения своим силам, нуждаясь в пище, одежде, приюте, они возвращались к прежним занятиям: пьянству, воровству. Крестьянам, чтобы защитить себя и свои семьи, часто приходилось вступать со ссыльными в борьбу, прибегая к оружию. Декабрист Завалишин, оценивая ситуацию со ссыльными, писал: «Если бы крестьяне не уничтожали беглых, то с ними едва ли Сибирь могла справиться»²¹. И все же такие меры борьбы со ссыльными — уголовными поселенцами, которые приведены в «Материалах по землепользованию...», были крайне редкими. Крестьяне терпимо

¹⁷ Астырев Н.М. На таежных прогалинах. М., 1891. С. 125.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Материалы... Т. 2, вып. 2. С. 252.

²¹ Цит. по: Материалы... Т. 2, вып. 2. С. 253.

относились к ссыльным и, основываясь на народной мудрости: «от тюрьмы и сумы не зарекайся», жалели их и помогали: понимая их бедственное положение, выставляли в специально устроенных окошках или на полках пищу, оставляли одежду. Жители распределяли между собой ссыльных, останавливавшихся в селе на отдых, мыли их в бане, кормили. Из воспоминаний жителей трактовых деревень: «Раньше вот эти ссыльны в цепях шли. Дед рассказывал. Он маленький был. Говорит, идут по деревне. Рваны всё, худы, голодны. Звон кругом. Цепям как колоколам, говорит, звенят. *Имям* народ-то давал <...> Хлеб вытасковают, стряпано како, мясо ли, кормят. *Баушка* и говорит моя, уже по звону услышит, оне же идут с того конца, брянчат кандалам-то, далёко слышно, а оне вечером... на лавочке... сидят, *счас* же:

— Ну-ка, бегите в чулан, хлеба булку захватите.

Мы... ма́леньки были с братом, бежим *в обгón*... несём *имя́м*... Подбежишь, бросаешь»²².



Ссыльные у этапа. Научная библиотека Иркутского госуниверситета

Христианская заповедь — помощи ближнему — читалась и выполнялась крестьянами, насколько это было возможно. К крайним мерам прибегали тогда, когда ссыльные переходили грани дозво-

²² Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири. Иркутск, 2007. Т. 1. С. 291.



ленного: убивали скот, грабили, нападали на крестьянские семьи. Лишь в этих случаях ссыльнопоселенцы могли поплатиться за содеянное жизнью. Этот принцип отношения к ссыльным поселенцам сохранился и в советское время. В 1960-х гг. одновременно с укрупнением деревень в Сибирь вновь стали ссылаться люди, ненужные большим городам: тунеядцы, пьяницы, авантюристы, уголовники, отсидевшие в тюрьмах срок и т. д. Таких ссыльных, десять человек, поселили в с. Большое Голоустное. Поселившиеся объединились в группу, начали вести себя нагло, убивали на еду охотничьих собак, скот, совершали другие неблагоприятные поступки. Вскоре одного из них, а через некоторое время другого нашли в тайге мертвыми. Среди населения ходил такой разговор:

— Слышь, Петров, Ваньку ссыльного нашли в тайге мертвого. Медведь задрал.

— Да слышал, знамо дело — медведь задрал.

Разговор продолжался дальше уже на другую тему. Таким образом жители села договаривались в случае следствия давать одни и те же показания. Оставшиеся восемь ссыльных присмирели, а через некоторое время покинули селение (из рассказа жителя с. Большое Голоустное Г. Попова). В данном случае расправа произошла по старому сибирскому обычаю без обращения за помощью к начальству, от которого толку бы не было, а была бы одна волокита.

Как свидетельствуют приведенные данные, лишь небольшое количество ссыльных, составлявшие одиннадцатую часть их общего числа, восприняло Сибирь как новую родину, в которой им предстояло жить постоянно, растить детей, трудиться²³. Это, на наш взгляд, та часть заключенных, которая была осуждена невинно или совершила преступление случайно, в силу сложившихся обстоятельств. Остальная огромная масса ссыльных не нашла себе здесь приюта, они дожидались в местах поселения теплое время, чтобы пуститься в бега назад на родину. По дороге, чтобы выжить, занимались попрошайничеством, воровством. К зиме, как правило, их ловили или они сами, страдая от холода и голода, приходили в участок. Их сажали в тюрьмы, а затем вновь отправляли по этапу к месту прежней прописки. Скитания по Сибири стали для них образом жизни.

Итак, правительство избрало слабозаселенную Сибирь местом ссылки и каторги и надеялось разрешить этим две задачи. Первая из

²³ Покшишевский В.В. Заселение Сибири. Иркутск, 1951. С. 121.

них заключалась в том, чтобы вернуть к нормальной жизни преступников, совершивших мелкие преступления: воровство, шулерство, бродяжничество, картежную игру и т. д., т. е. в первую очередь тех ссыльных, которые либо по судебной, либо по административной



Ссыльнопоселенец Шевченко. Государственный архив Иркутской области

ссылке водворялись в Сибирь на поселение. Они и составили основной контингент сосланных сюда. Наличие в Сибири большого количества пустых, никем не занятых земель давало правительству уверенность в том, что при обзаведении ссыльными своим хозяйством и землей они станут добропорядочными крестьянами и таким образом примут активное участие в решении второй задачи — в освоении Сибири. Чтобы данный проект успешно осуществился, была разработана программа (Устав о ссыльнопоселенцах ²⁴), которая должна была помочь ссыльным адаптироваться к новым условиям жизни.

По уставу ссыльнопоселенцы, как и другие категории ссыльных, в пересылочных тюрьмах формировались в пар-

тии по 200–400 человек и должны были пешком следовать до места назначения. С момента ареста и до времени прибытия на места назначения ссыльные находились на полном государственном обеспечении. В 1862 г. на их кормление отпускалось в день 6 копеек. Ссыльные снабжались на год, который они проводили в пути, одеждой — зимней, стоимостью 10 рублей, и летней — 6 рублей. Кроме того, государство оплачивало наем лошадей для перевоза заболевших ссыльных и вещей арестантов, необходимых им в дороге, затрачивая на это 616 тыс. рублей в год. За день ссыльные проходили примерно 30 верст. Для ночлега и отдыха, как правило,

²⁴ Свод российских законов. М., 1857. Т. 14. С. 17.



в крупных селениях устраивались этапы или полуэтапы (площадка, огороженная высоким частоколом. Внутри ограды были построены два-три барака для заключенных, дом для начальника тюрьмы, дом для солдат-конвоиров. По углам огороженной площадки были устроены смотровые будки). Всего по пути следования в Сибирь было построено 220 этапов стоимостью 10 тыс. рублей каждый. На их постоянное содержание государство тратило по тысяче рублей на каждый этап. По особой статье выделялись деньги на содержание этапных офицеров и конвоя («Проект о новой системе следующих из России в Сибирь ссыльных на поселение и заводы») ²⁵. Таким образом, только на содержание ссыльных в пути, по нашим подсчетам, выполненным на основе данных «Проекта о новой системе следующих из России в Сибирь ссыльных на поселение и заводы», правительство тратило на доставку сосланных к новому месту жительства без учета стоимости конвоя и офицера 1 474 тыс. рублей (по тем временам сумма немалая). Сумма 1 474 тыс. рублей (определена из расчета на 20 тыс. человек — количество сосланных в Сибирь в 1862 г.) состояла из кормовых 318 тыс. рублей, истраченных на одежду 320 тыс., на содержание этапов — 220 тыс., на наем лошадей — 616 тыс. рублей. На строительство этапов была затрачена отдельная сумма — 2 млн 200 тыс. рублей. Кроме того, как уже сообщалось, для обзаведения хозяйством, землей и жильем ссыльным, прибывшим на место поселения, полагалась ссуда, за которую они должны были рассчитаться постепенно, после того как хозяйство их окрепнет ²⁶.

Таким образом, правительство, казалось, все предусмотрело, чтобы проект был успешным: отпускало достаточно средств на его осуществление, прописало пути обустройства ссыльных на сибирской земле, давало им ссуду, освобождало их на три года от налогов, оказывало помощь при неурожае, а также в случае женитьбы. Однако, как уже было указано выше, из 110 тыс. сосланных вернулись к трудовой деятельности всего 10 тыс. человек, став крестьянами или рабочими с постоянным местом работы. И заслуга в этом была их собственная, благодаря своему упорству и воле возвратились они к нормальной трудовой жизни.

Одной из причин неуспеха этого проекта, как нам видится, были равнодушие и продажность чиновников, которые всюду искали

²⁵ ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. Ед. хр. 155. К. 1662. Л. 54–63.

²⁶ Там же. Ед. хр. 74. К. 1635. Л. 35.



Ссылные на привале. Государственный архив Иркутской области

своей выгоды, не думая ни об уже искалеченных судьбах людей, ни об оказании им помощи, предписанной законом, ни о государственной пользе. Н.М. Астырев, занимавшийся исследованием ссылки, в конце XIX в. писал: «Следует отметить, что закон (смотри Устав о ссыльных) предусматривает все виды пособия ссыльным и меры к прочному водворению в крае, который им должен стать новым отечеством... на практике ни одно из этих благопожеланий закона не осуществляется... Согласно предначертаниям закона существуют даже штаты особых смотрителей за колониями ссыльнопоселенцев, и штаты эти числятся при губернских правлениях, но занимаются они какими-то младшими помощниками столоначальников, соперничающими друг с другом изяществом разграфки бесчисленных ведомостей о ссыльнопоселенцах за отчетный год и никогда своего клеенчатого стула в канцелярии не покидающими»²⁷. Еще более резкую оценку работе чиновников дал Джордж Кеннан, специально приезжавший в Россию из Америки для изучения ссылки. Исследуя этапную жизнь ссыльных, он двигался вместе с ними по этапу. По пути следования он наблюдал условия их жизни, осматривал этапы, состояние которых оставило у него неблагоприятное впечатление. Характеризуя их, он писал: «На содержание этих самых этапов, как бы плохи они ни были, отпущены не малые средства, однако боль-

²⁷ Астырев Н.М. Указ. соч. С. 127.

шую их часть поделили между собою мошенники-подрядчики и чиновники. Один инспектор по транспортировке ссыльных, имевший возможности узнать положение вещей, говорил мне, что едва ли будет преувеличением сказать, что если бы теперь можно было собрать все деньги, отпущенные на строительство и содержание этих “разрушающихся зданий”, то их вполне бы хватило для возведения вереницы этапов из чистого серебра на всем протяжении от Томска до Иркутска»²⁸. Но самую резкую оценку деятельности чиновников дал народ. «Начальники, — говорили крестьяне, — не верят в Бога (отчего и творят беззакония. — *Авт.*). За это земля их ни одного после смерти не принимает в свои недра... “Что губернаторы, что исправники, что заседатели, — все одно... Положат его в домовину, он так сквозь землю и пойдет, и пойдет... в самое, видно, тартарары”»²⁹.

Знакомясь с любой из официальных и неофициальных характеристик ссылки в Сибирь, которые дали генерал-губернатор или до-революционные исследователи Н.М. Астырев, Д. Кеннан, Н.М. Ядринцев, мы должны отметить, что все они расценивали ссылку как большое зло, влиявшее на край разрушительно.

Мы же, рассматривая вопрос о том, какую роль сыграла уго-



Дом начальника этапной тюрьмы, сейчас — жилой дом, село Залари.
Фото А.К. Нефедьевой

²⁸ Кеннан Д. Сибирь и ссылка. СПб., 1999. Т. 1. С. 333.

²⁹ Короленко В.Г. Сибирские рассказы и очерки. Иркутск, 1945. С. 137.



Этапный барак, сейчас — туберкулезный диспансер, село Залари.
Фото С. Коровкина

ловная и административная ссылка в заселении и освоении тракторных земель, не можем быть так категоричны. Безусловно, бездействие чиновников, неисполнение ими своих прямых обязанностей и злоупотребление властью привели к тому, что большая часть ссыльных не завела здесь хозяйство и не осела на землю. Эта часть



ссыльных, не получив никакой материальной поддержки и не найдя выхода из своего положения, была вынуждена присоединиться к той группе развращенных ссыльных, которая уже не могла встать на путь труженичества. Вместе они составили огромный контингент «бездомного люда», бродившего по Сибири, осложнявшего жизнь сибирского крестьянства и державшего его в постоянном напряжении. В силу сложившихся обстоятельств крестьяне были вынуждены оказывать ссыльным помощь, а иногда, защищая свою жизнь или жизнь своей семьи, вступать с ними в смертельную схватку. Но нельзя не учитывать тот факт, что в конце XIX в. 10 тыс. ссыльных завели здесь семью и осели на землю, став добropорядочными крестьянами, 32 тыс. ссыльных стали источником формирования рабочего класса, который в летний период поставлял достаточное количество людей для добычи золота. Из этих же 32 тыс. вышли промышленники, составившие основную рабочую силу на байкальском рыбном промысле. Ссылные же выделили из своей среды дешевых батраков для крупных крестьянских хозяйств, что способствовало развитию в крае товарного зернового производства.

Конечно, нельзя отрицать тот факт, что поселенцы и беглые принесли в жизнь крестьян массу неудобств и даже пытались своим поведением поколебать их устоявшийся быт и мировоззренческие основы. Но, несмотря на большое количество ссыльных, они не смогли повлиять на нравственность крестьян, и крестьяне при всей сложности ситуации в трактовой деревне сумели сохранить присущие русским гостеприимство, сострадание и не перешли границу мирного сосуществования с деклассированными элементами общества, которые представляли собой беглые ссылные.

ПРОМЫСЛЫ

Деятельность крестьян трактовой историко-культурной зоны была довольно разнообразной. Редкий крестьянин-старожил, живущий по тракту, занимался одним земледелием; охота, извоз, дворничество, изготовление телег и саней, шорничество, заготовка дров — вот неполный перечень промыслов, бытующих у крестьян. И все же, несмотря на их обилие, основным занятием для крестьян оставалось земледелие.

Земледелие

С присоединением юго-западных земель Иркутской губернии, значительно удаленных от центра русского земледелия, у правительства возникла насущная необходимость его развития на вновь приобретенных территориях.

У местного населения к приходу русских земледелие было развито слабо, лишь кое-где существовали очаги его в виде посевов проса и гречихи. Но и они к XVII в., в связи с междоусобными племенными войнами, исчезли. Подвозить хлеб единственно существовавшим тогда северным путем было дорого, и доставка его занимала слишком много времени. К тому же поселение людей на землю и введение ее в экономический оборот окончательно закрепляли эти новые территории за Россией. Таким образом, развитие земледелия в Сибири было для правительства делом крайней необходимости.

Для разрешения этой задачи правительство, во-первых, не препятствовало добровольному переселению государственных крестьян севера России (гулящие люди); во-вторых, из-за недоста-



точного количества добровольцев, переезжавших на новые места, вынуждено было прибегнуть к принудительному переселению крестьян и отслуживших службу солдат на вновь присоединенные земли (по государеву указу); в-третьих — вербовало крестьян в Сибирь добровольно за льготу (по прибору). Переселенные по государеву указу, по прибору и гулящие люди, посаженные на землю и обрабатывавшие ее, за владение землей должны были в обязательном порядке возделывать государеву десятину. Пашня, вспаханная крестьянами на себя, получила название «сабина». По данным писцовой книги Федора Сверчкова, крестьяне, обрабатывавшие на себя пять десятин земли, шестую десятину, иногда с четью, возделывали на государя. Крестьяне, владевшие одной десятиной, на государя пахали от чети до 0,5 десятины. По чети десятины государственной пашни обрабатывали крестьяне по государеву указу и прибору, не заведшие своей пашни ¹. Организация государственной пашни лежала на воеводах. Они должны были поселить на пашню и прибывших по государеву указу и прибору крестьян. Государева пашня была введена на крестьян как налог за пользование землей, для обеспечения служилых людей хлебом в бесплодных районах Сибири.

Опыт первого освоения земель Западной и Восточной Сибири выявил, что не всякая земля, казалось бы пригодная для земледелия, могла быть использована для хлебопашества. Поэтому казакам, прежде чем включить изысканные земли в пашенный оборот, приходилось проводить на них опытные посевы. Донесения казаков по проведенным опытам были разные: отрицательные — «На весну долго дождей не живет и рожь выдыхается ветром» и положительные — «Хлеб чаять, будет родиться... пашне быть большой можно» ².

Присмотр за государевым хозяйством вел приказчик, назначенный воеводой. Главной обязанностью приказчика было «о государственной пашне радеть», следить, чтобы «пахати и сеяти начинали вовремя, не спустя полевого времени и упахивать государеву пашню гораздо на мягко, чтобы груд и неоранных мест на пашне не было» ³. Приказчики проживали в слободах, занимавших промежуточное положение между городом и селом. В первоначаль-

¹ РГАДА. Ф. 214. Д. 941.

² Никитин Н.И. Сибирская эпопея XVII в. М., 1987.

³ Писарев В.Е. Тулунское опытное поле. Иркутск, 1916. С. 60.

ный период освоения Сибири слободы были административными и религиозными центрами для всех селений своего присуда. В них размещались дворы приказчика, церковных причетников, судных дьячков и крестьян.

В результате целенаправленных действий правительства и местных властей в Иркутском воеводстве к 1686 г. возникло 14 селений — деревни, слободы, в которых проживало 166 хозяев (подсчет произведен по писцовой книге Федора Сверчкова без учета жителей монастырских селений, г. Иркутска и селений будущего Московского тракта). Из 166 семей 20 были казачьими. Они обрабатывали:

четыре семьи — по 10 десятин;

две семьи — по 6–7 десятин;

семь семей — по 5 десятин;

пять семей — по 3 десятины;

две семьи — по 0,5 десятины сабиновой пашни ⁴.

На оставшиеся крестьянские хозяйства сабиновая пашня распределялась следующим образом:

шесть семей пахало по 5 десятин;

десять семей — по 4 десятины;

20 семей — по 3 десятины;

17 семей — по 2 десятины;

11 семей — по 1,5 десятины;

22 семьи — от одной десятины и менее;

60 хозяйств не имели своей пашни ⁵.

Большое количество крестьян, не пахавших на себя пашни, приходилось на два селения: на д. Разводную, в которой из 14 крестьян, проживавших в девяти дворах, восемь хозяев не имели своей пашни, и на Уриковскую слободу — в ней из 66 крестьян, проживавших в 27 дворах, 42 хозяина не имели собственной пашни. Давая пояснения чиновнику о состоянии их дел, крестьяне Урика, не имевшие пашни, указывали, что не могут обзавестись хозяйством и не пахут потому, что холосты, работают по найму, а на государя пахут четь десятины. По материалам писцовой книги, только один неженатый крестьянин пахал на себя 5 десятин, что было редким исключением. Почему не пахали на себя неженатые мужчины, особо пояснять, видимо, и не надо. Причина заключалась даже не

⁴ РГАДА. Ф. 214. Д. 941.

⁵ Там же.



Н. Ладейщиков. «На пашне». Иркутский областной художественный музей

столько в трудностях — разрабатывать землю из-под леса дело нешуточное, по воспоминаниям крестьян, выполнить такую работу без Божьей помощи невозможно: «Место неровное, где ино горы, ино где ров бысть, лес прилежащее велик. Все же сие с помощью Богородицы изравнивали»⁶. Это позднее, когда у крестьян была уже пашня, раскорчевку новых земель выполняли не спеша, за несколько лет, тем самым облегчая себе задачу. И все же не физические трудности обуславливали отсутствие у холостых мужчин своей пашни. Без семьи человек не был устойчив и ощущал себя на этой земле временным, а временщики, какое бы положение они ни занимали в обществе, не могут быть созидателями. Из женатых мужчин своей пашни не имели не более десяти человек «за скудностью и безлошадностью»⁷.

Развитие пашенного дела зависело также от срока заселения нового места и от рода занятий переселенцев до переезда в Сибирь. Большое количество необустроенных крестьян в Уриковской слободе, видимо, было обусловлено сроком проживания на поселении. Многие из них на момент переписи прожили здесь не более года. К тому же в конце XVII в. правительственная помощь переселен-

⁶ Шапов А.П. Сочинения: в 3 т. СПб., 1860. Т. 1. С. 56.

⁷ РГАДА. Ф. 214. Д. 941.

ным по государеву указу значительно уменьшилась, и обустройство людей на новом месте стало еще больше зависеть от их деловых качеств: выносливости, трудолюбия, смекалки.

Население д. Разводной состояло из отставных солдат, которые до призыва в армию, возможно, и были крестьянами, но за время службы отвыкли от крестьянского труда, требовавшего от человека сосредоточения всех физических и духовных сил. Потому так и велик здесь процент хозяев, не обрабатывавших для себя землю. Поселенные на крупной рыбной реке Ангаре, в таежных просторах, они, надо полагать, нашли для себя более легкий способ обеспечивать себя и своих близких всем необходимым.

Само восприятие нового края у первопоселенцев было неоднозначным. Промышленные люди (гулящие), уже давно покинувшие родные края, как правило, несколько лет перемещавшиеся по Сибири в поисках хорошей добычи пушного зверя и решившие наконец осесть на жительство постоянно, за время проживания в Сибири изучили ее климат, природу, были более сориентированы в обстановке, по крайней мере, знали, что ожидает их на новом месте. Видимо, поэтому в деревнях и на заимках, основанных северянами, экономическое положение их было более устойчивое. Практически каждая такая крестьянская семья обрабатывала от 3 до 5 десятин земли. Совсем другие чувства, на наш взгляд, должны были испытывать первоначально к новой родине крестьяне, сосланные сюда по государеву указу беспричинно, без совершения какого-либо преступления. Такие обиженные крестьяне, тоскуя по родным местам и близким, не воспринимали место поселения новой родиной, пока не привыкли к ней.

Их чувства, как нам видится, отразил А.П. Чехов, совершивший в 1890 г. путешествие в Сибирь и на остров Сахалин. Путевые очерки его с первой страницы начинаются с отрицания Сибири. «Отчего у вас в Сибири так холодно?» — спрашивает он возницу. «Богу так угодно!» — отвечает возница.

«Да, уж май, в России зеленеют леса и заливаются соловьи, на юге уж давно цветут акация и сирень, а здесь, по дороге от Тюмени до Томска, земля бурая, леса голые, на озерах матовый лед, на берегах и оврагах лежит еще снег...»⁸. Сама мысль переселиться в Сибирь на постоянное жительство казалась А.П. Чехову невероятной. О встреченной им группе переселенцев, направлявшейся в

⁸ Чехов А.П. Из Сибири. Иркутск, 1985. С. 5.



Сибирь, он писал: «Я гляжу на них и думаю: порвать навсегда с жизнью, которая кажется ненормальной, пожертвовать для этого родным краем и родным гнездом может только необыкновенный человек, герой»⁹. Так воспринимал Чехов переселение в Сибирь в конце XIX в., в период, когда существовал колесный Московский тракт, а села по нему располагались через 25–30 верст. В них почти во всех были школы, больницы. В селах при нужде можно было получить все необходимое. В XVII в. даже у поселенных на места крестьян, как свидетельствуют источники того времени, спутником жизни первоначально было недоедание, а от голода часто спасал ячмень, самое неприхотливое растение из злаковых, способное расти до Полярного круга. Характеризуя это растение, Вера Андреевна Трофимова, бывшая жительница с. Снегиревка Красноярского края (1915 г. р.), говорила, что ячмень две недели всходит, две недели зеленеет, две недели колосится, две недели созревает, две недели подсыхает. Весь процесс от высева до обмолота зерна занимал 70 дней, что и позволяло крестьянам получать урожай ячменя при сложных погодных условиях. При отсутствии другой муки хлеб пекли из ячменной. Такой хлеб носил название «ярушник», а деревянные чаши (формы), в которых он выпекался, назывались ярушницами. Это единственный хлеб, который выпекался непосредственно в деревянных формах. Иначе бы хлеб, состряпанный из муки, не обладавшей клейковиной, рассыпался. Высев ячменя был особенно важен в первоначальный период освоения этих земель, когда крестьяне, не зная природных и климатических условий, засевали полученные от властей семена ржи и могли, например из-за засухи, остаться без урожая. Вспомним донесения казаков по поводу проведенных опытов по посеву ярицы: «на лето дождей не живет и рожь выдымается ветром» — и их заключение: «земля не годится для хлебопашества». Мы должны отметить, что большинство юго-западных земель Иркутской губернии были схожи по климатическим условиям с землями, давшими отрицательный результат при засеве их казаками. Весенние засухи были характерной особенностью этого края, и крестьянам, чтобы получить урожай, потребовалось время: нужно было приспособиться к новым климатическим условиям.

Задача облегчалась тем, что крестьяне испокон веку, сколько помнил свое прошлое русский человек, были земледельцами. Опыт,

⁹ Чехов А.П. Указ. соч. С. 5.

накопленный предками, неуклонно передавался новому поколению. Поэтому, несмотря на почти повальную неграмотность, крестьяне прекрасно владели народной агрономией, притом считали, что грамота пагубно влияет на крестьянина, портит его. «Грамотей не пахарь» (не работник), «Сохе грамота не на пользу» — свидетельствуют русские народные пословицы и утверждают, что в агротехнике нужно верить не ученому, а своему отцу: «Как отцы и деды наши жили, так и мы должны жить»¹⁰.

Преобладание холмистой местности в Иркутском воеводстве, в котором были поселены первые земледельцы из центральной России, соответствовало их чаяниям. Пологие склоны холмов, по понятиям крестьян, являлись лучшими для организации пашни, на которой можно было получить хороший урожай зерновых. Это народное знание было закреплено поговоркой: «Где гора — там хлеба копна, где лог — там сена стог»¹¹. Но одна земля, пусть и плодородная и удобная для возделывания, может не дать урожая, так как «не земля родит, а небо», т. е. урожай зерновых зависит от природной среды. Сильные морозы в сочетании с малоснежием (покров снега достигал 40 см) являлись большим минусом для развития земледелия в крае, а засушливая, с редкими дождями весна еще более усложняла задачи земледельцев, весь многовековой опыт которых утверждал, что главные условия для получения высокого урожая зерновых культур — «дождь да ненастье» («наше счастье — дождь да ненастье»)¹².

Но здесь, на юго-западных землях Восточной Сибири, крестьяне встретили совершенно другую природную среду. Тонкий слой снега, растаяв, недостаточно напитывал живительной влагой землю. Яркое весеннее солнце еще в пору не отошедших заморозков высушивало освободившуюся от снега землю, делая ее непригодной к засеву. Особенно сильно этому природному явлению подвергались южные склоны холмов. На них земля освобождалась от снега, как правило, к середине апреля. Но надо было и в таких непривычных для крестьян условиях возделывать землю. Для этой цели они были привезены на эти земли, и в этом они видели свое предназначение — «Господь повелел от земли кормиться»¹³ и, действуя

¹⁰ Ермолов А.С. Всенародная агрономия. М., 1996. С. 159, 195.

¹¹ Даль В.И. Пословицы и поговорки русского народа: в 3 т. М., 1993. Т. 3. С. 541.

¹² Ермолов А.С. Указ. соч. С. 292.

¹³ Там же. С. 184.



по другой пословице, которая, видимо, и родилась при подобных обстоятельствах: «На Бога надейся, да сам не плошай»¹⁴, начали вырабатывать здесь новые приемы агротехники, выбрав для полей северные склоны холмов, в более поздний срок освобождавшиеся от снега. При выборе пашни под посев даже в конце XIX в. «соблюдались следующие условия: пшеницу сеяли преимущественно на суглинках, для ржи назначают новые земли, а для гречихи возвышенности, где она реже замерзает, прочие хлеба сеют где случится»¹⁵. Природно-климатические условия обусловили и другую особенность земледелия крестьян трактовой зоны: крестьянское поле состояло из нескольких участков, находившихся в разных местах и удаленных друг от друга значительным расстоянием. От предложения М.В. Загоскина соединить его в единое целое путем обмена участками крестьяне категорически отказались, объяснив ему, что при неблагоприятных климатических условиях (ветер, град, заморозок) какой-то их участок уцелеет и они хотя бы с него снимут урожай¹⁶.

При двупольной системе земледелия, преобладавшей на трактовых землях, крестьянские поля делились на две части: один клин еще в августе засевался озимыми, второй — пускался под пар. Весной клин, запущенный под пар, примерно с 20 мая начинали пахать. Вспашка паров с этого числа была особенно характерна для Бельской, Черемховской, Заларинской волостей Балаганского округа. В остальных местностях пахать пары начинали позднее, с 1 июня. При первой вспашке пара пахали неглубоко, на 6–8 см. Вспаханное поле боронили через 1,5–2 недели, когда на поле прорастал сорняк¹⁷. При бороновании земли сорняк уничтожался. На суглинистых землях боронование вели сразу после вспашки, иначе комья глинистой земли засыхали и разбить их через неделю бороной было уже невозможно. Первая обработка паров заканчивалась повсеместно к Петрову дню (12 июня). Вторая вспашка паров начиналась с нового покрытия поля травой. Глубину пахоты увеличивали

¹⁴ Ермолов А.С. Указ. соч. С. 197.

¹⁵ Загоскин М.В. Одна из сибирских общин, с. Грановщина. Иркутск, 1891. С. 19.

¹⁶ Там же. С. 20.

¹⁷ Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. М., 1890. Т. 2, вып. 2. С. 28.

до 12 см, на суглинистых почвах до 14 см¹⁸. При тонком гумусовом слое земли пахали на его глубину, не задевая неплодородную почву, таким образом избегали ухудшения ее плодородия. Заканчивали вторую обработку пара к середине июля или 2 августа, к Ильину дню¹⁹. Третью вспашку пара крестьяне вели на полях, на которых был сильно распространен осот. Это в основном волости Иркутского округа, исключая Смоленскую, и четыре волости Балаганского округа, земли которых частично входили в состав трактовой историко-культурной зоны. После третьей вспашки поле боронили крест-накрест и в таком виде оставляли под снег.

В конце XIX в. вспашка земли велась в основном одноконной сохой, которая состояла из грубо сделанной рассохи, с одной кривой оглоблей и прямым рогалем, из двух сошников: «мужичка» и «женки», весом пара от 13 до 20 фунтов, из деревянного отвала; последний при пахоте очищается от земли деревянной лопаткой. Деревянную часть сохи многие мужики изготавливали сами или заказывали мастеру, тогда стоимость ее определялась в 2,5–3 рубля,



В.И. Тютрин, заимка Тютрино.
Фото Г.В. Афанасьевой-Медведевой

сошники производства местного Бутинского завода стоили от 2,5 до 3,5 рубля²⁰. Цена зависела от веса. Чем тяжелее был сошник, тем дороже он стоил. Пахота была одной из самых тяжелых сельскохозяйственных работ того времени. Соха, не имевшая полоза, шла по пашне неравномерно, тычками, то глубоко зарываясь ральниками в землю, то, наоборот, высккивая из нее. Пахарю постоянно приходилось регулировать ее ход, объезжать крупные пни, оставленные на поле, или, как чаще бывало, поднимать соху и переносить ее за пень. Иногда пахарь, чтобы не отвлекаться на

¹⁸ Материалы... Т. 2, вып. 2. С. 29.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. С. 32.

лошадь, брал в помощники сына (рассказ В.И. Тютрина, 1926 г. р., заимка Тютрино, Аларский район). Отец рассказчика не вступил в колхоз, остался единоличником. Мальчик помогал отцу на пашне с пятилетнего возраста, водил лошадь по борозде, а с шестилетнего — самостоятельно боронил поле после вспашки. Боронил его дважды: вначале вдоль поля, а затем — поперек. Боронование получалось крестообразное. Бороны были деревянные, тяжелые, и малолетние дети не могли переносить их через пни²¹. Бороны переносили взрослые, выполнявшие на поле другие работы. В конце XIX в. широкое распространение для обработки земли получил деревянный плуг — колесуха, прозванный иначе «сабана». Деревянный плуг представлял собой соху на колесах, в которую запрягалась пара лошадей. Вспашка земли на ней могла производиться до 16–18 см. Глубокое вспахивание было необходимо при заражении земли осотом. Сабану употребляли также при разработке нови, залежей. Лошадям легче было тянуть на колесах тяжелый плуг, весивший около пуда. Всеобщему распространению колесухи среди крестьянства препятство-



Соха и борона. Архитектурно-этнографический музей «Тальцы». Фото А.К. Нефедьевой

²¹ При раскорчевке полей крупные пни, которые невозможно было обхватить руками, оставались на полях долгие годы и были убраны с них в 50-х гг. XX в., когда в колхозах стали использовать мощные тракторы, которым было по силам вырвать пни из земли. Крестьяне во время работы на полях с таких пней лучили лучину, заготавливая ее в большом количестве для растопки печей и освещения дома (из рассказа Марии Евдокимовой, д. Тютрино, Аларский район).

вала ее стоимость — 15–20 рублей ²². В начале XX в. при пахоте часть крестьян начала использовать плуг, железные бороны, которые глубоко заделывали зерно в землю, что позволило отказаться от ранее применяемого способа глубокой заделки зерна путем запахивания его сохой. Распространению среди крестьян новых, более совершенных орудий труда способствовала столыпинская реформа. По программе, разработанной правительством, почти во всех волостных селах были устроены склады для хранения сельскохозяйственных орудий: плугов, железных борон, жаток, молотилок, лемехов для сох и т. д. Их завезли для переселенцев. Однако сельскохозяйственные орудия труда мог купить каждый крестьянин, имевший для этого средства.

При использовании старых орудий труда весенние яровые сеяли под соху. На поле разбрасывали семена, а затем его перепаживали. Глубокая заделка семян в землю была средством борьбы с весенней засухой. При засушливой весне особенно следили за состоянием земли, чтобы в нужное время бросить зерно в землю, так как «часом опоздаешь — годом не наверстаешь» ²³.

Время посева определял опытный земледелец. Самый распространенный прием определения готовности земли к севу заключался в следующем: крестьянин брал горсть земли, сжимал ее в кулаке, а затем отпускал. Если при падении комок разбивался на крупинки, то земля считалась готовой для принятия зерна. Некоторые наиболее опытные крестьяне могли определить состояние земли рукой, положенной на землю. «Мерзлая земля скажется, только руку приложи» — свидетельствует русская пословица ²⁴. Использовались и другие способы определения времени сева. Так, по рассказу Н.В. Фетисова (1926 г. р., с. Каменка, Боханский район), председатель колхоза «Труженик» определял срок посева по горе, ее северному склону: как только в ложбинке, находившейся посреди склона, стаивал снег, нужно было сеять. Такие наблюдательные крестьяне, зорко следившие за состоянием природы, как правило, и определяли время начала сева.

Перед посевом крестьяне совершали определенные обряды, которые должны были способствовать получению высокого урожая зерновых. Накануне сева крестьяне топили бани, мылись, и вся се-

²² Материалы... Т. 2, вып. 2. С. 22.

²³ Там же. С. 23.

²⁴ Даль В.И. Пословицы и поговорки. Т. 3. С. 545.



Молебен на поле. Государственный архив Иркутской области

мья вечер посвящала молитве, наутро мужчины надевали чистую одежду. Считалось, что чистота пахаря передастся земле и поле будет чистым, без сорняков²⁵. Утро начиналось с общественного моления. Крестьяне вместе со священником с хоругвью и иконами шли на поле и служили на нем молебен. По окончании его прихожане просили священника совершить почин — начать засев поля, и он, взяв лукошко с подвязанной к нему благовещенской просфорой, крестился на все четыре стороны, кланялся в пояс, разбрасывая зерно на восток, юг, запад. На этом обряд заканчивался, и каждый участник его шел трудиться на свое поле²⁶. Обряд прошения Бога о ниспослании урожая совершали крестьяне ежегодно, и, чтобы Божья благодать сохранялась над полями во все времена, стали ставить на них часовни. В часовнях развешивали иконы, и при надобности — сильная засуха или какое-либо другое природное бедствие — молебны на поле у часовни велись и после сева.

В период экспедиционного обследования тракторной зоны (1992–2006 гг.) часовни на полях уже не стояли. В 30-х гг. XX в., в период борьбы с религией, они все были уничтожены. Но одну такую по-

²⁵ Болонев Ф.Ф. Народный календарь семейских Забайкалья. Новосибирск, 1972. С. 76.

²⁶ Шангина И.И. Русский народ. Будни и праздники: энцикл. СПб., 2003. С. 308–309.

левую часовню мы все же увидели, правда, на картине художника-любителя Василия Ивановича Преловского, отца известного в стране поэта Анатолия Преловского. На рисунке часовня стоит на поле у проселочной дороги. Жена Василия Ивановича, Нина Владимировна, рассказала, что часовня стояла на оекских полях недалеко от села, на проселочной дороге, отходившей от тракта.



В.И. Преловский. «Часовня на оекских полях». Акварель

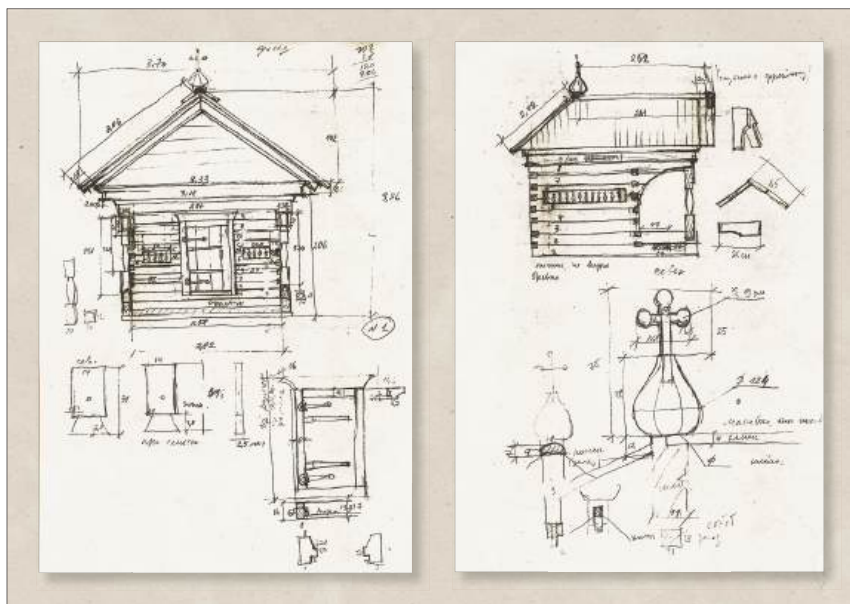
дмировна, рассказала, что часовня стояла на оекских полях недалеко от села, на проселочной дороге, отходившей от тракта.

Старожилы сел Великого Сибирского пути до сих пор помнят, в каких местах стояли полевые часовни. По их рассказам, они ставились на близлежащих к селам полях и были небольшими (рассказчики С.М. Шендренкова, Д.Я. Сафонова, Н.П. Кондарин)²⁷.

В некоторых местах полевую часовню заменял крест, установленный на поле. Один из таких крестов был обнаружен нами в с. Карлук Качугского района. Частично разрушенный, он стоял приклоненный к забору, огоражи-

вающему часовню, которая стала частью крестьянской усадьбы. Крест, несмотря на полуразрушенность, все еще хранил в себе следы былой красоты. Чувствовалось, что мастер делал его с великой любовью. Объяснить нахождение креста рядом с часовней мы не смогли и обратились за разъяснением к жителям села. Из их рассказов стало известно, что крест ранее находился на поле и около него проводились молебны. В 1943 г. крест при пахоте был уронен, и верующие, чтобы он не пропал, унесли его к часовне. Установка крестов, как и часовен, была также широко распространена на полях Иркутской губернии. Часовни и кресты, поставленные на полях, по поверьям крестьян, защищали их поля от разных небла-

²⁷ Личный архив Г.В. Афанасьевой-Медведевой.

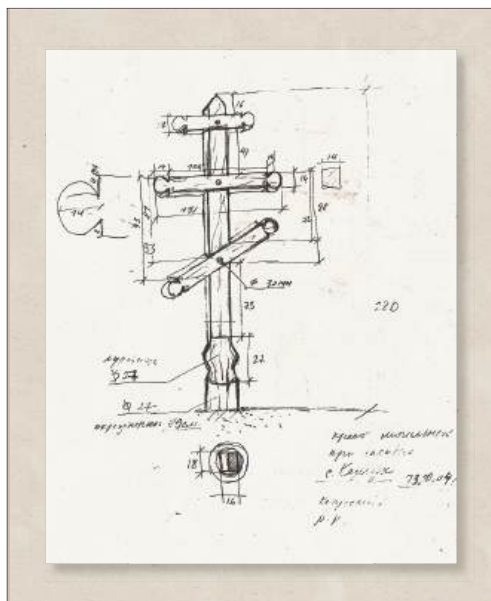


Карлукская часовня. Рисунки О.Ю. Фроловой



Часовня на мальтинских полях. Фото из личного архива Семёна Нефедьева

гоприятных природных явлений: от нашествия насекомых, ранних заморозков, пагубных ветров, засухи и т. д. Глубокое проникновение христианского учения в народную среду привело к замене ши-



Крест. Рисунок О.Ю. Фроловой

роко бытовавших у крестьян еще в середине XIX в. языческих обрядов на христианские. Так, например, в начале XIX в. крестьяне в августе выходили на поля с конопляным маслом и, обращаясь на восток, говорили: «Мать сыра земля! Уйми ты всякую гадину нечистую от приворота и лихого дела», а затем выливали на землю часть принесенного масла. Обращаясь на запад, продолжали: «Мать сыра земля! Поглоти ты нечистую силу в бездны кипучие, в смолу горючую», на север: «Мать сыра земля, уйми ты ветры полуночные со тучами, содержи морозы с метелями» и т. д.²⁸ В конце XIX в.

уже по христианскому обряду крестьяне при засеве поля или желая предупредить неблагоприятное природное явление, выходили на поля и читали в помощь животворящему кресту молитву: «Господи Иисусе Христе, Сын Божий, крестом поразивший древнего змея и узами мрака в тартаре связанной, огради меня от козней его»²⁹. Так постепенно долго сохранявшиеся элементы языческой культуры уступали место христианской. Это явление нашло отражение в народных пословицах, которые утверждали, что «не земля родит, Бог»³⁰. А духовный стих, распеваемый каликами перехожими, свидетельствовал, что вся жизнь на земле зависит от Бога:

От неба медного росы не воздам,
От земли железной плода не дарую,
Поморю вас голодом на земле.

²⁸ Афанасьев А.Н. Поэтическое воззрение крестьян на природу. М., 1996. Т. 1. С. 146.

²⁹ Богомолова Р.Т. Огород во славу Божью. М., 2002. С. 125.

³⁰ Даль В.И. Указ. соч. С. 541.

Кладцы у вас приусохнут,
Источники приускудеют,
Не будет на земле травы,
Ни на дереве скоры... ³¹.

Кроме чтения молитв для спасения урожая и луговых трав у крестьян широко бытовало хождение с иконами. Так, по рассказам жительницы с. Карлук Качугского района М.П. Черкашиной (1918 г. р.), даже при советской власти — время преследования за религиозные верования, когда перед самой войной была сильная засуха, которая грозила полностью уничтожить урожай зерновых, верующие пожилые женщины объединились, взяли икону Божьей Матери и небольшой процессией с молитвою пошли по улице Карлука, к полевому кресту. На поле работали на тракторах три парня-комсомольца, которые осмеяли икону Божьей Матери и процессию. Как только женщины помолились, загредел гром и пошел дождь. В эту внезапно разразившуюся грозу один из парней, более других насмехавшийся над иконой Божьей Матери, был убит молнией.

На тракторных землях посев яровых производился обычно с 23 апреля по 5 мая. За ярицей (рожью) высевали с последних чисел апреля по 15 мая овес, а затем с 3 по 20 мая начинали посев пшеницы и вели посадку картофеля. Около середины мая высевали ячмень, 20 мая сеяли просо и гречиху (время дано по старому стилю). Дата посева варьировалась в зависимости от погодных условий. Ранняя весна — ранний сев, поздняя весна — поздний сев. Озимую рожь высевали в последних числах июля и могли вести сев до середины



М.П. Черкашина. Фото М.Г. Степанова

³¹ Свиток Ерусалимский // Духовные стихи. М., 1991. С. 178.

августа³². Таким образом, время сева основных сельскохозяйственных культур, завезенных в Сибирь с севера России, совпадало со временем сева в местах, откуда зерно было завезено, кроме некоторых культур, в частности овса и пшеницы. «Дедовский российский закон “сей овес в грязь — будешь князь”, — писал В.Е. Писарев, — не сработал. Оказалось, что ранние посевы овса погибали здесь от вирусного заболевания — “закукливания”»³³. Еще труднее далась русскому крестьянину разработка технологии возделывания яровой пшеницы. Тот же В.Е. Писарев, занимавшийся изучением истории развития земледелия в крае, отмечал: «Оказалось, получить урожай яровой пшеницы — дело сложное... Пшеница как культура требовательная к плодородию почвы не мирилась с обычной агротехникой овса или ячменя. Путем долгих опытов (длившихся почти полтора столетия) наконец был найден для получения высоких урожаев пшеницы прием посева ее на полторалетних парах. Этот прием утвердился по всей Восточной Сибири»³⁴. Так на новой земле, в иных климатических условиях русские крестьяне овладевали особенностями сибирской агротехники.

Интересен и другой факт, связанный с пшеницей. Семена ее были завезены русскими (имена их для истории не сохранились) с севера Монголии из долины р. Селенги, где проживало много китайцев, занимавшихся земледелием. Они в свое время вывезли ее из Китая и за многие столетия вывели в Монголии новый сорт. Он обладал скороспелостью, малой требовательностью к теплу и, как следствие этих двух факторов, мелкозернистостью. Российская яровая пшеница из-за длительного вегетационного периода и требовательности к теплу в Восточной Сибири не вызревала.

Опыт крестьян-старожилов, накопленный ими за столетия выращивания урожаев в зоне повышенного риска, при неустойчивых погодных условиях, пополнился опытом переселенцев, прибывших сюда по столыпинской реформе в начале XX в. Новые переселенцы смело и находчиво решали возникавшие перед ними проблемы. По рассказу жительницы с. Бурук Куйтунского района Н.Е. Примаченко, родители которой переселились в Сибирь по столыпинской реформе из Украины, земли им были отведены залежные, только что оставленные крестьянам-старожилами на восстановление. Пересе-

³² Материалы... Т. 2, вып. 2.

³³ Писарев В.Е. Указ. соч. С. 203.

³⁴ Там же.



ленцы обрадовались: не надо разрабатывать новь, распахали поля, засеяли их, а через неделю обнаружили, что поле сплошь покрыто сорняками. Они росли так густо, что земли не было видно, а это значило, что всходов не будет, сорняки заглушат высеянный овес. «Мужики, — рассказывала Надежда Ефимовна, — ходили темнее тучи. Пробовали вручную полоть, но бесполезно, с сорняком было справиться невозможно. Отец мой решил, запряг рыжуху в соху и выехал на сорное поле. Чтобы не потревожить еще не проросшее зерно, пахал неглубоко — на пять сантиметров и спас поле, сорняк отступил». Вслед за ним остальные мужики так же пропололи поля сохами. Но не все начинания переселенцев вели к успеху. Прибыли черниговцы на трактовые земли поздним летом 1908 г. Многие, не успев построить на зиму дом, сделали жилище из плетня, обмазав его с обеих сторон глиной. На следующий год, весной, жаркое солнце растопило снега. Температура воздуха прогрелась до 20 °С, казалось, тепло установилось. Обрадованные сельчане в третьей декаде апреля посадили картошку. Но недолго дружные всходы ее радовали крестьян. Наступило похолодание, и сильный заморозок погубил растения. Пришлось переселенцам в старожильческих деревнях выпрашивать картофель на семена и заново засаживать погубленное морозом поле. Позже переселенцы стали более внимательно относиться к сельскохозяйственному опыту, накопленному старожилками.

После засева полей новое страдное время наступало для крестьян в пору уборки урожая. Убрать зерновые нужно было в краткие сроки. Вызвано это было возможностью осыпания перезревшего колоса на землю либо попадания уже сжатых колосьев под дождь. Тогда «зерно могло цвет потерять или того хуже — прорасти»³⁵. Уборка зерновых в августе начиналась с озимой ржи. В это время на трактовых землях, как правило, погода портилась — ясные дни сменялись дождливыми, поэтому для крестьян важно было как можно быстрее убрать хлеб в гумно. При попадании снопов под дождь их сушили на поле, ставя снопы «на попа» комлем на землю. В таком положении колосья хорошо продувались ветром. Работа на полях велась с рассвета до сумерек. Срочность полевых работ была так велика, что и «лежак (лентяй) становился дельником», утверждает русская пословица³⁶.

³⁵ Ермолов А.С. Указ. соч. С. 382.

³⁶ Там же. С. 282.



Жатва. Иркутский областной краеведческий музей

Крестьяне приступали к уборке хлеба, не дожидаясь его полной спелости. Уборка хлеба начиналась тогда, когда зерно в цвете отошло от прозелени. Полной спелости зерно достигало уже в скошенном состоянии в снопах³⁷. Степень спелости зерна, при которой можно было вести жатву, определяли опытные крестьяне, чтобы не получилось, что «молодо — не созрело, старо — переспело»³⁸. Вовремя не убранная пшеница или другие злаковые при сильном ветре могли осыпаться, как это случилось в 1887 г. в с. Грановщина, когда от осыпавшегося зерна не видно было земли³⁹.

В жатвенную страдную пору, в отличие от других сельскохозяйственных сезонов, главными работниками были женщины. Именно они должны были сжать серпом зерновые культуры: рожь, пшеницу, ячмень. Овес косили мужики косами. Перед посевом серп готовили, тщательно оттачивая, чтобы легче резал. «Не обережешь вовремя кривого серпа, не пожнешь в поле и снопа»⁴⁰. О женщинах как о главных работницах жатвы основательно заботились, подкрепляя их силы усиленным питанием. Данные обстоятельства

³⁷ Информатор Н.З. Зеленд, 1941 г. р., с. Пихтинск, Заларинский район.

³⁸ Ермолов А.С. Указ. соч. С. 383.

³⁹ Загоскин М.В. Указ. соч. С. 20.

⁴⁰ Ермолов А.С. Указ. соч. С. 383.



также были отмечены русской пословицей: «Жни, баба, пшеницу, жди пирога». Женщинам в период жатвы оказывалось особое почтение, которое отсутствовало в повседневной жизни, что также нашло отражение в пословице: «Как начнут рожь жать, тогда и баб людьми звать»⁴¹. Жатвенная работа считалась самой тяжелой из всех крестьянских страд. Работу внаклон усложняла жара, которой сопровождалось это время года, тем не менее «хоть пот льет, а жнец свое берет». Как правило, завершалась жатва обрядом «уру», иначе — завиванием бороды. Из рассказов жительниц ангарских деревень: «Оне всегда *уру́* завязывали. Здесь все *анга́рки*, оне-то уж знают, все *уру́* завязывали. Вот *кода* оне *отжину́лись*, старики-то, *под их* же *глазом-то* всё было, дак смотрели, не дай Бог не оставишь на углах зерно. Оставишь их, *сго́рстаишь*, ну, *сколь* хватат в руке, и завяжешь её узелком, вершинку-то, и снопик маленький на верхушку. Так её расширишь и поставишь. *Боро́дку* <...>. Снопик делаешь <...> шапкой на верх. Ну, как человек <...> Это называли *уру́*. Конец жнитве. Радость такая! И вот такие вот *уру́* завязывали три. На трех углах завязали, и пошё-о-о-ол кувыркатся, чтоб спина не болела»⁴². Просили у нивки вернуть силу».

После завершения жатвы снопы на гумно перевозили на двухколесной телеге одре. Перед обмолотом зерно сушили в специально построенных для этого на гумнах овинах. Внешне овин (по рассказу М.Г. Строкатого, 1916 г. р., с. Новая Када, Куйтунский район) был похож на амбар. Представлял собой клеть, рубленную в «обло», размерами 4 х 4 м, высотой 3 м. Пол из плах имел по бокам сплошные, в длину стены, щели шириной примерно 10 см. Они представлялись для выхода дыма из подполья, в котором устраивалась топка. Высота подполья по центру равнялась примерно 2,5 м. Пол подполья был устроен неровно, образуя в центре яму, выполнявшую роль печи. В нее закладывали дрова и поджигали их. Дым через щели поступал в амбар, в котором по периметру пазух устанавливались снопы колосом вниз. Дым, с трудом пробиваясь через снопы, сушил зерно. Дрова для топки заносились через устроенную в подполье дверь. Для подачи снопов в овине в одной из стен прорубалось квадратное отверстие размерами менее метра. Другой особенностью овина было отсутствие потолка. Стропильная крыша его делалась из часто установленных жердей так, чтобы солома, которой овин покрывался тонким слоем, не могла просесть даже в

⁴¹ Ермолов А.С. Указ. соч. С. 383.

⁴² Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири. Иркутск, 2007. Т. 1. С. 343.

дожди. После образования коллективных хозяйств овины первыми вышли из крестьянского обихода и, в отличие от других построек, в старинных усадьбах давно не встречаются. Лишь однажды нам довелось увидеть такое строение, переделанное в стайку, в бурят-



М.Г. Строкатый, село Новая Када. Фото
А.К. Нефедьевой

ской усадьбе Хамалхановой, улус Сутый Качугского района. О былом его назначении свидетельствовали только заделанное отверстие для подачи снопов и узкий продух, прорубленный на уровне пола для выметания выпавшего из колосьев при сушке зерна. Отверстие было также заделано деревянным врубышем. На овине отсутствовала крыша. Ее заменяла насыпанная на лиственничную кору земля. Внутри бывшего овина сохранились врубки для крепления

жердей, поддерживавших снопы. Кроме овинов для сушки зерна употреблялись риги, принадлежность богатых крестьян, и шиши — признак крестьянской бедности. Шиши представляли собой конусообразный остов из часто поставленных жердей. В центре образованного ими круга разжигали костер, малый огонь и дым которого сушили снопы, уложенные на жерди. Малейшая неосторожность приводила к пожару, поэтому шиши крестьяне использовали редко, в крайних случаях (информатор Е.И. Баклушина, 1906 г. р., с. Новая Када, Куйтунский район). Обмолот зерна вели зимой. На току заливали водой ровное место — ладонь и начинали молотьбу снопов цепями. В конце XIX — начале XX в. при обмолоте зерна наряду с цепями стали использовать механические молотилки.

Помол зерна велся постепенно и продолжался всю зиму. Хозяева мельниц с односельчан брали за помол мешка 10–15 копеек, с жителей других деревень 15–30 копеек ⁴³.

Агротехника возделывания полей и посевов не была застывшей и чутко реагировала на изменения социально-экономических условий. В XVII в., с начала освоения сельскохозяйственных земель, в трактовой историко-культурной зоне существовала переложно-залежная система земледелия с постоянным введением в

⁴³ Загоскин М.В. Указ. соч. С. 21.

оборот новых земель путем освобождения их из-под леса и кустарника. Выбрав новый участок земли под пашню, крестьяне на каждом стволе дерева снимали кольцом кору. Питание верхней части деревьев прекращалось, они засыхали и падали, со временем сгнивали и корни. После этого начиналась расчистка земли под пашню. Снятие коры с дерева в народе называлось «чертить дерево», а новые пашни — «чертежами»⁴⁴. Разработанное новое поле эксплуатировали 10–15 лет, и с истощением плодородия его пускали в залежь на 10–20 лет для естественного восстановления. Засевались вновь разработанные участки. После их истощения возвращались к разработке залежи. По воспоминаниям крестьян, чтобы залежи не заросли лесом, на них пасли скот или организовывали сенокосы (информатор М.П. Черкашина, с. Карлук, Качугский район).



Е.И. Баклушина, село Новая Када.
Фото А.К. Нефедьевой

Использование переложно-залежной системы земледелия было выгодным для крестьян в период большого количества свободных земель близ тракта и селений. Залежь была для крестьян основным способом борьбы с сорняками, которые к концу эксплуатации поля изобиловали на нем, увеличивала объем сенокосных угодий. Земля за счет длительного отдыха меньше изнашивалась, восстанавливая первобытную почвенную структуру. При такой системе земледелия регулировался рост трактовых сел. Часть избыточного населения отпочковывалась на новые земли, образуя на них поселения. Переложно-залежная система земледелия преобладала на трактовых землях до середины XIX в. и окончательно была вытеснена из крестьянской жизни в 30-х гг. XX в. в связи с переходом земли в собственность колхозов и совхозов.

Окружающие условия жизни, а также уменьшение свободных земель рядом с селами потребовали от населения использования более легких и быстрых по времени приемов возобновления пло-

⁴⁴ Писарев В.Е. Указ. соч. С. 52.



Остатки мельницы, село Буря. Фото А.К. Нефедьевой

дородия почвы — через пар. В результате, например, к 1858 г. в трех округах трактовой зоны — Иркутском, Балаганском, Нижнеудинском, примыкавших к Московскому тракту, основной формой использования земли стало двуполье. В этом году в среднем под паром находилось около 50 % всей пахотной земли ⁴⁵. Таким образом, главенствующей системой земледелия здесь стало двуполье, при котором поле делилось на два участка: один отводился под пар, другой засевался.

В конце XIX – начале XX в. в густонаселенных округах — Иркутском, Балаганском, частично Нижнеудинском — двупольная система земледелия стала заменяться трехпольной. Количество занятой под парами земли к 1911 г. резко сократилось. Об этом свидетельствует таблица, составленная В.Е. Писаревым ⁴⁶ (табл. 24).

⁴⁵ Писарев В.Е. Указ. соч. С. 75.

⁴⁶ Там же. С. 107.

Таблица 24

процентов

Название уезда, волости	1868	1911
<i>Балаганский уезд</i>		
Усть-Удинская волость	17	1,6
Новоудинская волость	18	3,1
Евсеевская волость	4,8	1,6
Заларинская волость	11,8	1,2
<i>Нижнеудинский уезд</i>		
Куйтунская волость	20	5
Тулуновская волость	24	3,5

При трехполье земля отпускалась под пар для восстановления плодородия почвы через два посева на третий год. Чтобы урожайность не падала, землю унаваживали. Таким образом, «отличительной чертой сибирского крестьянского хозяйства, в частности и Иркутского, является полное отсутствие какой-либо рутины и



Молотьба хлеба цепями. Государственный архив Иркутской области

шаблона. Местное крестьянство в отношении приемов системы полеводства очень гибко приравнивается к разнообразным комбинациям почвенных, климатических и иных условий»⁴⁷.

Несмотря на необыкновенное упорство, благодаря которому крестьяне смогли добиться успехов в выращивании пшеницы, она до революции все же не стала главенствующей культурой региона, уступая место ржи, овсу, ярице. По статистическим данным 1911 г., в среднем по трактовым округам на 100 десятин пашни посевы культур располагались следующим образом (табл. 25, составлена В.Е. Писаревым⁴⁸):

Таблица 25

процентов

Название округа	Озимая рожь	Овес	Ярица	Пшеница	Ячмень	Просо
Иркутский	24,3	21,7	44,3	5,2	1,4	3,1
Балаганский	24,2	23,8	30,8	13,4	2,7	5,1
Нижнеудинский	40,3	21,9	13,1	13,2	6	4,4

Итак, посевами ржи по трем округам было занято 53,3 %, овса — 22,5 %, пшеницы — 12,5 %, т. е. сельскохозяйственный регион по преобладанию высеваемых культур был ржано-овсяным. Преобладанию ржано-овсяного направления в зерновых культурах и товарному производству их способствовал тракт, по которому почти непрерывно, особенно в зимний период, передвигались потоки грузов из России в Китай и из Китая в Россию. Одного только чая отправлялось из Иркутска 75 тыс. возов⁴⁹. Большое движение по тракту рождало большой спрос на муку, овес и другую сельскохозяйственную продукцию, необходимую для кормления ямщиков и лошадей. Легкому сбыту сельхозпродуктов способствовало также развитие золотодобычи, нужды которой в основном обеспечивались крестьянами трактовой историко-культурной зоны. Высокая потребность в хлебе внутри губернии, наличие большого

⁴⁷ Писарев В.Е. Указ. соч. С. 107.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Астырев Н.М. На таежных прогалинах. М., 1891. С. 260.

количества свободных земель позволили крестьянам обрабатывать в среднем 13,5 десятины пашни, хозяйство крестьян, сеявших на свое потребление, имело от 3 до 5 десятин ⁵⁰.

Легкий сбыт сельхозпродукции заставлял крестьян усиленно работать над агротехникой земледелия. В результате средний сбор урожая с десятины в 1913 г. составил: озимой ржи — 56 пудов, яровой — 56 пудов, пшеницы — 64 пуда, овса — 72 пуда. Сравним урожайность с десятины в пудах в целом по сибирским губерниям по данным таблицы, составленной В.Е. Писаревым ⁵¹ (табл. 26).

Таблица 26

пудов			
Губерния	Озимая рожь	Пшеница	Овес
Уральская	26,0	33,0	38,0
Акмолинская	—	36,5	32,7
Тобольская	44,5	46,7	54,2
Томская	44,0	63,0	77,0
Енисейская	43,0	52,0	70,0
Иркутская	56,0	64,0	72,0

Как видим, Иркутская губерния занимала первое место по урожайности зерновых. При стоимости пуда хлеба 1 рубль 4 копейки доход с десятины здесь составил 51 рубль 58 копеек. Издержки при обработке десятины составили 23 рубля 80 копеек. Таким образом, чистая прибыль с десятины равнялась 27 рублям 78 копейкам ⁵². Высокий урожай зерновых был обеспечен в Иркутской губернии правильно разработанной агротехникой возделывания полей. В ней единственной из указанных губерний применялась тройная вспашка паров.

Так, благодаря большим трудовым усилиям, сметке и находчивости крестьян тракторной зоны Иркутской губернии и в целом всей Сибири, производство хлеба было поднято на высокий уровень.

⁵⁰ Писарев В.Е. Указ. соч. С. 106.

⁵¹ Там же. С. 107.

⁵² Там же.

Губерния снабжала им все бесплодные районы Сибири, поставляя избытки его в центральную Россию и за границу.

Животноводство

Животноводство носило у крестьян трактовой зоны вспомогательный характер. Крестьянин среднего достатка имел в своем хозяйстве от двух до пяти дойных коров, две-три лошади (занимавшиеся извозом — от пяти до девяти лошадей), овец пять–десять, две-три свиньи и домашнюю птицу. Крупный рогатый скот был малопродуктивный. Коровы давали молока две-три крынки в день.

Основной уход за животными требовался зимой, во время стойлового содержания скота. Уход состоял в кормлении, поении животных, уборке стоек от навоза, а также в перевозе сена из стогов, оставленных на лугах до зимы, до установления санной дороги. На период осенней распутицы сено складировалось стожком под навесом или завозилось на поветь с ближайших покосов, к которым вела летняя дорога, или вовсе с утугов — удобряемых лугов, входивших в состав усадьбы.

Работа по уходу за скотом была повседневной. В ней участвовала вся семья: дети чистили стойки, двор, мужчины подвозили корм, женщины доили коров, готовили для них поило, варили корм для свиней, ухаживали за новорожденными телятами, которых содержали либо в доме, пока не окрепнут, либо в специально для них построенном зимовье, отапливаемом печкой. Там содержалась и домашняя птица. В уходе за многочисленными животными «приходилось, — говорили крестьяне, — у скота в работниках жить»⁵³.

Весной, обычно на Егорьев день — 23 апреля по старому стилю, животных выгоняли на пастбища. В этот день ранним утром хозяин с хозяйкой перед выгоном обходили скот во дворе с иконой Георгия Победоносца, читали молитвы, обращенные к Егорию — покровителю животных и зверей, просили его сохранить скотину от болезней, лихого человека и зверя. Выгоняя скот из ворот, постегивали его ветками освященной вербы и приговаривали: «Как верба мягонька, так и моя коровушка будь мягонька, сыта»⁵⁴.

⁵³ Информатор Н.В. Фетисов, 1926 г. р., с. Каменка, Боханский район.

⁵⁴ Афанасьева-Медведева Г.В. Указ. соч. С. 293.



У церкви, куда первоначально сгоняли животных, батюшка вел молебен. «Господу давали благодарность, чтоб берег скотинку, отпуск читали, чтоб от медведя, от волка скотинку стерег — от всего»⁵⁵. В трактовой зоне стадо паслось без пастуха. Выгоны огораживали поскотиной, которая могла тянуться до 40 км. Поскотину устраивали всем миром. Огораживали ее жердями и кольями, вбитыми в землю и стянутыми меж собой черемуховыми или березовыми ветками. Ветку огибали вокруг кольев восьмеркой. Перекрещивание ветки приходилось между кольями. На него и укладывали жерди. Материалы для устройства поскотины брали на месте. В лесостепной трактовой зоне открытые безлесные места чередовались с перелесками и лесами.

В период эксплуатации каждой весной поскотину чинили: заменяли сгнившие колья, развязавшиеся ветки, поломанные жерди и т. д. Ремонт изгороди могли вести уже несколько мужиков. Работы велись по очереди. Поскотины устраивали в разных местах. Выгоны в них делились по видам скота. Близко расположенные к селам и деревням выгоны, примерно в радиусе 5–10 км, использовали для пастьбы дойных коров. Такая поскотина, огибая селение, имела два выхода: полевой устраивался из жердей, легко снимаемых со столбов, и становой (столбовой) с воротами и калиткой. Через них выгоняли и впускали в селение скот. Ко времени дойки коровы сами подходили к становым воротам, ожидая хозяек⁵⁶. Выпасы рядом с селениями, особенно в крупных селах, были с неважным травостоем, «скот пробивался кое-как около рек, в кочковатых ложбинах» и стремился попасть «в сенокосы или в огороды»⁵⁷. Скот пасся на таких выгонах до первого Спаса, и только после завершения сенокосной поры и уборки урожая с полей животных выгоняли на эти освободившиеся территории. Молодняк крупного рогатого скота и лошади паслись на отдаленных пастбищах. На лошадях делали метки — тавры. Пастухом у лошадей был жеребец. Для молодняка часто в поскотинах устраивали навесы, чтобы животные могли укрыться под ними от полдневной жары⁵⁸. Бичом для животных, находящихся на пастбище, были мошка, оводы, комары. Особо сильно они начинали свирепствовать с Акулины-заедалы (святая, более известная в народе как Акулина-гречишница (празднование

⁵⁵ Афанасьева-Медведева Г.В. Указ. соч. С. 257.

⁵⁶ Информатор Н.В. Фетисов.

⁵⁷ Загоскин М.В. Одна из сибирских общин. Иркутск, 1891. С. 35.

⁵⁸ Информатор Н.В. Фетисов.



Пастбище. Фото Ю.П. Лыхина

ее дня приходилось на 13 июня, с этого дня начинали сеять гречиху). В день Акулины проводили с иконой Божьей Матери молебен. «Комарох же, *мошкí* много было! *От мошкí* же и *моле́бствовали*. Дак скот-то *токо* в воде стоял. Коровы и молоко-то *не спускали* путём»⁵⁹. Молились, чтобы гнус не заедал.

Для пастьбы овец нанимали пастуха, который уходил с ними на выпас на все лето. Пастухам платили по-разному: со скотины, с души, со двора.

Страдным временем, связанным с животноводством, был сенокос. Начинаясь он после Петрова дня — с 12 июля и длился около месяца до начала жатвы. Сенокосные угодья, как правило, были удалены от селений. Поэтому заезжали на них на весь сезон с семьями. Если сенокосы были общинными, то их крестьяне распределяли между собой по жребию. При наделе сенокосными участками мужики следили, чтобы качество трав у всех было одинаковым. Если кому-то участок выпадал похуже, то это компенсировалось увеличением надела. Передел сенокосов во многих волостях вели ежегодно, в некоторых волостях, например в Новой Уде, через три года. Если хозяин дополнительно силами своей семьи очистил участок под сенокос от леса, то он становился его собственностью.

⁵⁹ Афанасьева-Медведева Г.В. Указ. соч. С. 253.



Семья Швецовых на сенокосе. Старинный способ уборки сена, село Карнаухо. Фото А.К. Нефедьевой



Сенокосные работы, село Карнаухо. Фото А.А. Чертилова

В Качугском районе распределенные участки назывались «рукавичками»⁶⁰.

Каждая семья в местах сенокоса устраивала временные жилища: балаганы, шалаши. Экспедиционные опросы населения выяви-



Иннокентий Швецов. Фото А.А. Чертилова

ли, что балаганами назывались жилища двух типов. Балаганы первого типа имели коническую форму, схожую с формой эвенкийского чума. Жерди, поставленные в круг, сверху связывались, покрывались корьем ели, сосны, лиственницы, иногда сеном⁶¹. Балаганы второго типа представляли собой небольшой сруб, сложенный из тонких берез, почти из жердей, с примитивной кровлей на два ската⁶². На покос ехали как на праздник: пели песни, частушки.

Я последню страдоньку
Работаю на маменьку,
А последний сенокос
Еду с братом на покос.

Девчонки «надеют бѣлы, красны платки, фартуки чѣрны, обощьют их красиво, фартуки-то, с карманами; кто курит, дак *табакерки* (...) сюда кладут, табак (...) А кто не курит — *оселки*»⁶³. Косили мужики траву литовками, которые берегли «как свет солнца»⁶⁴. Литовки заменили косы-горбуши с короткой ручкой, которыми косили траву на обе стороны: то справа, то слева. Женщины сушили траву, перевортывая ряды граблями. Затем просушенную траву собирали граблями в копны. Копны возили на волокушах к

⁶⁰ Информатор М.П. Черкашина, 1918 г. р., с. Карлук, Качугский район.

⁶¹ Информатор Н.В. Фетисов.

⁶² Информатор И.З. Зеленд, 1941 г. р., с. Пихтинск, Заларинский район.

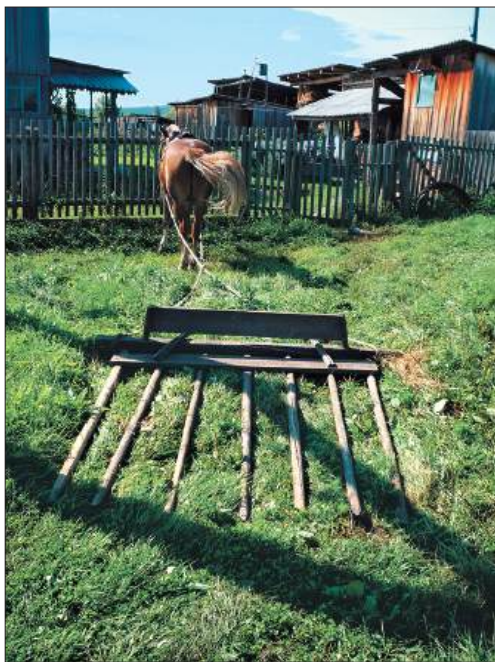
⁶³ Афанасьева-Медведева Г.В. Указ. соч. С. 375.

⁶⁴ Информатор Н.В. Фетисов.

месту зарода. Волокуши изготовлялись на покосе из двух тонких деревьев, срубленных с ветками, которые крепились к гужам. На ветки накладывали сено и везли к зароду. Второй вид волокуш устраивался следующим образом: к поперечине — короткой жерди — крепились тонкие деревца, на эту же жердь надевались оглобли. Такие волокуши назывались волокуши-метелки. На ровных лугах копну обвязывали веревкой, концы веревки привязывали к гужам, и лошадь волочила копну до зарода. Сложенный зарод обносили изгородью из жердей. На этом сенокосные работы завершались.

Извоз

После земледелия важным промыслом для крестьян трактовых земель был извоз. Официально запущенный в 1760-х гг. Большой Сибирский тракт прочно соединил центр России с Сибирью и Дальним Востоком. На нем возникли и развились к концу XIX в. крупные города — центры торговли и промышленности: Тюмень, Ялуторовск, Ишим, Тюкалинск, Томск, Ачинск, Красноярск, Иркутск, Верхнеудинск. От Верхнеудинска тракт разделялся на два пути: один шел на Кяхту — центр русской торговли с Китаем, другой — на Сретенск и далее по рекам Шилке и Амуру до Благовещенска, а затем вновь гужевой дорогой до Хабаровска и Николаевска-на-Амуре. До завершения строительства Великого Сибирского железнодорожного пути по колесному тракту уже в XVIII в. было организовано регулярное почтовое сообщение. По всей дороге были устроены через 25–30 верст почтовые станции, представлявшие собой усадьбу, огороженную заплотом. В усадьбе находились станционный дом, амбар, навесы, ямщицкая изба. Уже в XIX в. ямские станции строились по проекту, разработанному на основе государственного устава о почтах. Построенное по про-



Волокуша. Фото А.А. Чертилова

екту здание представляло собой особняк крупных размеров под вальмовой крышей с сенями и крыльцом, устроенным по центру и крытым на два ската. Сени делили здание на две половины. Одна из них служила гостиницей для отдыха и проживания проезжающих, другая была жильем для служителя почты. В этом помещении выделялась отдельная комната-кладовка для хранения почты.

Станционный дом был центром усадьбы и длинной стороной выходил на улицу. Он же делил усадьбу на чистый и хозяйственный дворы. В чистом дворе стояли амбары, навес для хозяйственных нужд, ямщицкая, в хозяйственном был навес для лошадей. Кроме казенных станций по тракту можно было встретить ямские станции, построенные частными лицами, оформившими с почтовым ведомством подряд на обслуживание и доставку почты.

Такую бывшую частную станцию нам удалось увидеть в с. Введенщина Шелеховского района, принадлежала она крестьянину Шульгину и представляла собой дом-пятистенник, крытый полувальмовой крышей, длинной стороной выходивший на улицу. Со двора в дом вели два входа. Набор хозяйственных построек соответствовал казенной почтовой станции. На момент обследования усадьбы в 1998 г. в ней отсутствовали ямщицкая изба и третий двор, в котором обычно находились стойки с поветью и загон для животных, располагавшихся на утуге. По рассказу родственницы Шульгина Клавдии Шульгиной, 1908 г. р., усадьба вместе с утугом занимала около гектара земли

Ямские станции в Сибири, как отмечали все проезжавшие по тракту, оставившие письменные свидетельства, отличались порядком и чистотой. Так, проследовавший в 1862 г. на службу в Восточную Сибирь П.А. Кропоткин писал: «Чистота (на станциях) необыкновенная, полы, которые большей частью покрываются ковриками, чище стола подмосковного крестьянина, постройки прочны, аккуратны, щели везде замазаны <...> Посуда подается всегда чистая, на чистом подносе, самовар блестит»⁶⁵.

Организация работ почтовых станций лежала на почтовых ведомствах. Законом предписывалось перевозить почту отдельно, без пассажиров, в кожаных чемоданах и разбирать ее лишь в городах.

⁶⁵ Кропоткин П.А. Письма из Восточной Сибири. Иркутск, 1983. С. 42.



Почтовая станция, Кругобайкальская дорога. Научная библиотека Иркутского государственного университета

Первоначально, когда станы были только что устроены, перевоз почты осуществлялся по очереди всеми крестьянами, поселенными для этой цели на построенных ямских станах. Позднее, когда селения увеличились в размерах, почту перевозили ямщики по подряду. За перевоз пассажиров крестьяне-ямщики получали в середине XIX в. с проезжих плату по 1,3 копейки за версту с лошади. Таким образом, оплата тройки лошадей обходилась проезжему примерно в 4 копейки за версту⁶⁶. Характеризуя работу сибирской почты, американский сенатор, известный исследователь сибирской ссылки Д. Кеннан писал в 1885 г.: «Императорская русская почта в настоящее время, пожалуй, наиболее разветвленная и самая совершенная в мире по части организации конных сообщений... Вы можете уложить свой чемодан в Нижнем Новгороде, взять в почтовой конторе подорожную и отправиться в Петропавловск на Камчатку, за семь тысяч миль, в полной уверенности, что на всем этом громадном расстоянии к вашим услугам будут лошади, олени или собаки, готовые везти вас днем и ночью». И далее, сравнивая работу российской почты с зарубежной, он отмечал, что «в России нет почтовых карет, экипажи, перевозящие почту, не везут пассажиров и не ходят по расписанию. Поэтому вы не обязаны дожидаться эки-

⁶⁶ Кропоткин П.А. Указ. соч. С. 45.



Подорожная. Государственный архив Иркутской области

пажа, отправляющегося в определенный час, а потом добираться в этом экипаже до места назначения и останавливаться тогда, когда он останавливается, и отправляться тогда, когда он отправляется, невзирая на то, как вы себя чувствуете и удобно ли вам»⁶⁷. В Сибири следование пассажира определялось его желанием.

Другой отличительной чертой российской почты был необыкновенно дешевый и быстрый провоз проезжающих. П.А. Кропоткин в письме, рассказывая друзьям о сибирской почте, писал, что он за 22-верстный перегон заплатил ямщику, везшему его шестеркой лошадей, всего 66 копеек (1,5 копейки за версту с лошади). В результате малой нагрузки на лошадей они прошли все это расстояние за 1,5 часа, т. е. за час преодолевали расстояние в 14 верст⁶⁸. Знаток сибирской народной жизни Н.М. Астырев, характеризуя обслуживание ямщины сибирскими крестьянами, писал: «В Сибири ямщики возят совсем не так, как это делают их далекие собратья по профессии на захолустных почтовых трактах Европейской России: русский ямщик любит ездить ровненькой трусцой, верст по 8 в час, редко более; устанут слабые лошаденки, он едет шагом, а потом опять трусцой, выматывая душу у нетерпеливого седока. Сибирский ямщик имеет крепких коней и делает на них по 11–12 верст, никогда не пуская лошадей шагом, кроме как на крутых и длинных

⁶⁷ Кеннан Д. Сибирь и ссылка. СПб., 1999. Т. 1. С. 157–158.

⁶⁸ Кропоткин П.А. Указ. соч. С. 46.



подъемах, — маленькие же он “берет” одним духом, пуская всю тройку в скачок. Он едет все время крупной рысью и пользуется спусками, чтобы превратить эту рысь в бешеную скачку, лишь бы кони успели за раскатившеюся телегой»⁶⁹. Такое обслуживание пассажиров сложилось в Сибири из-за больших расстояний и зажиточности крестьян, что позволяло им не жалеть лошадей. Хорошо налаженная почтовая служба давала возможность на высоком уровне вести обслуживание пассажиров и без задержки доставлять их и почтовые грузы по назначению. Сибирская ямщина, в сущности, представляла собой один из видов извоза, носивший по сравнению с грузовым извозом более постоянный характер, так как почта работала бесперебойно круглый год. Грузовой же извоз совершался в основном в зимний период, когда устанавливалась зимняя дорога и крестьяне освобождались от своего главного занятия — земледелия.

Продолжавшееся освоение сибирских земель — развитие земледелия, промышленности, внутренней и внешней торговли — вызвало увеличение объема грузовых перевозок, который на конец XIX в. составлял 4–7 млн пудов различных грузов. Поток грузов, казалось, был нескончаемым, особенно в Западной Сибири, где на главный путь выходили побочные тракты. Там путник, следовавший навстречу им, «мог насчитать до 2 000 верениц подвод за день»⁷⁰. В конце XIX в. значительно увеличились грузовые перевозки по Московскому тракту и в Восточной Сибири. Так, в 1888 г., по данным городской управы, через Иркутскую таможенную границу прошло за год более 75 тыс. возов, груженных в основном чаем⁷¹. На воз крестьяне обычно укладывали около 30 пудов груза. Таким образом, объем перевозок по Московскому тракту через Иркутскую губернию определялся примерно в 2 млн пудов различного груза. В перевозке его участвовали 15 тыс. крестьян (общее же количество взрослого мужского населения от 18 до 60 лет по трем округам, примыкающим к тракту: Иркутскому, Балаганскому и Нижнеудинскому, составляло 63 218 человек)⁷². Значительное количество крестьян, занятых извозом, свидетельствует о популярности этого промысла среди них.

⁶⁹ Астырев Н.М. Указ. соч. С. 6.

⁷⁰ Винокуров М.А., Суходолов А.П. Экономика Сибири. 1900–1928 гг. Новосибирск, 1996. С. 214–222.

⁷¹ Материалы... Т. 2, вып. 4. С. 419.

⁷² Там же. С. 403, 479.

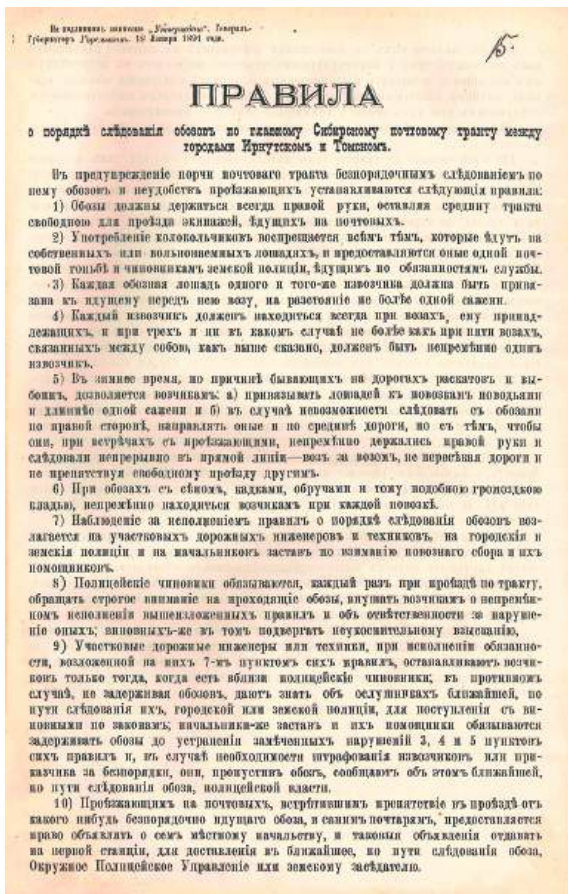
В Иркутской губернии извоз делился на две категории: дальний и ближний. Дальним извозом считался перевоз груза от Иркутска до Томска артелью, доставлявшей его до конечного пункта. Далее Томска иркутские крестьяне груз не возили. Дальним извозом занимались, как правило, зажиточные и многосемейные крестьяне, имевшие в хозяйстве от 9 до 30 лошадей. Н.М. Астырев приводит даже цифру 50 ⁷³. Перевозили груз артелью. Обычно артель состояла из родственников, соседей или крестьян рядом расположенных селений, в которых мужики хорошо знали друг друга. Подряд на дальний извоз ямщики получали через посреднические фирмы, зарегистрированные в Иркутске. Для заключения с подрядчиком договора о доставке груза сформировавшаяся артель отправляла в Иркутск своего представителя, который в дальнейшем, при следовании обоза, руководил обозом, выполняя к тому же роль объездного. Он составлял с подрядчиком договор, который детально оговаривал условия доставки груза и причитающуюся за это оплату. В условия доставки входили сохранность груза, недопущение его порчи, устанавливались сроки доставки, которые были двух видов: срочные и бессрочные. Время доставки до Томска для срочного груза устанавливалось в 24–26 дней, бессрочного — 32–35 дней ⁷⁴. Несоблюдение каких-либо пунктов, указанных в договоре, вело к штрафным санкциям и в результате к уменьшению размера оплаты перевоза. Артель, перевозившая товар на дальнейшее расстояние, была связана круговой порукой. Недосмотр за товаром (порча его, кража), задержка в пути из-за вышедшей из строя лошади или упряжи — за все это ответственность несла вся артель. Поэтому перед тем как обозу тронуться в путь, объездной и ямщики тщательно осматривали возы с товаром, чтобы между местами не было даже малейших щелей и груз, опоясанный веревкой, нельзя было пошевелить. Круговая порука обязывала ямщиков соблюдать интересы друг друга, и если кто-либо из ямщиков нарушал это правило — за счет чужого фуража тайно кормил свою лошадь, пользовался в личных целях перевозимым товаром и т. д., то расправа над ним следовала тут же, его избивали часто до такого состояния, что он навсегда терял здоровье (информатор Г.И. Замаратский, писатель, 1928 г. р., уроженец Нижнеилимского района).

Обоз дальнего следования состоял из связок. В связку входило

⁷³ Астырев Н.М. Указ. соч. С. 142.

⁷⁴ Материалы... Т. 2, вып. 4. С. 408.

пять лошадей, которые принадлежали одному ямщику (с меньшим количеством лошадей извоз был невыгоден)⁷⁵. Главой обоза был объездной, который следил за выполнением ямщиками правил дорожного движения обозов по Главному Сибирскому тракту. Правила предусматривали, чтобы обоз следовал по правой стороне, оставляя середину тракта свободной для проезда экипажей и почты. Если это условие выполнить было невозможно, то обоз мог выехать на середину, но идти строго одной линией, не занимая всей дороги. Поскольку ямщик на связку лошадей был один, по правилам дорожного движения предписывалось лошадям без ямщиков привязывать к впереди идущему возу, на расстоянии не более одной сажени. Обозным ямщикам запрещалось использовать во время движения обоза колокольчики. Это было привилегией только почтовых перевозок. За нарушение правил дорожного движения штраф составлял не более 30 копеек с воза⁷⁶. Однако основной обязанностью объездного было доставить груз по назначению в целостности и сохранности. Поэтому он постоянно объезжал обоз и тем самым не давал уставшим ямщикам заснуть ночью — время нападения разбойников. «Когда все-то не спят да держат себя, так кто там сунется. Это все-таки хитра штука — со всеми-то справиться»⁷⁷. Тем не менее нападения на обозы были нередки. При



Государственный архив Иркутской области

⁷⁵ Материалы... Т. 2, вып. 4. С. 421.

⁷⁶ ГАИО. Ф. 31. Оп. 4. Д. 12. Л. 1.

⁷⁷ Попов Н. Очерки старой ямщины в Прибайкалье // Жизнь Бурятии. 1925. № 5–6. С. 116.

многодневном пути усталость накапливалась и часто брала свое, с отъездом обьездного в другой конец обоза (обоз, состоящий из 50 повозок, занимал около 500 м дороги) сидящие на возах ямщики засыпали. «Тут-то действовали грабители. Выходя из тумана, зацепляли крюком лошадь, на которой не было ямщика, отводили в сторону, и она быстро исчезала в густом тумане»⁷⁸. Но увод лошади с возом был явлением редким. Это незаурядное дело могли выполнить только очень дерзкие и ловкие люди, не дорожившие своей жизнью. Не менее опасным был и другой вид кражи, когда одетый во все белое варнак, вынырнув из кустов или из-под моста, размещался на возу без ямщика и, разрезав веревку, сбрасывал увязку чая в глубокий снег. Таких налетчиков ямщики называли «чаерезами»⁷⁹.

Из приведенных фактов следует, что работа ямщиков была достаточно опасной и трудной. Ежедневно преодолевая расстояние в 45–55 верст, шли они с обозами в любую погоду: в снег, ветер, мороз, торопясь привезти грузы к назначенному сроку. Заботился



Извоз. Научная библиотека Иркутского госуниверситета

⁷⁸ Попов Н. Указ. соч.

⁷⁹ Там же. С. 117.



об ямщиках в дороге все тот же объездной. Он, опытный ямщик, многожды следовавший по этому пути, знал почти все постоянные дворы, знал, каковы их хозяева, хорошо ли кормят ямщиков и сколько стоит фураж для лошадей. Чтобы не терять времени по приезде в село, выбранное для отдыха, объездной заранее при подъезде к нему покидал обоз и решал с хозяевами постоянных дворов необходимые вопросы: о размещении обоза, стоимости сена, овса, питании ямщиков, выбирая подходящий для артели вариант. И когда ямщики наконец добирались до места остановки, хозяин вместе с объездным уже встречали промерзших и уставших возчиков, угощая каждого для согрева и снятия усталости рюмкой водки. К их приезду хозяином было уже подготовлено и взвешено сено для кормления лошадей. Обычно на связку (5 лошадей) требовалось от 1,5 до 2,5 пуда сена. Здесь же у дворника ямщики покупали овес в тех же пропорциях, что и сено, и, если это было утро, уходили на завтрак. К нему подавались старые щи, картофель, капуста и чай. Через 4 часа ямщики обедали — к щам и картофелю добавлялись каша и блины. Через 1,5 часа после завершения обеда ямщики были уже вновь на дороге⁸⁰. На следующих остановках, а было их до Томска всего 44, питание лошадей и ямщиков не менялось.

Доставляя грузы из Иркутска до Томска (1 560 верст), каждый ямщик получал от предпринимателя 253 рубля 50 копеек, или 50 рублей 70 копеек на одну лошадь⁸¹. На эти деньги он должен был кормить во время нахождения в дороге себя и пять своих лошадей, оплатить повозный сбор, который взимался на ремонт тракта, труды объездного, непредвиденные путевые расходы и штрафы, начисленные хозяином за недостатки в перевозе груза. В денежном выражении это обходилось ямщику в 191 рубль 45 копеек. Таблица, заимствованная нами из книги «Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта крестьян Иркутской и Енисейской губерний», дает полное представление о стоимости и видах расходов, падавших на долю одного ямщика, участвовавшего в перевозе грузов (табл. 27).

⁸⁰ Материалы... Т. 2, вып. 4. С. 413.

⁸¹ Там же. С. 416.

Таблица 27 *

1. Уплата различных сборов:	
а) Иркутский сбор в пользу города	40 коп. с воза х на 5 = 2 р.
б) Поддужного сбора на ремонт тракта	2 р. 23 коп. х 5 = 11 р. 15 коп.
Общая сумма	13 р. 15 коп.
2. Плата объездному за труд	17 р. 50 коп.
3. Содержание ямщика 60 коп. х 44 остановки	26 р. 40 коп.
4. Содержание лошадей:	
а) плата за сено (пуд — 30 коп.) 2 п. х 44 = 88 х 30 к. х 5 = 26 р. 40 коп.	
б) Плата за овес при средней стоимости пуда 80 коп., 5 лошадей за 35 суток (время в дороге) потребляли его 110 пудов, что равнялось 88 р.	
Общая сумма для прокорма 5 лошадей составля- ла 114 р. 40 коп.	
5. Непредвиденные путевые расходы	10 р.
6. Штрафы и убытки при перевозе грузов	10 р.
Итого	191 р. 45 коп.

* Материалы... Т. 2, вып. 4. С. 418.

Таким образом, чистый доход ямщика за перевоз груза был равен за связку лошадей 58 рублям 50 копейкам. Он явно не соответствовал трудовым затратам ямщиков на доставку груза. Однако и такая сумма, как свидетельствуют выводы об извозе авторов книги «Материалы...», редко доставалась ямщику: кражи, гибель лошади и многие другие обстоятельства, возникавшие при движении обоза, сводили на нет оплату ямщика. Поэтому, по мнению авторов «Материалов...», «получаемый от занятия извозом доход совпадает с затрачиваемыми на это занятие издержками, т. е. извоз, в смысле капитализации заработка, не дает никакого дохода. Так как извоз дает содержание возчику и его лошадям за время нахождения их в



Ямщики. Государственный архив Иркутской области

пути, именно от 5 до 6 месяцев в течение года, то он является для извозничающей части населения большим подспорьем»⁸². Однако оценка доходности извоза, данная в «Материалах...», кажется нам заниженной. Случаи, когда ямщики при расчете не получали денег или, того хуже, чтобы рассчитаться с хозяином за утраченный товар, вынуждены были продать часть или всех лошадей, были довольно редкими, об этом, в частности, свидетельствовал Н.М. Астырев. Он указывал, что «случается, грабителям удастся выхватить из обоза воз... и тогда от пути останется не барыш, но убыток, и хорошо, если домой ямщик вернется, после расчета с хозяином, со всеми лошадьми, с которыми выехал из двора»⁸³. Другой исследователь ямщины, Н. Попов, писал: «Доставив кладь, (ямщики) шли в контору получить деньги. “Получку” пересчитывали, отделяли себе немного на дорогу, завертывали и прятали. Всяко ухитрялись мужики. Шили карманы у подштанников, под нижние рубахи подшивали <...> Приезжали домой обычно с гостинцами и подарками из города, привозили обновки на платье, конфеты и всего, что нельзя и трудно достать было в старой деревне»⁸⁴. Таким образом,

⁸² Материалы... Т. 2, вып. 4. С. 421.

⁸³ Астырев Н.М. Указ. соч. С. 144.

⁸⁴ Попов Н. Указ. соч. С. 118.

Н. Попов, как и Н.М. Астырев, свидетельствует, что ямщики возвращались домой не только с лошадьми, но и с деньгами.

Отличительной чертой другого вида извоза — ближнего, или бесконного, было то, что ямщики из местных трактовых селений, перевозившие кладь, везли ее на одних и тех же лошадях на расстояние в 200–300 верст, иногда и более. Доставив груз в условленный пункт назначения, они сдавали его в присутствии подрядчика другим ямщикам и, получив расчет, возвращались домой. Далее груз везли вновь нанятые ямщики таким же образом до договоренного места назначения. При бесконной доставке товара подрядчик, заключивший договор с хозяином груза о его перевозе, в течение всего следования до места назначения сопровождал обоз, покидая его лишь при приближении ямщиков к конечному пункту доставки, чтобы к прибытию обоза договориться с новыми возчиками. Ямщики, перевозившие груз на близкое расстояние, старались в меньшей степени, чем занимавшиеся дальним извозом, прибегать к услугам постоялого двора, используя его только как место отдыха. Корм для лошадей и продукты для своего пропитания: рыбу, пельмени, стряпню, хлеб — везли с собой. По рассказу Иннокентия Ивановича Черкашина, перевозившего грузы от Качуга до Иркутска, овес для лошадей каждый ямщик вез на своих санях, а сено для всего обоза везли на отдельном возе. До Иркутска делали в пути шесть остановок и на каждой из них на обратный путь оставляли необходимое количество сена. Уже к середине пути все сено было распределено и возчик возвращался домой. На остальную дорогу сено докупали на постоянных дворах. По воспоминаниям Иннокентия Ивановича, ямщики одевались тепло. На ноги надевали ичиги — легкую охотничью обувь, сшитую из ровдуги (выделанная с двух сторон шкура лося или оленя, дополнительно продыmlенная). Обувь без утепления для зимы не годилась. Поэтому ямщики, готовясь в путь, внутрь ичигов на стельки укладывали толстым слоем болотную траву халдан, надевали толстые носки, связанные из собачьей шерсти, и только затем натягивали мягкие ичиги, а на них — духты (обувь, сшитая из собачьей шкуры, в виде котов без голенищ). В такой обуви в любой мороз ноги не чувствовали холода, а ходить в ней, в отличие от валенок, было легко и удобно ⁸⁵.

⁸⁵ Информатор И.И. Черкашин, 1927 г. р., с. Карлук, Качугский район.

В ближнем извозе за сохранность груза отвечал каждый ямщик, круговая порука отсутствовала. За короткий срок движения с грузом ямщики не выматывались, зорко следили за местностью и не давали, таким образом, возможности варнакам нападать на обозы. Основным оружием для защиты от разбойников у ямщиков был кистень. «Это... оружие состоит из крепкой палки, аршина в полтора длиною, к одному концу которой прикреплена железная цепь вершков восьми, оканчивающаяся же железной фунтовой гирей. Удар, нанесенный с размаха подобным кистенем, бывает ужасен. Им можно сразу пробить череп или изувечить грудь, перешибить руку. Ямщики доверяются кистеню больше, чем топору и револьверу, и потому в передке каждого воза (в котором едет возчик) всегда стоит наготове кистень»⁸⁶. Несмотря на то что подрядчик за ближний извоз платил ямщикам меньше, чем за дальний, заработок получался одинаковым за счет экономии расходов в пути и более высокой сохранности грузов: в ближнем извозе кражи были крайне редкими⁸⁷.

К ближнему извозу, видимо, можно отнести также местный извоз. Он не выходил, как правило, за рамки доставки грузов за пределы Иркутской губернии и совершался по трактам местного значения: Тункинскому, Якутскому и Шелашниковскому. Причем Тункинский тракт был наибо-



Кистень. Архитектурно-этнографический музей «Тальцы». Фото А.К. Нефедьевой

более ранним и использовался русскими уже в конце XVII в., с установления в 1676 г. Тункинского острога. Дорога использовалась для проезда дипломатических делегаций и торговли с Монголией. Устройство дороги шло по мере заселения Тункинской долины русскими. Тракт от Иркутска шел вверх по р. Иркуту и выходил на р. Каю, в 4 верстах от Иркутска. На ней стояла д. Мельникова в семь крестьянских дворов, имелась мельница иркутского дворянина Петра Медведева. Дорога проходила мимо них и шла по левой стороне Иркуты до д. Смоленской, состоявшей из 12 дворов (находилась в

⁸⁶ Астырев Н.М. Указ. соч. С. 142.

⁸⁷ Материалы... Т. 2, вып. 4. С. 421.

6 верстах от д. Мельникова), далее выходила на заимку Портягина, расположенную в 4 верстах от заимки Смоленской, миновала Баклашинскую заимку из восьми дворов Иркутского Вознесенского



Дорога через горный перевал Восточного Саяна. Фото Н.И. Гошкин

монастыря и переходила на правую сторону Иркута на крупную заимку Вознесенского монастыря, состоявшую из 26 дворов, которая располагалась в 10 верстах от Баклашей.

Дорога продолжала идти по правой стороне Иркута, минуя д. Гнилая Курья (один двор, расстояние 9 верст от монастырской заимки). За Гнилой Курьей от Шаманского камня природа резко менялась: луга, по которым проходила дорога, уступили место хребтам, тянувшимся по обеим сторонам Иркута. Далее дорога вновь выходила на левый берег Иркута мимо р. Шумихи, названной так из-за «великого шума». Шум происходит от крупных камней, лежащих в устье речки, и через 4,5 версты доходила до р. Култушной.

Продолжалась дорога по левому

берегу Иркута до рек Зазар (19 верст), Бухурлика, от которого отворачивала от Иркута, затем вновь возвращалась к нему и шла по пади 24 версты. Далее дорога 4,5 версты шла по хребту, затем спускалась к Иркуту. В этом месте через Иркут переправлялись и кормили лошадей. Отсюда начиналась Торская степь, продолжавшаяся до Тункинского острога. Далее дорога шла через Нилову пустынь, переваливала через горы Восточного Саяна и спускалась уже в Монголию⁸⁸. В первоначальный период освоения русскими Тункинской долины из-за постоянных нападений монгольских отрядов в помощь острогу в этой местности были поставлены казачьи караулы, давшие затем жизнь селениям, «это Туранский,

⁸⁸ РГАДА. Ф. 199. Ед. хр. 571. Ч. 1. Д. 21.

Мондинский, Окинский, Шимкинский, Зактуйский, Ахаликский, Еловский, Гужирский, Тибельтинский караулы... Великий Мунгальский путь (стал безопасным)... Ехали по этой дороге купцы с товарами, дипломаты, военные и гражданские люди»⁸⁹.

В конце XIX в. Тункинский тракт оставался главным трактом России в торговле с Монголией. В начале 1870-х гг., в связи с открытием свободного проезда через границу рядом с Мондинским караулом, торговля с Монголией оживилась, достигнув оборота в 500 тыс. рублей⁹⁰. В летний период Тункинский тракт становился скотопрогонным. Вереницей следовали по нему гурты крупного рогатого скота и овец, и количество их к концу XIX в. все увеличивалось. Казалось, еще совсем недавно, в 1872 г., по нему прошел первый гурт скота, закупленный в Минусинске. Первооткрывателем скотопрогонной дороги из Минусинска через Монголию в Тунку был ми-



Священное место на дороге через горный перевал Восточного Саяна. Фото Н.И. Гошкин

нусинский купец Н.Ф. Веселков. В записке Секиржинского «О состоянии монгольской торговли», поданной иркутскому генерал-губернатору графу А.Н. Игнатьеву, сообщается, что в начале 1870-х гг. иркутский мясопромышленник Иван Михайлович Пачерский «первый проследовал с купленным на “Солончаках” (Минусинск) скотом через Монголию». Кто бы из них ни был первым, главное, опыт удался. «Даровой и хороший корм, обширность мест, безопасность и отсутствие воровства — сделали этот тракт очень удобным»⁹¹. Вслед за Пачерским по этой дороге направили в Ир-

⁸⁹ Бобков А. От стен Иркутского острога. Иркутск, 2006. С. 13.

⁹⁰ Материалы... Т. 2, вып. 4. С. 248.

⁹¹ Там же.

кутск табуны бийские и минусинские купцы. В 1887 г. по Тункинской долине за год прошло в Иркутск уже 10 тыс. голов крупного рогатого скота и 14 тыс. овец⁹². Кроме того, из Монголии вывозились сливочное масло (2 тыс. пудов), рыба (3 тыс. пудов) и в небольшом объеме овечья и верблюжья шерсть⁹³.

Русские купцы везли в Монголию разные бытовые, мануфактурные, продуктовые товары и могли сделать состояние даже на торговле одними иголками как, например, тункинский купец Давыдов, менявший их у монголов на домашних животных. (По рассказам тункинских жителей, за иглу монголы расплачивались одной овцой.) По сообщению Г.Л. Бардуева, в с. Торы занимался торговлей с монголами Дугар Халбаев, который возил из Иркутска в Монголию иголки и возвращался оттуда со стадом овец.

В связи с особенностями монгольской торговли на этой дороге процветали извоз и скотопрогонный промысел. Извозом занимались зимой, в это время крупные иркутские купцы, ведшие торговлю с Монголией и имевшие там свои фактории, завозили туда необходимые для торговли с монголами товары. В летний период преобладал скотопрогонный промысел: по тракту перегонялись



Г.Л. Бардуев, село Торы.

Фото Г.В. Афанасьевой-Медведевой

многочисленные стада мелкого и крупного рогатого скота. Обслуживали и гнали гурт три человека. Один ехал на коне впереди стада, двое сзади. Проходили в день 30–35 верст, на ночь, как правило, останавливались на отдых, загоняя стадо в специально устроенные загоны, в них скот пасся до утра. Перегонщики скота спали по очереди, оставляя дежурного, который должен был поднять шум при нападении на животных волков⁹⁴. Стадо гнали до Иркутска примерно 1,5 недели. Там продавали мясникам в живом виде. Погонщики, по-

⁹² Материалы... Т. 2, вып. 4. С. 248.

⁹³ Там же.

⁹⁴ Информатор Гомбо Лабсонович Бардуев, 1923 г. р., с. Торы.



лучив расчет, отправлялись по домам или за новой партией. По рассказу Гомбо Лабсоновича, занимались извозом и перегоню скота в основном буряты, которые земледелие, в отличие от русских, почти не вели и потому были более свободными и охотно промышляли извозом и сопровождением скота. (Извоз по Тункинскому тракту подробно нами не рассматривался, так как он только косвенно соприкасается с темой нашего исследования «Московский тракт».) Из Култука товар, доставленный по Тункинской долине, далее шел на Иркутск и входил в состав 2 млн пудов грузов, проходивших через Иркутскую таможню.

Извоз по местному тракту Куйтун–Жигалово–Усть-Илга стал функционировать в 1880-х гг., после завершения строительства Шелашниковского тракта, названного так в честь генерал-губернатора Иркутской губернии Шелашникова, принявшего решение о строительстве новой дороги, которая бы напрямую, минуя Иркутск, соединила судоходную Лену с Московским трактом. Практически часть колесной дороги, шедшей от Куйтуна до с. Ново-Удинского, уже существовала. Она шла на д. Верхнеметляевскую, сворачивая от нее на д. Метляевскую, и далее выходила на левый берег Ангары к д. Парамоновой. «Около этой деревни могла быть весьма удобная переправа через Ангару, которая течет здесь в одном глубоком и не широком русле. Расстояние от Куйтуна до д. Парамоновой 115 верст». От д. Парамоновой дорога шла на села Балаганкинское, Бурдушинское, Ново-Удинское до д. Мамруковской — 63 версты. В этих местах густо проживало бурятское и отчасти русское население. От д. Мамруковской до Балыктинского селения — 58 верст. Дорога между этими селениями разделялась Березовским хребтом. Местность была совершенно незаселенная, именно этот участок дороги и надо было прокладывать и обустраивать. На нем пришлось проложить гатей более 3,5 км, а в двух местах в 21 версте друг от друга — построить так называемые зимовья — Кибарева и Подберезовое. Они служили постоянными дворами, обслуживающими ямщиков, шедших на р. Лену с обозами⁹⁵. Далее дорога от с. Балыктинского пролегла по долине р. Тыпты, выходила на Нижнеслободское селение и шла на Усть-Илгу и Жигалово. Расстояние 66 верст. Местность здесь была густо заселена русскими. Этими двумя пунктами: Усть-Илгой и Жигалово — Шелашниковский тракт заканчивался. Он имел и другое название — Илгинский во-

⁹⁵ ГАИО. Ф. 31. Оп. 4. Д. 15. Л. 1, 2.

лок ⁹⁶. Вновь построенная дорога сокращала расстояние при перевозке грузов на золотые прииски почти на 400 верст. Напрямую по этой дороге расстояние от Куйтуна до Жигалово равнялось 300 верстам. Это же расстояние через Иркутск составляло 679 верст.

По Шелашниковскому тракту грузы перевозились зимним путем с 1 января по 1 апреля, со времени рекостава Ангары и до момента ее вскрытия. За три месяца, по сведениям балаганского исправника, здесь перевозилось около 2 млн пудов груза, из них хлеба от 800 до 900 тыс. пудов, спирта 1 200 бочек и разных товаров, идущих из Томска, миллион пудов ⁹⁷. Однако сведения исправника расходятся с показаниями содержателей постоянных дворов, которые сообщали, что ежедневно с января по март проходило по Березовскому хребту от 800 до 1 000 возов, нагруженных 20 пудами каждый ⁹⁸. Если рассчитывать исходя в среднем из 900 возов, то получим примерно 1,5 млн пудов. Таким образом, количество грузов, шедших на золотые прииски мимо Иркутской таможни, лишь немногим уступало количеству грузов, перевозимых по Московскому тракту. Дальнейшее промышленное развитие Витимо-Бодайбинских золотых приисков, занимавших по добыче золота на конец XIX в. первое место в России, привело к ежегодному увеличению потребности в хлебе, других сельскохозяйственных продуктах, вине, спирте, мануфактурных товарах, завозимых в Бодайбо из России. Этими обстоятельствами и было вызвано устройство нового тракта Куйтун–Жигалово–Усть-Илга. И хотя перевозки по нему интенсивно шли только три зимних месяца, значимость его для Иркутской и соседствующих с ней губерний была огромной. Хлеб, поставляемый в регион, был местного производства и завозился в Бодайбо из волостей трактовой зоны — Зиминской, Куйтунской, Тулунской, Нижнеудинской, и из соседнего Канского округа Енисейской губернии. Высокая потребность в хлебе стимулировала крестьян на производство зерна. Не случайно, например, в Куйтунской волости, богатой черноземами, запашки части крестьян превышали 100 десятин.

Крестьяне этих же волостей занимались извозом, как по Московскому, так и по Шелашниковскому тракту, что еще более способствовало развитию земледелия в крае. Каких-либо отличий местного извоза от уже рассмотренного нами не было, разве только

⁹⁶ ГАИО. Ф. 31. Оп. 4. Д. 15. Л. 3.

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ Там же. Л. 3 об.



в упаковке возов. Обычно крестьяне, занимавшиеся местным извозом, чтобы не тратиться на покупку циновок, укрывали товар пологами (в России их называли «веретья» — домотканина, сотканная из волокон крапивы). Они были плотными, достаточно толстыми, внешне похожими на брезент. Ткань была зеленовато-желтого цвета. Полог состоял из нескольких сшитых полос и полностью закрывал товар, предохраняя его от снега и непогоды⁹⁹.

В целом извоз — дальний, ближний и местный — не только способствовал обогащению крестьян, занимавшихся им, но и играл положительную роль в развитии земледелия. Лишь по одному Московскому тракту при движении обозов потреблялось около миллиона пудов сена и 1,5 млн пудов овса, примерно столько же по Шелашниковскому тракту, кроме того, для питания ямщиков во время следования их с обозами поставлялось значительное количество сельхозпродуктов¹⁰⁰. Возможность легкой реализации сельскохозяйственных товаров у крестьян, живших близ трактов, способствовала росту запашки земли, расчистке сенокосных угодий и частично определяла вид посевов зерновых культур, в частности овса, который по площади засевов занимал после озимой ржи второе место (см. табл. 25).

Извоз способствовал развитию различных промыслов: кузнечного, шорного, тележного и особенно дворничества. В случае его исчезновения материальное положение крестьян трактовой зоны значительно ухудшилось бы. Поэтому местные власти после введения в эксплуатацию железной дороги, которая сильно потеснила извоз, в начале XX в. предприняли попытку построить ряд новых трактов, которые бы соединили с железной дорогой захолустную глубинку, чтобы таким образом пробудить ее к активной деятельности и сохранить извоз. В конце XIX в. планируется строительство двух дорог. Одна из них, Тыретская, должна была выйти на Балаганск, затем на с. Новоудинское и далее на Лену по Усть-Илгинскому волоку. Мотив строительства этой дороги — связать Балаганск — центр, обильно заселенный русскими и бурятами, с железной дорогой. При этом путь по сравнению с куйтунским сокращался на 25 км. Изыскание трассы было проведено в 1898 г., а строительство дороги начато в 1900 г., были прорублены просеки,

⁹⁹ Информатор Михаил Павлович Собченко, 1954 г. р., с. Тыреть, Зинский район.

¹⁰⁰ То же.

на эти работы было израсходовано казной 3 140 рублей, построенны мосты на старом и новом русле р. Унги, на реках Уде, Тунаке, Куйте, через ручей в Сухом овраге, реки Хайтин, Тангут, ручьи в Хорейской пади, Бутунской сухой пади, Среднезаезжской пади, р. Хаймут, ручей Сухой овраг и Бирка, построена подпорная стена на Малышевском перегоне. Все это строительство обошлось казне в 14 тыс. рублей ¹⁰¹.

Устройство новой дороги, ведущей на р. Лену, а в итоге к золотым приискам, повлияло на развитие Тырети, особенно станционного поселка, в котором возникла крупная торговая фирма Анны Ивановны Громовой. Она жила в Москве, дела ее здесь вел приказчик. Дом его стоял на территории складского двора (не сохранился). Двор занимал более гектара. Кроме дома приказчика на дворе были поставлены: амбар двухъярусный 30 м длины с галереями (при нем была устроена контора для приказчика), амбар одноярусный четырехкамерный, конюшня для жеребых кобыл и выездных лошадей, навесы для остальных 500 лошадей, которые укрывались под ними от непогоды. Громова поставляла из Москвы товары для золотых приисков, которые доходили по железной дороге до Тырети, там на станции разгружались и конным извозом перевозились до Усть-Илги, а далее шли уже водным путем до Бодайбо. Из местных товаров на Лену переправлялся этой же конторой хлеб. Люди А.И. Громовой скупали излишки хлеба у крестьян близлежащих волостей и переправляли его по вновь отстроенной дороге ¹⁰².

С вводом в эксплуатацию железной дороги поток грузов по Тункинскому тракту мог бы значительно возрасти, но для этого путь, проложенный еще в XVII в., был неудобен (то поднимался в горы и шел хребтами, то спускался в долины и не раз пересекал р. Иркут). Продвижение по нему было затруднительным, дорогу надо было усовершенствовать. Изыскания новой трассы велись в 1911-м и завершились в 1912 г. Строительство из-за отсутствия финансирования затягивалось, а начавшаяся война 1914 г. остановила всякую деятельность в этом направлении. Дорогу построили в советское время в 1937–1939 гг. Эта дорога и сегодня соединяет Монголию и Россию.

¹⁰¹ ГАИО. Ф. 31. Оп. 1. Ед. хр. 253. Л. 1–12.

¹⁰² Информатор Светлана Валерьевна Китина, зав. школьным музеем, 1968 г. р., с. Тыреть, Зиминский район.



Дворничество

Промысел дворничество, т. е. содержание постоянных дворов, возник как производное торговли и извоза и полностью зависел от их развития. Чем больше товаров требовалось перевезти по Московскому и побочным трактам, тем большее количество крестьянских дворов включалось в обслуживание ямских обозов. Извоз без постоянных дворов не мог состояться. Они были необходимы ямщикам, чтобы согреться, поесть горячей пищи, накормить лошадей и дать небольшой отдых себе и лошадям. Постоянных дворов по трем округам — Иркутскому, Балаганскому, Нижнеудинскому, на конец XIX в. насчитывалось 587 ¹⁰³. При этом авторы «Материалов...» сделали оговорку, что они не учитывали крестьянские хозяйства, занимавшиеся дворничеством нелегально, а таких было достаточно много. По «Списку населенных мест Иркутской губернии» за 1878 г., общее количество постоянных дворов в селах, стоявших непосредственно на тракте, было 198. В крупных селениях, таких как Черемхово, Зима, Тайтурка, Кимильтей, значилось постоянных дворов от 14 до 23. Однако в мелких селах процент крестьян, занимавшихся дворничеством, часто был больше, чем в крупных. Так, например, в с. Хингуй, состоявшем из 58 дворов, восемь крестьянских хозяйств содержали постоянные дворы ¹⁰⁴.

Распространенность дворничества среди крестьян трактовых земель объясняется его выгодностью. Доход от постоянных дворов был разный и зависел в первую очередь от их размера. Крупные дворы, которые могли принимать обозы, содержащие 50–100 возов, и успешно обслуживать их в течение года, зарабатывали за этот период до 1 500 рублей и более. Доход владельцев средних постоянных дворов составлял примерно 500 рублей, малые дворы, хозяева которых зачастую вели промысел сезонно и нелегально, приносили доход 240 рублей. Основной доход хозяевам постоянных дворов давала продажа сена, пуд которого стоил 30 копеек, овса — 80 копеек. За сезон большой двор продавал сена до 3 тыс. пудов, овса — до 1 000 пудов, средний двор — до 1 500 пудов сена, овса — до 500–800 пудов, малый двор — до 200–400 пудов сена, овса — 800 пудов. Из суммы от продажи фуража для животных и суммы, полученной за кормление ямщиков, и складывался доход владельцев постоянных

¹⁰³ Материалы... Т. 2, вып. 2. С. 421.

¹⁰⁴ ГАИО. Ф. 32. Оп. 6. Д. 6.

дворов. Если дворник заготавливал корм для лошадей своими силами, то расходы на работников, помогавших в обслуживании ямщиков и обозов, были настолько незначительны, что практически не влияли на доход владельца постоянного двора. За год одному рабочему платили примерно 72 рубля. В большом дворе нанимали от одного до двух работников, в среднем — одного, в малом дворе обходились своими силами. Работники постоянного двора должны были чистить двор, заготавливать дрова, отпускать ямщикам проданные сено и овес. Они же водили на водопой обозных лошадей или поили их колодезной водой, наливая ее в специально поставленные для этих целей во дворе колоды, и, пока ямщики спали, охраняли возы с товаром. В больших дворах для приготовления обедов ямщикам нанимали стряпуху, платили ей 4 рубля в месяц ¹⁰⁵.

Ямщики, шедшие с обозом впервые, узнавали постоянные дворы по своеобразной вывеске — пучку сена или соломы, прикрепленному к воротам ¹⁰⁶. Усадьбы крестьян, занимавшихся дворничеством постоянно, выделялись в деревнях и селах большими размерами и множеством хозяйственных построек. В большом дворе, как правило, стояли две избы — хозяйская и ямская, несколько амбаров для хранения овса, навесы для укрытия лошадей от непогоды. Ф.М. Решетников в «Очерках обозной жизни» дает подробное описание постоянного двора такого типа. Приводим цитату из его записок: «Я вошел во двор. Слева новый полукаменный дом, а справа — одноэтажный деревянный, уже старый; потом тянется длинный двор, по обеим сторонам которого навесы, а под навесами стоят телеги и лошади, достающие из кошелей сено, четыре лошади лежат» ¹⁰⁷.

Во время обследования с. Тайтурка Черемховского района в 1996 г. нами был обнаружен дом из бывшего постоянного двора, хозяин которого занимался дворничеством постоянно. Обслуживание обозных ямщиков стало для него основным делом. Сохранившийся двухэтажный дом стоит на берегу Ангары, он крупных размеров, почти квадратный, построен на городской манер, с большими выносами четырехскатной кровли. В доме никто не живет, и усадьбы как таковой уже нет, отсутствует даже забор. По сообщению сельчан, нижний этаж был предназначен хозяином для приюта ямщиков, в верхнем этаже проживал он сам с семьей. Двор был вмести-

¹⁰⁵ Материалы... Т. 2, вып. 2. С. 422.

¹⁰⁶ Попов Н. Указ. соч. С. 114.

¹⁰⁷ Решетников Ф.М. Очерки обозной жизни // Очерки народной жизни. М., 1986. С. 414.

тельный, амбары продолжались навесами, образуя замкнутое каре. В общем же дома постоянных дворов соответствовали всем типам домов, бытовавших у крестьян: это дома-связи, дома-пятистенки.

Один такой дом-пятистенок мы нашли в с. Быстром (стоит по Тункинскому тракту). Хозяйка дома Наталья Николаевна Порнякова, 1929 г. р., рассказала, что ее отец занимался дворничеством. У них останавливались небольшие обозы, состоявшие из 10–12 подвод. Еду для ямщиков готовила хозяйка, спали они на кухне и в прихожей, занимали все пространство, пройти через них ночью во двор было невозможно. Двор был большой, занимал значительную часть теперешнего огорода. Напротив от входа в дом тянулся длинный навес (запись 2006 г.).

Во многих средних и малых дворах ямских изб не было, отсутствовали навесы для лошадей. Объясняется это в первую очередь тем, что занимались крестьяне в таких дворах обслуживанием ямщины сезонно, сохраняя основное направление своей деятельности — земледелие. Дворничество использовалось ими как сравнительно легкий способ дополнительной подработки денег, носивший временный характер. Поэтому специальных строений для обслуживания ямщины не строили, обходясь существующими жилыми и хозяйственными помещениями. Внутренняя обстановка ямщицкой избы была самая простая. У стен стояли лавки или широкие скамьи, которые часто использовались как спальное место. У стены напротив входа устраивались широкие просторные нары. Стоял длинный широкий стол, за ним ямщики обедали. В углу рядом с дверью находилась печка.



Постоялый двор. Тункинский тракт, село Быстрое. Фото Г.В. Афанасьевой-Медведевой



Наследница постоялого двора Н.Н. Порнякова. Фото Г.В. Афанасьевой-Медведевой



Постоялый двор, село Тайтурка. Фото А.К. Нефедьевой

Кроме вышеописанных постоялых дворов на дорогах, где селений не было, предприимчивыми крестьянами ставились зимовья крупных размеров для обслуживания ямщины. Временные «постоялые дворы» устанавливались в зимний период даже на байкальском льду посреди озера. Подробное описание подобного заведения есть у Н.М. Ядринцева, проезжавшего в 1889 г. зимой по Байкалу. Рассказывая о своей поездке, он писал: «Передо мною, среди навороченного льду, стояла досчатая лачужка, дорожная гостиница для обозных. Это была наспех сколоченная избушка с плохой скамьей, грязным столом, железной печкой и наскоро сделанной кроватью из досок, на которой валялось какое-то тряпье и овчина. В углу стоял нелуженый самовар. Несло какой-то соленой похлебкой с душком и махоркой. Около печи сидел коренастый мужик, по виду байкальский контрабандист. Баба чистила рыбу. Предложила ухи, и он поел»¹⁰⁸.

Хотя усадеб крестьян, занимавшихся дворничеством круглогодично, было немало, сегодня такую усадьбу со всеми хозяйственными постройками, домами, утугом по Московскому тракту уже невозможно найти. Жители селений очень редко указывают на какой-либо дом, составлявший ранее основную постройку постоялого двора. Однако существующий при доме двор полностью изменен, приспособлен к ведению современного хозяйства, отсутствует утуг — обязательная принадлежность усадьбы большого постоя-

¹⁰⁸ Ядринцев Н.М. Через Байкал // Восточное обозрение. 1889. № 14.



лого двора. С развитием техники и новых условий жизни необходимость в постоянных дворах отпала, и они вышли из обихода.

Торговля

Занятие торговлей было особенно распространено среди населения трактовой историко-культурной зоны. Почти все жители этого крупного сельскохозяйственного региона в той или иной степени участвовали в ней. Значительному развитию торговли способствовал тракт. Большое количество крупных сел и промышленных селений, стоявших по тракту, и почти непрерывное движение по нему обусловили спрос на сельскохозяйственные продукты, мануфактурные, галантерейные и бакалейные изделия, сельскохозяйственный инвентарь, посуду и многое другое. Пользуясь этим, предприимчивые крестьяне закупали в городах необходимые населению товары, продавая их на местах дороже.

По данным Статистического комитета, в 1878 г. в трактовых селах и промышленных поселениях работали 136 питейных домов и 152 бакалейные, мануфактурные и галантерейные лавки, что вместе составляло 288 торговых заведений¹⁰⁹. Размах торговли по тракту в конце XIX – начале XX в. достиг такого уровня, что некоторые крупные купцы организовали для сельского купечества оптовую торговлю, разместив склады с товаром в населенных пунктах, удаленных от Иркутска на 300 и более километров. Такие оптовые склады имел в с. Кимильтей известный иркутский купец-миллионер Метелев-Шелкунов — владелец нескольких магазинов в Иркутске. В его оптовом складе в Кимильтее приобретали товары мелкие купцы окрестных селений, здесь же часто отоваривались местные лавочники (к 1917 г. в Кимильтее насчитывалось 26 лавок)¹¹⁰. Другой магазин-склад для оптовой торговли находился в станционном поселке Тыреть. Им владела московская купчиха А.И. Громова, поставлявшая товары из Москвы для Бодайбинских золотых приисков. Она же снабжала товарами сельское купечество, проживавшее на трактовых землях.

Торговля была достаточно выгодным для крестьян делом, о чем

¹⁰⁹ ГАИО. Ф. 32. Оп. 6. Д. 6.

¹¹⁰ Ханюкова С.Н. Из истории с. Кимильтей // История, этнография, архитектура подгородно-трактовых сел Предбайкалья. Иркутск, 2002. С. 63.



И. Куликов. «Базарик». Иркутский областной художественный музей

свидетельствовал непрерывный рост числа лавок и питейных заведений в селах, стоящих по тракту. Так, например, в Урике работало в 1912 г. восемь бакалейных лавок и одна чайная. Большинство из этих лавок принадлежало крестьянам Урика: И.И. Малых, А.М. Ворошилову, С.М. Терентьеву, Устинье Малых, С.А. Плюскину, Козьминым, содержавшим две лавки. Особенно успешную торговлю здесь вел иркутский купец Бейлы Швец. Его лавка была самой крупной. Торговый оборот ее приносил Швецу 300 рублей ежегодно. Через два года, в 1914 г., в Урике уже насчитывалось десять лавок ¹¹¹. В отдаленных от Иркутска трактовых селах процесс роста торговли проходил еще активнее. Если, например, в Кутулике в 1878 г. было 6 лавок, то в 1888 г. их насчитывалось уже 11, а число питейных заведений увеличилось с 10 до 13 ¹¹². В целом к концу XIX в. в селениях по Московскому тракту по сравнению с 1878 г. стало на 32 лавки больше ¹¹³. Владельцы продовольственных лавок снабжали население всеми необходимыми продуктами:

¹¹¹ Бубис Н. Урик — старинное волостное село // Мозаика Иркутской губернии. Иркутск, 2007. С. 390.

¹¹² Соломеина Ю.Б. Кутулик. Прикосновение к прошлому // История, этнография и архитектура подгородно-трактовых сел Предбайкалья. С. 69.

¹¹³ Материалы... Т. 2, вып. 4. С. 264.

чаем, сахаром, конфетами, разного вида колбасами, кренделями, баранками, сладостями. Торговля овощами была слабой. Большим разнообразием товаров отличались и мануфактурные лавки, в которых крестьяне могли найти для себя все необходимое.

В связи с широким распространением в конце XIX – начале XX в. керосиновых ламп для освещения домов на тракте появились даже специализированные магазины по продаже керосина. Так, купец Курсанов (с. Залари), соблюдая правила безопасности, выстроил в усадьбе каменный амбар для хранения керосина и здесь же продавал его.

И все же основным товаром, которым торговало все взрослое население трактовой историко-культурной зоны, был хлеб. Обилие плодородной земли, климат, более благоприятный для земледелия, чем в других местах Иркутской губернии, а также большая потребность в хлебе на Бодайбинских приисках и на самом тракте, что было необходимо для обеспечения извоза, ориентировали крестьянские хозяйства на товарное производство зерна, которое затем и шло на продажу. Часто продажа зерна совершалась крестьянами по месту жительства еще до его созревания. Скупщики хлеба, разъезжая по селам, договаривались с крестьянами, испытывавшими в данный момент острую нужду в деньгах, о продаже ими зерна после уборки урожая и закрепляли договор выплатой за-



И. Прянишников. «Сельский праздник». Иркутский областной художественный музей

лога. При сделке оговаривалась стоимость зерна. Она должна была быть дешевле той, которая установится осенью, на 10 % ¹¹⁴. К такому способу продажи зерна вынуждены были прибегать крестьяне, в силу тех или иных обстоятельств попавшие в затруднительное положение (болезнь кормильца, потеря лошади, многодетная семья с малым количеством работников и т. д.). Среднезажиточные крестьяне, как правило, продавали хлеб на месте после уборки урожая не полностью, а на сумму, которой хватило бы на уплату налогов (срок уплаты крестьянских ежегодных податей приходился на конец года). Остальную часть зерна приберегали до февраля, когда цены устанавливались выше осенних. По статистическим данным, в конце XIX в. стоимость крестьянской продукции была следующей (табл. 28, стоимость дана в рублях):

Таблица 28 *

Продукт	Январь	Февраль	Июль	Сентябрь	Ноябрь
Пуд ржаной муки	1,12	1,24	1,33	1,27	1,15
Пуд пшеничной муки	1,78	1,79	1,91	2,05	1,90
Пуд овса	0,96	1,01	1,21	1,32	1,07
Пуд ячменя — зерном	0,92	0,93	1,20	1,05	0,99
Воз сена утужного	6,43	6,98	5,77	6,14	6,14
Воз сена лугового	3,94	4,02	3,35	3,72	3,79
Воз овсяной соломы	2,01	1,79	1,91	2,11	1,83
Воз соломы ржаной	0,69	0,79	0,96	0,86	0,80

* Составлена по: Астырев Н.М. Указ. соч. С. 243.

¹¹⁴ Подробное описание того, как проходила скупка зерна на корню в отдаленных селах, дано в работе Н.М. Астырева «На таежных прогалинах».

Низкая осенняя стоимость зерна и муки заканчивалась в январе и в дальнейшем с каждым месяцем повышалась, обычно до октября, до обмолота зерна нового урожая. Однако самой высокой сентябрьской ценой на хлеб основная масса крестьян уже не могла воспользоваться. Относительно свободное время зимнего периода позволяло крестьян заниматься обустройством своего хозяйства: закупать сельскохозяйственные орудия труда, при необходимости — лошадей, обновы для женщин и детей. Нуждаясь в деньгах, они выезжали на базар продать оставшееся зерно и другую сельскохозяйственную продукцию и, как правило, завершали торговлю ими в марте. Рынки для торговли сельскохозяйственной продукцией были открыты по Московскому тракту во всех волостных центрах: Тельме, Усолье, Черемхово, Кутулике, Заларях, Кимильтее, Куйтуне, Тулуне, Нижнеудинске. Во многих из указанных сел базарные площади служили местом проведения ярмарок, приуроченных к престольному празднику. В этот день народ в церковь съезжался не только из своей волости, но и из соседних.

Базарные площади устраивались рядом с церковью, являвшейся центром религиозной и общественной жизни народа. Рынки, во многих селах прервавшие свою деятельность в годы советской власти, в настоящее время вновь возродились на тех же местах (торговые площади были осмотрены при экспедиционном обследо-



Бельская ярмарка. Архитектурно-этнографический музей «Тальцы»



И. Прянишников. «Возвращение с ярмарки». Иркутский областной художественный музей

нии трактовых сел сотрудниками АЭМ «Тальцы» в 1998–2005 гг.). Рынок обычно представляет собою открытую площадку, огороженную с трех или двух сторон забором и строениями соседних крестьянских усадеб. До революции на рыночных площадках, ближе к задней линии, устраивался амбар для хранения непроданного товара и общественных весов. Иногда перед амбаром устанавливали длинный стол (более 20 м) под навесом, крытым на два ската. На столе обычно торговали некрестьянским товаром: кожаными изделиями Бельской фабрики, солью, спичками, стеклянными изделиями Тельминской фабрики и т. д. Крестьяне же вели торговлю с возов, устанавливая либо на телеге, либо на земле ведра с зерном, рядом стояли возы с сеном, соломой и лошади, выпряженные из саней. В будние дни торговля почти не велась, и на базаре стояли два-три воза с хлебом. Обычно их подвозили крестьяне близлежащих селений в расчете на покупателей, не любящих суеты и многолюдности. В воскресные и особенно в ярмарочные дни крестьяне могли привезти на базар до 300 возов хлеба ¹¹⁵.

И все же торговля хлебом на базарах волостных сел была невелика и носила местный характер. Основной базар по продаже хлеба на Московском тракте был в Иркутске. На иркутский рынок только с Московского тракта ввозилось в год 10 289 возов овса, крупчатки,

¹¹⁵ Астырев Н.М. Указ. соч. С. 246.



пшеничной, ржаной муки. Однако лидерами по поставке хлеба в Иркутск были селения, стоявшие по Якутскому тракту. Крестьяне селений, тяготевших к Иркутску, завозили по этому тракту на иркутский базар 51 750 возов хлеба¹¹⁶. Большая разница в количестве поставлявшегося в Иркутск хлеба из сел Якутского и Московского трактов объясняется тем, что крестьяне трактовой зоны Московского тракта, особенно отдаленных от Иркутска селений, предпочитали им другой центр торговли хлебом — с. Усть-Илга на р. Лене. Крестьяне всех западных волостей, от Заларинской до Тайшетской, везли свой хлеб в Усть-Илгу, который поступал затем на золотые прииски. Доставка хлеба на Лену шла зимним путем и к середине марта завершалась.

Скупщики хлеба — богатые крестьяне или купцы — вели торговлю им в сентябре, октябре, когда цена на хлеб была самой высокой, и благодаря этому обогащались.

На окраинных местах трактовой историко-культурной зоны или в местах проживания бурят, занимавшихся хлебопашеством, была широко распространена меновая торговля, когда какой-либо продукт менялся на хлеб, — явление, характерное для натурального хозяйства. Чаще всего подобную торговлю вели крестьяне пригородных селений или ссыльные поселенцы, у которых пахотных земель было мало или не было совсем и которые жили за счет какого-либо ремесла. Такой крестьянин закупал в Иркутске оптом на рыбном базаре бочонок омулей и вез его для продажи в дальние села или бурятские улусы. Обмен товара совершался на зерно.

Характеризуя меновую торговлю, М.В. Загоскин писал о своих односельчанах: «Самый излюбленный промысел грановцев — это торговля. Грановская торговля состоит в следующем, чуть у мужика не хватает хлеба, — он продает теленка, лишнюю лошадь, или берет в займы 10–20 рублей, покупает сотню омулей, сотню деревянных ложек, мравленных чашек, кладет на воз мешок луку, чесноку и едет верст 30–50 в глухие деревушки, где уродился порядочный хлеб, и меняет все свои товары на хлеб. Через пять-шесть дней торгаш воротился и привез пудов двадцать хлеба, два мешка он продает на уплату долгов, а другими двумя он питается целый месяц. Таких торгашей в деревне человек 60»¹¹⁷.

Для некоторых сельских жителей занятие меновой торговлей

¹¹⁶ Астырев Н.М. Указ. соч. С. 259.

¹¹⁷ Загоскин М.В. Одна из сибирских общин. Иркутск, 1891. С. 31.

стало основной профессией. Меновую торговлю они вели разным товаром. В один конец, например в Балаганский округ, везли омуль, в Верхнеудинск на ярмарку — табак, конопляное масло, веревки, сбрую, дуги и многое другое. На нахождение в пути и торговлю затрачивалось до полутора месяцев. Доход наиболее удачливых торговцев составлял до 2 тыс. рублей в год. Основная же часть менял получала от своей деятельности 300–400 рублей в год¹¹⁸. Предметами разового менового торга были: хариус, омуль, омулевая икра, кирпичный чай, табак, лук, чеснок, водка, сальные свечи, мыло, деревянная и глиняная посуда, соль, картофель, деготь, овощи, и все это менялось на хлеб — основной товар, производимый крестьянами.

Санно-тележный промысел

К малочисленным промыслам по количеству людей, занимавшихся им, относился и санно-тележный промысел. Он был ориентирован прежде всего на население, проживавшее в том же населенном пункте, что и мастер. Потребность в изделиях мастеров-тележников увеличивалась летом за счет обслуживания ямщиков, нуждавшихся в замене колес, лопнувших дуг, развалившихся телег и т. д. Летняя дорога всегда была хуже зимней, в сырых местах после дождей становилась труднопроходимой, что обуславливало выход из строя средств передвижения и упряжи, поэтому число людей, занятых в санно-тележном промысле в селах, стоявших по тракту, доходило до 3 человек в одном селении.

Основные работы, связанные с санно-тележным промыслом, можно разделить на два вида: заготовка материалов и изготовление изделий. Ремесло это требовало определенного умения, навыков, знания свойств древесины. Обычно березу, шедшую на изготовление ободьев колес, полозьев саней и дуг, мастер стремился заготовить во время сокодвижения. Но даже срубленная в урочное время, насыщенная влагой береза могла остаться без применения. По рассказу жителя с. Ермаки Игнатия Ивановича Тетерина, занимавшегося изготовлением саней, «не каждая береза может гнуться. Растущая на хребтах и возвышенностях береза при загибе ломается... Годи-лась для этих целей только береза, растущая в низинах на сырых местах». Прежде чем пустить березу в дело, ее грубо обрабатывали

¹¹⁸ Материалы... Т. 2, вып. 4. С. 244.

топором, придавая ей форму будущего изделия. Затем парили либо в бане, либо в землянке, специально для этого устроенной. Позже, в советское время, запаривание упростили: сваривали вместе две железные бочки, затем во вновь образовавшуюся емкость закладывали березы и парили их сутки, а иногда и более. После этого березу закладывали в балу́ — бревно метровой, а то и более метра толщины. В нем срезались две противоположные боковины. Одной срезанной стороной бревно плотно укладывалось на землю, на другой стороне выдалбливались формы загибов для полозьев саней, колесных ободьев и дуг. К балу́, по центру, прочно крепилась жердь с железной лапой. Жердь была подвижной и могла свободно вращаться вокруг балы́. Конец заготовки закладывали в начало изгиба, закрепляли, и мастер начинал двигать жердь. При вращении жердь, достигая второго конца заготовки, цеплялась за нее лапой, увлекала ее за собой и, дополнительно придавливая сверху, не давала возможности заготовке выйти из формы, продолжая одновременно загибать его. Когда изделие приобретало требуемый вид, мастер останавливал движение жерди и связывал концы заготовки веревкой или сыромятным ремешком, закрепляя таким образом изделие в нужном положении. Затем заготовку убили на просушивание, а новую вставляли в балу́ ¹¹⁹.



И.И. Тетерин, село Ермаки.

Фото А.К. Нефедьевой

Производство по изготовлению заготовок для саней, ободьев колес и дуг мастера часто организовывали за пределами усадьбы, за деревней или на месте заготовки древесины. Там мастером устанавливалась балá и устраивалась в косогоре землянка для запаривания березы. Основными инструментами, которые использовались при этом виде работ, были топор и пила.

¹¹⁹ Информатор Игнатий Иванович Тетерин, 1930 г. р., с. Ермаки, Казачинско-Ленский район.



Балá. Фото А.А. Чертилова

Рабочее место по изготовлению непосредственно изделий санно-тележного промысла, как правило, организовывалось в усадьбе. Под навесом стояло два станка: токарный и станок для установления в колеса спиц. Тут же находились необходимые мастеру инструменты: стамески (прямая и полукруглая), долото, молоток, рубанок, пила. Самым сложным видом работ при изготовлении транспортных средств было изготовление колеса, состоящего из ступицы, спиц и обода.

Береза для изготовления ступицы должна была быть в объеме не менее 22–24 см, прямоствольной, с малым количеством влаги, не иметь сучков. Такую березу заготавливали на высоких местах, в густых рощах, резали на чурки, равные ступице или чуть длиннее ее. Чурки сушили в местах с ровным температурным режимом: на погребце или в землянке. Заготовка при постепенном и равномерном высыхании не давала трещин. Иногда, когда сухих чурок не было, а работу следовало выполнить срочно, заготовку сушили в печи или парили. Вода из чурки быстро испарялась, и заготовка шла в дело ¹²⁰. Ее грубо обрабатывали топором, а затем точили на самодельном деревянном токарном станке.

¹²⁰ Информатор Алексей Николаевич Шутько, 1948 г. р., пос. Большая Речка, Иркутский район. Личный архив А.К. Нефедьевой.

Устройство станка было довольно оригинальным. Две колоды устанавливали друг от друга на расстоянии чуть длиннее ступицы, которую крепили к штырям вертикально стоящих колод, свободно, чтобы она могла вращаться, и дополнительно укрепляя железными шпонками, чтобы при обработке она не выскочила из штырей. Над станком укрепляли очеп (тонкую березовую жердь), от которого спускалась бечева. Ею три раза окручивали ступицу, оставшийся конец, который имел петлю для ноги мастера, спускался вниз. От давления ногой на петлю бечева начинала раскручиваться, вращая при этом ступицу. В этот момент мастер стамеской обтачивал ее, придавая ступице нужную форму. Раскручиваясь, бечева притягивала очеп книзу. Когда мастер переставал давить на бечеву, опуская ногу, очеп поднимался вверх, занимая исходное положение, и бечева вновь закручивалась вокруг ступицы. Движения повторялись, и ступица наконец приобретала необходимый вид. Более усовершенствованный, также самодельный, полностью деревянный токарный станок использовался мастерами до 50-х гг. XX в. Вращение заготовки в таком станке осуществлялось при помощи колес, передаточного устройства и педали.

После того как ступица была выточена на токарном станке, в ней по центру просверливали перкой отверстие для оси диаметром



Мастерская колесника. Иркутский областной краеведческий музей



Станок для изготовления колес. Архитектурно-этнографический музей «Тальцы». Фото А.К. Нефедевой

6–8 см. Железных, более тонких осей у крестьянских мастеров не было, потому что осью для колеса служила все та же береза. Такая толщина была залогом ее прочности. Затем в ступице по кругу на равном расстоянии друг от друга долотом или стамеской прорубались углубления по форме спиц.

Окончательное устройство колеса завершалось на станке для установки спиц в обод и ступице. Станок этот внешне напоминает широкую массивную скамью, высотой равную крестьянскому столу. Такая высота станка необходима была мастеру для удобства работы. В станке ближе к концу столешницы прорезалось круглое отверстие для выступающей части ступицы. Отверстие продолжалось узкой щелью шириной 6–8 см в сторону второго конца столешницы, но не доходило до него (щель устраивали для забивания клиньев). В круглое отверстие ступица опускалась, широкой частью опираясь на столешницу. Мастер укладывал вокруг ступицы обод и при помощи клиньев вставлял в колесо спицы.

Процесс изготовления колеса колесником завершался соединением концов обода шпонкой, которая закреплялась на ободке деревянными гвоздями. Работу с колесом завершал кузнец. Он обтя-

гивал (по народному выражению, «обувал») обод колеса железной шиной ¹²¹.

Остальные части телеги были в изготовлении более просты, их, по существу, мог сделать каждый крестьянин, знавший плотничье ремесло. Телега состояла из так называемых подушек — передней и задней, — довольно массивных досок, трапециевидной формы, к ним крепились оси с колесами. Подушки объединялись в единое целое грядями — длинными жердями, врубленными в подушки. Передняя подушка состояла из двух частей, соединенных вместе шкворнем — штырем. К ним в местах соединения крепились два стальных кольца, облегчавших скольжение подушек при повороте. Подушки вместе с жердями служили основой кузова телеги, сбитого из узких досок.

Телеги по своему назначению были разными. Четырехколесные использовались для перевозки тяжелого груза. Самой дорогой телегой этого типа считалась та, у которой поперечные грядицы-жерди были выгнуты пологой дугой, а кузов обшит лубком. Особым устройством отличались извозные телеги. Они изготовлялись с более длинным кузовом, передняя часть которого была несколько шире задней (устраивалась так для облегчения поворота с тяжелым грузом) ¹²². Широкое бытование имела телега-ходок, полувыездная телега облегченной конструкции. Лес возили на телеге-фуре, колеса которой соединялись



Крутка виц. Иркутский областной краеведческий музей

¹²¹ Информатор Михаил Григорьевич Строкатый, 1926 г. р., с. Новая Када, Куйтунский район.

¹²² Даль В.И. Толковый словарь русского живого языка. М., 1982. Т. 4. С. 396.



*Телега-ходок. Архитектурно-этнографический музей «Тальцы».
Фото А.К. Нефедьевой*

тонкими бревнами и благодаря раздвижному устройству, устроенному в соединении двух пар колес, могли раздвигаться на разное расстояние. Крестьяне могли возить на фуре бревна длиной до 12 м ¹²³.

Не менее популярными в крестьянском быту были одры — двухколесные телеги также разного назначения. Их любили крестьяне за дешевизну и простоту изготовления, за мобильность и высокую проходимость. Такие телеги могли без труда двигаться по горным дорогам, изобилующим камнями и неровностями, по сырым местам и т. д. Исходя из назначения, одры устраивались по-разному. По труднопроходимым дорогам на телегу устанавливали двухметровое в диаметре колесо, обод которого изготовлялся из корневища, был очень прочным и не нуждался в обтягивании железной шиной.

Такие телеги использовались, например, для перевоза груза по Кругобайкальской дороге через горный перевал Хамар-Дабан. Полевые одры, используемые для вывоза с поля снопов, были двух видов. Первый вид отличался высоким развалистым кузовом с укрепленными в нем по углам колями, которые во время движения

¹²³ Информатор Михаил Гилев, 1930 г. р., д. Галки, Оекский сельсовет, Иркутский район.



*Телега-двуколка. Архитектурно-этнографический музей «Тальцы».
Фото А.К. Нефедьевой*

препятствовали сползанию снопов с телеги. Снопы укладывали на телегу в два ряда колосом внутрь. Второй вид — сноповозки — существенно отличался от вышеописанной телеги. Боковые гряды такой телеги выходили за пределы кузова, свешиваясь почти до земли. Груз укладывался на телегу и эти свесы и почти волочилися по земле. В народе такие телеги называли «хвостовые»¹²⁴. Они использовались по всей России, другое название их — рыдван. По В.И. Далью, такая телега служила еще и мерою. В нее грузили 80 озимых или 100 яровых снопов¹²⁵.

Одноколки с ящиками, используемые для вывоза на поля навоза, назывались «опрякидушками». Ящик ручкой крепился к переднему выступу дроги (грядки) петлей, она при разгрузке телеги сдвигалась с грядки и ящик опрокидывался на землю.

Одноколками были и всякого вида тарантасы, часто называемые дрожками. Крестьянские выездные тележки были компактными. Кузов их крепился к зыбким жердям, выполнявшим в данном случае роль рессор. На ухабах жерди пружинили, обеспечивая седоку мягкость проезда. В настоящее время в связи с распространением в частном крестьянском хозяйстве лошадей как основной

¹²⁴ Информатор И.И. Тетерин.

¹²⁵ Даль В.И. Толковый словарь... Т. 4. С. 396.



Двуколки. Иркутский областной краеведческий музей

тягловой силы дрожки вновь стали возрождаться¹²⁶. На снимке дрожки, изготовленные В.И. Тютриным. Рессоры в них традиционно крестьянские — зыбкие жерди.

Крестьянские сани, основу которых составляют полозья, копылья, вязы и гряды, были по изготовлению проще, чем телеги. Поэтому многие крестьяне заказывали тележнику только полозья, которые были сложны по изготовлению и требовали наличия запаривающего устройства и бала. В закупленных полозьях крестьянин для установления копыльев продавливал отверстия в них и грядах — плахах, надеваемых поверх копыльев. Операция надевания на копылья плахи была завершающей и следовала после того, как черемуховые вязы связывали два полоза в единое целое. Для соединения копыльев рубили черемуховые ветви толщиной в 3 см. Ветку в местах соприкосновения с копыльями наполовину срезали, грели на костре, чтобы распаренное дерево легко гнулось и плотно охватило копылья. Когда эта операция была завершена, вяз вели далее поперек саней и связывали с другим вязом, который охватывал копылья другого полоза, стоящего напротив. Вязы налагали друг на друга и прочно закрепляли узким сыромятным ремнем или тальниковым прутом. Соединив таким образом все копылья, подбирали более толстую ветку и стягивали ею головки саней и также закручивали ее либо сыромятиной, либо прочной бечевкой. К головкам загнутой части полоза конопляной веревкой крепились

¹²⁶ Информатор В.И. Тютрин, 1926 г. р., заимка Тютрино, Аларский район.

оглобли — и сани были готовы. Более состоятельные крестьяне на полозья устанавливали подрезы — железные пластины.

Сани по виду и назначению были разными — с разводами и без них. Разводы — гнутые жерди — укреплялись к изгибу саней и ближе к окончанию полозьев выходили за пределы грядок, опускались ниже их, не касаясь земли. Разводы придавали саням устойчивость при быстрой езде, на раскатах. Они крепились, как правило, на выездные сани — кошевки и розвальни, используемые для перевоза сена и соломы. Разводы не ставились на узкие сани, употребляемые чаще всего для езды по узким лесным дорогам, и на грузовые сани с широким кузовом для перевоза тяжестей.

Особое место в быте крестьян занимали сани-волокуши, которыми крестьяне пользовались зимой для подвоза с речки воды, летом в местах бездорожья для перевоза грузов. Состояли они из длинных слегка загнутых оглобель, часть которых, волочившаяся по земле, соединялась двумя плахами — грядицами, создавая площадку для кладки ¹²⁷.

Санно-тележный промысел велся мастерами попутно, в свободное от земледелия время, и был для них дополнительным заработком. В трудах ученых, занимавшихся изучением этого промысла, указывается, что один мастер мог за два дня сделать из готовых



Дроздки, изготовленные В.И. Тютриным. Фото Г.В. Афанасьевой-Медведевой

¹²⁷ Информатор И.И. Тетерин.



Сани-пошвени. Архитектурно-этнографический музей «Тальцы».
Фото А.К. Нефедьевой



Кошевка — выездные сани. Архитектурно-этнографический музей «Тальцы».
Фото А.К. Нефедьевой



заготовок «полный скат», т. е. четыре колеса. За год, по данным статистики, такие мастера производили 100 скатов.

Стоимость колес зависела от вида и назначения их: коренчатые, не требующие оковки, стоили от 3 до 4 рублей, «оботные», сделанные под оковку, — от 5 до 7 рублей. Стоимость телеги, а также саней зависела от материала и качества работы мастера. Телега без оковки стоила 10 рублей, сани — от 1,5 до 3 рублей, кошевка — от 3 до 7 рублей, дуга — 1–1,5 рубля¹²⁸.

Исходя из приведенных данных, можно предположить, что в среднем за год тележник зарабатывал на продаже своих изделий 350–400 рублей. Кроме того, хороший мастер всегда ценился в деревне и пользовался заслуженным уважением односельчан.

¹²⁸ Материалы... Т. 2, вып. 4. С. 359.

ПЛАНИРОВОЧНАЯ СТРУКТУРА СЕЛ И ДЕРЕВЕНЬ ТРАКТОВЫХ ЗЕМЕЛЬ

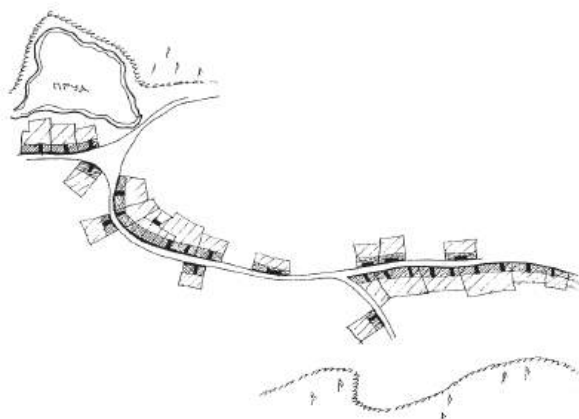
Первые поселения в трактовом крае, возникшие в конце XVII – начале XVIII в., по размерам были незначительными. Например, Тельма (основана в 1701 г.) состояла из одного работного дома и водяной мельницы, устроенных монахами Вознесенского монастыря для крестьян-арендаторов ¹. Некоторые из поселений представляли собой заимки или деревни, насчитывавшие от 2 до 14 и более дворов. Ответ на вопрос, какой была их планировка, видимо, надо искать в работах предшественников, изучавших данный вопрос. Одним из них был М.В. Загоскин, редактор газеты «Восточное обозрение». Занимаясь изучением истории с. Грановщина, он выяснил, что село было основано в конце XVII в. братьями Сенькой и Матюшкой Гранеными, пришедшими из России. Далее М.В. Загоскин установил, что кроме Граненых наиболее старинными фамилиями считались Поздняковы, Михеевы, Усовы и др. «И теперь, каждая из этих фамилий, — писал автор, — занимает особую кулигу... По всей вероятности, в начале поселения усадьбы переселенцев отделялись одна от другой довольно большими незаселенными пространствами, которые уже теперь застроены разросшимися родами и новыми переселенцами» ². Места первых насельников края относились к долинному типу. Деревни, заимки и слободы ставились в долинах р. Ангары и ее притоков Китоля, Белой, Оки и других больших и малых рек. Места эти привлекли первых поселенцев XVII в. плодородием земель, водой и рыбой, в изобилии водившейся в реках.

¹ Душкин Ю. Историческая справка по истории развития с. Тельма. Архив ЦСН.

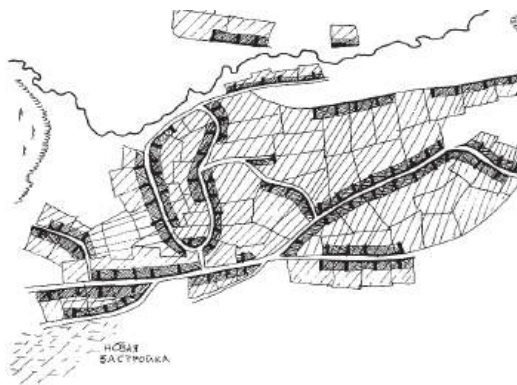
² Цит. по: Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Иркутск, 1889. Т. 1, вып. 1. С. 43.

К середине XIX в. планировка сел, стоявших по тракту, была линейной с двухсторонней застройкой трактовой улицы. Такие села тянулись вдоль тракта на 2–5 верст. В конце XIX – начале XX в. их планировка оживлялась переулками, отходящими от основной улицы. В особо крупных селениях планировка стала носить геометрический характер: параллельные тракту улицы пересекались переулками, образуя прямоугольники или квадраты (Черемхово, Тулун, Зима и др.).

Планировка сел, деревень, заимок, отстоящих от тракта, но входящих в состав трактовой историко-культурной зоны (полоса в 30 км по обе стороны от тракта), была более разнообразной и зависела от рельефа местности, наличия реки, желания крестьянина (он сам определял, в каком месте и как ставить свою усадьбу). Поэтому планировка таких селений была разной: с двухсторонней застройкой (селения Черемушки, Ширяево, Турская, Лыловщина и др.), однорядной — деревни Тальки, Тихонова падь (Иркутский район), заимки — Молева, Тютрино (Аларский район). Планировка некоторых сел зависела от рельефа местности. Дома в деревне ставились с учетом его особенностей. Подобная планировка наблюдается в селениях Савватеевка, Максимовщина, Лебедевская заимка (Иркутский, Боханский районы и др.); примером сел с разреженной планировочной застройкой могут служить Рязановщина, Баруй, Еловка и др.



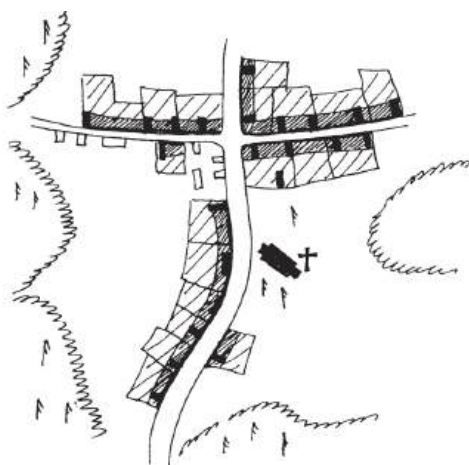
План села Рязановщина с разреженной застройкой домов. Выполнен сотрудниками ЦСН



План села Савватеевка, улицы образованы рельефом.

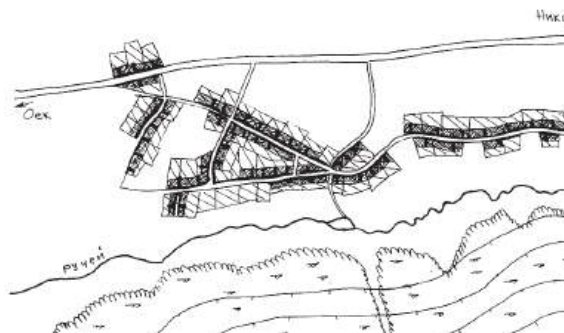
Выполнен сотрудниками ЦСН

Характерной планировочной особенностью многих трактовых селений было слияние двух параллельных улиц в одну — Коты, Егоровщина и др. Деревни с прямо перпендикулярными друг другу улицами: Быково, Худяково и т. д. Селения с гнездовой застройкой — Горохово, Поздняково, Галки (Иркутский район).



План села Худяково с перпендикулярной застройкой улиц.

Выполнен сотрудниками ЦСН



План деревни Егоровщина с улицей, переходящей в две.

*Выполнен сотрудниками ЦСН*³

Много селений было со смешанной планировкой, когда на повышенном рельефе тянулась улица с двухсторонней застройкой, а на пониженном в долине ручья — с гнездовой (с. Мотово, Черемховский район; Усть-Балей, Иркутский район и др.). Практически в мелких селениях, удаленных от тракта, сохранились принципы старинной планировки, характерной для XVII–XVIII вв.⁴

Планировка усадеб трактовой историко-культурной зоны

Структура усадебной застройки определялась ее хозяйственными функциями. Развитие земледелия и животноводства, а также климатические условия обуславливали ее формы. Влиял на вид усадьбы и вкус хозяина. В целом же усадьба представляла собой комплекс жилых и хозяйственных построек на определенном участке земли, который делился по своему назначению на три части: чистый двор, хозяйственный двор, огород, в конце которого размещалось гумно. Чистый двор — это территория, примыкающая к жилым и хозяйственным постройкам (амбары, погреб, навесы), огороженная заплотом. Хозяйственный двор представлял собой

³ Материалы обследования сел и деревень трактовой историко-культурной зоны. Архив ЦСН.

⁴ Материалы обследования селений по тракту сотрудниками АЭМ «Тальцы».

огороженное пространство для содержания скота со стойками и навесами. Третья часть усадьбы была связана с постройками для сушки и обмолота зерна. Находилась она в конце огорода и состояла из тока, овина или риги. У бедных крестьян указанные постройки мог заменять шиш. Усадьбы XVII–XVIII вв. не сохранились, но в конце XIX в. они еще изредка встречались и были описаны известными исследователями быта и архитектуры этих земель М.В. Загоскиным и И.И. Серебренниковым. По их данным, в трактовых землях усадьбы XVII–XVIII вв. были двух типов.

Первый представлял собой «огромные постройки с обширным крытым двором, разными клетями и амбарами»⁵. Такие усадьбы с крытым двором были характерны для русского Севера.

Второй тип усадьбы, описанный И.И. Серебренниковым, имел два открытых двора разного назначения (скотный и заезжий), разделенных между собой домом. По периметру открытых дворов стояли хозяйственные постройки. В заезжем, или чистом, находились навес, погреб, амбары; в скотном — стойки и навесы для скота. Характерной особенностью расположения хозяйственных построек чистого и скотного дворов был выход основных строений амбара и стойки торцовой стороной на улицу⁶.

Третий тип усадебной планировки, наиболее распространенный, — с одним открытым двором. Этот тип усадьбы описан Г.К. Вагнером. «Изба в таких усадьбах обычно клетская с сенями (так называемое одножильное двухкамерное жилище). Она, как правило, расположена с одной стороны двора и выходит на улицу торцовой стороной. С другой стороны двора тоже торцом к улице стоит главный амбар. Задняя линия двора занята навесом, что вместе с избой и амбаром образует план, близкий к типичному для среднерусских областей П-образному плану усадьбы»⁷. И хотя описанная Вагнером усадьба относится к Средней Ангаре, она была характерна и для трактовых земель, на что непосредственно указывал и автор приведенной цитаты. Подчеркивая древность планировки открытых дворов в Восточной Сибири, Г.К. Вагнер писал, что открытые дворы (оба типа) «распространены в долине

⁵ Материалы... Т. 1, вып. 1. С. 45.

⁶ Серебренников И.И. Покорение и заселение Иркутской губернии. Иркутск, 1915. С. 56.

⁷ Вагнер Г.К. Деревянное зодчество Среднего Приангарья // Советская этнография. 1956. № 3. С. 57–58.



р. Куды только у старожилов»⁸. Отмеченные указанными авторами усадебные планировки XVII–XVIII вв. подтверждаются и нашими исследованиями заселения Иркутского воеводства во второй половине XVII в. По данным писцовой книги 1686 г., 45 первых поселенцев прибыло в этот край с севера и 95 — из центра России⁹. Так как переселенцы по прибытии на новые места строили усадьбы в соответствии с традициями их прежних мест жительства, во вновь построенных селениях совместного проживания крестьян севера и центра России можно было увидеть усадьбы всех трех типов, рассмотренных нами.

С середины XIX в. на трактовых землях окончательно утвердилась усадебная планировка, прототипом которой стала среднерусская крестьянская усадьба. Причины, приведшие к этому, как уже отмечалось, заключались в климатических, природных и социально-экономических условиях. Крытые дворы возникли, развились и сохранились в тех местах России, где выпадает большое количество снега. Это север России, северные районы — Соликамский, Усольский в Пермской области. Здесь крытые дворы из-за снежных зим сохранились до настоящего времени. Так, например, с. Усолье Пермской области в 1950-х гг. было перенесено из-за затопления водами Камского водохранилища на новую территорию, однако вновь построенные дома сохранили крытые дворы. В Красноярском крае, ближе к Енисейску, где также выпадает много снега, деревни состоят из усадеб с крытыми дворами. Когда-то француз Де Кюстин в книге «Россия в 1839 году», характеризуя русский народ, писал: «...эта людская раса... оказалась вытолкнута к самому полюсу... Война со стихиями есть суровое испытание, которому Господь пожелал подвергнуть эту нацию»¹⁰. Русские не только выдержали его, но смогли создать одну из величайших культур мира. Для этого они должны были не бороться со стихиями, как считал Де Кюстин, а, внимательно изучив природные явления, подстраиваться под них и строить свои дома, сообразуясь с ними, разрабатывать агротехнику возделывания полей, выращивания зерновых культур, — другими словами, творчески подходить к каждому делу. Малоснежная солнечная зима, а также наличие в хозяйстве большого количества

⁸ Вагнер Г.К. Деревянное зодчество по Якутскому тракту // Советская этнография. 1958. № 6. С. 58.

⁹ РГАДА. Ф. 214. Д. 941. Л. 88–242.

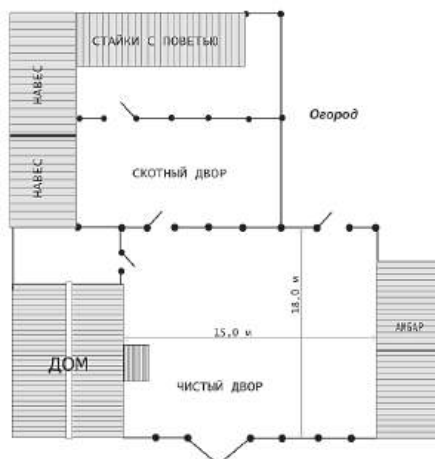
¹⁰ Цит. по: Кожин В. Загадки истории XX в. // Наш современник. 2000. № 5. С. 202.

скота (многие крестьяне трактовой зоны содержали до 30 лошадей и до 9 и более голов крупного рогатого скота) — все эти условия способствовали утверждению и распространению в крае дворов среднерусского типа. Дневное содержание скота на воздухе позволяло избежать в стойках сырости и иметь в этих помещениях чистоту и порядок. Кроме того, свежий воздух и обилие солнечных лучей способствовали укреплению здоровья животных. Строительство открытых дворов обходилось значительно дешевле, чем закрытых.

Третья часть двора, состоящая из функциональных построек, связанных с обработкой зерна: овины, гумно, ток, давно вышла из современного крестьянского обихода и в естественных условиях уже не встречается. По воспоминаниям информаторов и по материалам дореволюционной этнографической литературы, этот комплекс устанавливался в конце огорода.

Планировка усадебных комплексов трактовой историко-культурной зоны со второй половины XIX в. сводилась к четырем основным типам.

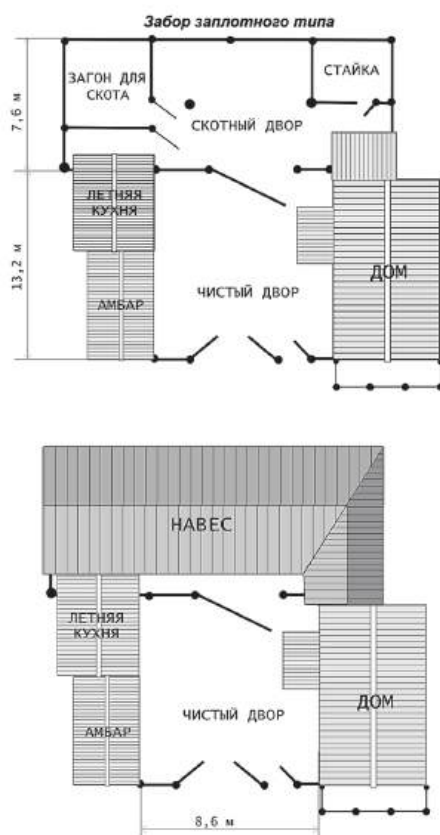
Первый тип представлял собой вертикальную планировку дворов: чистого и скотного. Чистый двор формировался домом, амбаром, навесом, погребом и был отделен от скотного заплотом и воротами, в некоторых случаях (с. Тайтурка — бывший постоянный двор) — навесами. Колодец и баня — в огороде. Такая планировка дворов встречается в трактовой зоне повсеместно, но более всего подобных дворов сосредоточено в с. Кимильтей Зиминского района.



План-схема усадьбы в селе Кимильтей (ул. Чкалова, 22).

Выполнен О.Ю. Фроловой

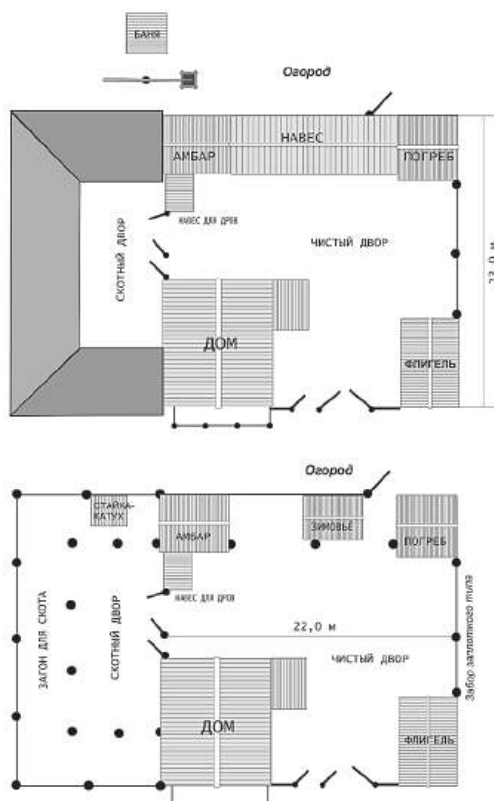
Второй тип планировки усадьбы — чистый двор объединяется со скотным двором в единое целое и отделен от него калиткой и жердевой перегородкой. Он также встречается в этой трактовой зоне повсеместно. Постройки ставятся по периметру по схеме: амбар, навес, зимовье или баня, навес, покрывающий всю заднюю стенку периметра. Под навесом по бокам его две стойки без крыш. Пространство между стойками занимает загон для скота. Двор имеет ярко выраженный П-образный вид. План такой усадьбы составлен по усадьбе в с. Узкий Луг. Подобный тип усадьбы встречен был нами во многих селах: Бельское, Рязаново, Тельма, Введенщина и др.¹¹



План-схема усадьбы в селе Узкий Луг Черемховского района
(ул. Береговая, д. 133). Выполнен О.Ю. Фроловой

¹¹ Материалы обследования селений трактовой историко-культурной зоны.

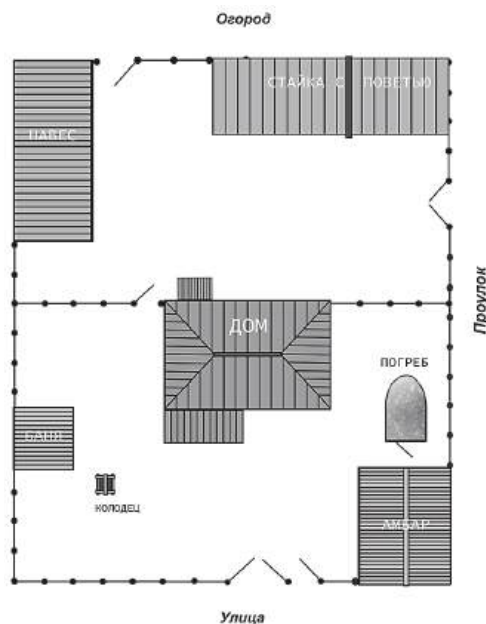
Третий тип. В усадьбе чистый двор образуется домом, напротив него по периметру поставлены зимовье, навес, в углу боковой и задней стен заплота, объединенных навесом, устроен погреб. Под этим же навесом — амбарчик без крыши, а в другом углу уже скотного двора поставлена стайка-катух, также без крыши. Навес продолжается по боковой стене заплота и заканчивается стайкой с поветью и воротами с заплотом, примыкающим к дому. Такого типа усадьбы также широко бытуют в этой зоне. Схема планировки выполнена по усадьбе Юрия Лыкова, с. Никольск¹².



План-схема усадьбы в селе Никольск Иркутского района (пл. Советов, д. 23). Выполнен О.Ю. Фроловой

¹² Материалы обследования селений трактовой историко-культурной зоны.

Четвертый тип планировки усадьбы, зафиксированный нами, — нетрадиционный. Строения здесь поставлены по желанию хозяина. Такие усадьбы единичны. Одна из них — усадьба Шукловой из с. Большежилкино Усольского района. Дом и амбар из усадьбы вывезены в АЭМ «Тальцы». Планировочная схема ее изображена на плане детальной планировки «Трактовое старожильческое село конца XIX – начала XX в.», выполненном архитектором С. Коровкиным.



План-схема усадьбы Шукловой в селе Большежилкино
Усольского района. *Выполнен О.Ю. Фроловой*

К нетрадиционной крестьянской планировке относились купеческие усадьбы. Чистые дворы таких усадеб занимали 20 и более соток земли. В них стояли многочисленные постройки: амбары, флигель, конторка и т. д. Общая площадь, занятая под постройки чистого и скотного дворов купеческой усадьбы, составляла, как правило, полгектара и более.

Таким образом, несмотря на обилие отмеченных нами планировочных структур усадеб трактовой историко-культурной зоны, господствует в них все же вертикально перпендикулярное по от-

ношению к улице расположение дворов. Такое расположение объясняется плотностью застройки поселения, что характерно для многолюдных сел, стоящих по тракту. Крестьянские усадьбы подобных селений в плане представляют собой прямоугольник, выходящий короткой стороной на улицу. Занимая небольшие по площади участки в улицу, усадьбы имели вид замкнутого пространства, застроенного определенного вида постройками, которые могли варьироваться в зависимости от нужд хозяина. В основе же, как уже отмечалось, усадьба состояла из чистого и скотного дворов. В чистом дворе находились дом, выходявший одним фасадом на улицу, амбары, завозни, зимовья, иногда бани, погреба; в скотном дворе — стойки с поветью, загоны для скота, навесы. Колодец и баня были в огороде близ скотного двора, гумно с овинном или шишом, реже ригой — в конце огорода. По улице изба, зимовье или амбар объединялись в одно целое калиткой с воротами, крытыми двухскатной кровлей, со стороны огорода — широким навесом. В результате этого усадьба, имея строгую завершенность, выглядела издали как усадьба с крытым двором.

Планировка заимок, деревень, сел и крестьянских усадеб, выявленная нами во время экспедиционных исследований и описанная выше, соответствует данным, представленным в трудах крупных исследователей деревянного зодчества Восточной Сибири А.Е. Ащепкова¹³ и Г.К. Вагнера¹⁴, и была заложена в основу планировки усадебных комплексов экспозиции «Старожильческое село трактовой историко-культурной зоны» (фрагмент). В основе своей фрагмент старожильского села состоит из памятников, характерных для этой зоны, которые отражают типичность крестьянских построек этого региона, срубленных плотниками традиционно на высоком профессиональном уровне.

¹³ Ащепков Е.А. Деревянное зодчество Восточной Сибири. Новосибирск, 1950.

¹⁴ Вагнер Г.К. Деревянное зодчество старожилов по Якутскому тракту; Он же. Деревянное зодчество Среднего Приангарья.



Архитектура трактовых сел Предбайкалья

Традиционные жилища крестьян трактовой историко-культурной зоны Предбайкалья формировались в определенной исторической среде и имели наряду с общими для всей губернии архитектурными чертами свои особенности, связанные с природными, социальными и экономическими условиями развития этого региона. В первоначальный период освоения края (XVII–XVIII вв.) основными насельниками его были крестьяне севера и центра России, которые, не зная природных и климатических условий нового края, а также в силу традиций должны были, обустроиваясь на новых местах, ставить жилища сообразно постройкам места, откуда они прибыли.

Вопрос, какими были дома первых поселенцев Восточной Сибири и в частности в трактовой полосе Иркутской губернии, далеко не праздный. Только выделив архитектурные и конструктивные особенности жилья русского населения периода первоначального освоения Предбайкалья, можно с большой достоверностью проследить эволюцию крестьянского жилища, сохранение в нем традиционного и введение определенных новаций, вызванных новыми условиями жизни. К сожалению, домов, насчитывающих 250–300 лет, уже нет, поэтому судить об их облике можно лишь по данным, которые оставили нам жители селений, и по трудам исследователей деревянного зодчества, видевших эти дома воочию. Однако сведения о домах второй половины XVII – середины XVIII в., их архитектуре довольно скудны и большей частью относятся к домам Иркутска. Эти сведения оставили либо жители Иркутска, либо путешественники XVIII – начала XIX в. Тем не менее такие описания для исследователей архитектуры очень важны, так как по существовавшей в народе традиции дома этого периода ставились одного типа независимо от места нахождения — в городе или деревне. Самые ранние описания — начала XIX в. — старинных домов Иркутска встречаются у Е. Авдеевой-Полевой: «Лет сорок назад все дома строились самым старинным манером. Обыкновенно двор обносили высоким забором, что в Иркутске называют заплот... Передний двор вымощен бывал досками. Дома были высокие и строились в два жилья: вверх горницы, а нижнюю половину занимала кухня, которую называют там подклет, и кладовая, по-тамошнему, подвал. Если дом был в одно жилье, то низ занимало подполье, род сухого погреба, и подвал. Крыльцо делали высокое, внизу обнесенное ре-

шеткою, с дверцами... сени большие тоже со скамейками кругом стен и с двумя окнами. Летом в сенях обедали и ужинали <...> Горницы разделялись сенями на две половины...»¹⁵.

Итак, по описанию Е. Авдеевой-Полевой, дома в Иркутске были двух типов. Первый, самый распространенный, — в два жилья, строился на высоком подклете, который выполнял роль первого этажа, предназначенного для хозяйственных целей. Второй тип — в одно жилье, описан менее подробно, однако, основываясь на свидетельстве Авдеевой-Полевой, что дома в одно жилье имели высокое крыльцо и сухое подполье, мы можем считать, что такие дома ставились также на высоком подклете, но был он не жилым (дом, который насчитывал до настила полов 6 и более венцов, определялся как дом, поставленный на подклет). Такие дома были характерны для севера России. Таким образом, оба типа домов, характерных для Иркутска, относятся к северному типу жилых построек, которые были распространены в Архангельской, Новгородской и других северных губерниях России. То, что тип домов, описанный Е. Авдеевой-Полевой как преобладающий в Иркутске, действительно был таким, подтверждается статистическими данными писцовой книги за 1686 г. По переписи населения, отраженной в ней, более двух третей дворов принадлежали выходцам с севера России¹⁶.

Труды исследователей крестьянской архитектуры М.В. Загоскина и И.И. Серебренникова относились по времени к концу XIX — началу XX в. Увиденные и описанные ими старинные дома, в настоящее время ставшие большой редкостью для Иркутской области, соответствуют описанию домов, оставленному Е. Авдеевой-Полевой, а фотография И.И. Серебренникова, зафиксировавшая дом в с. Мальта Иркутского уезда¹⁷, дает дополнительные представления о внешнем виде дома, его конструктивных особенностях и декоре. Как и северный дом, он высок, монументален, характеризуется скупостью архитектурных украшений, доведенной до аскетизма. Даже повалы, обычно скульптурно обработанные, в этом здании оканчиваются круглыми бревнами с разной величиной выпуска. Единственное украшение, которое позволили себе мас-

¹⁵ Авдеева-Полева Е. Записки и замечания о Сибири // Записки иркутских жителей. Иркутск, 1990. С. 19.

¹⁶ РГАДА. Ф. 214. Д. 941.

¹⁷ Серебренников И.И. Памятники старинного деревянного зодчества. Иркутск, 1915. Ил. 36.

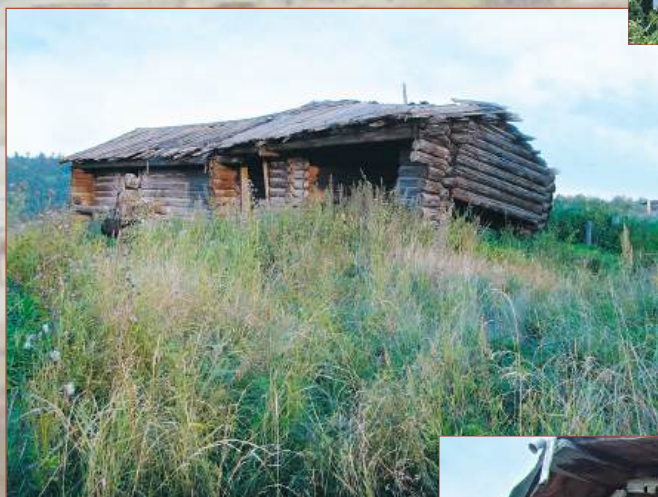


Старинный дом, село Мальта. Фото И.И. Серебrenникова

тера, — это конек с зубчатым завершением. На снимке дом виден с торцевой, а также боковой стороны с крыльцом, выходящим во двор. Дом-пятистенник, рублен в «обло», крыша самцовая, со стороны двора дом имеет три окна: одно сенное и два непосредственно освещающих жилище. Большое окно прорублено по центру стены, косяки трехосные, соединены между собою способом в «ус», подобное устройство окна — характерная деталь XVIII в.¹⁸ Второе окно волоковое, прорублено рядом с углом довольно низко. На торцевой части также два окна, устроены они подобно тому, как на боковой стороне. Дом обшит завалинкой, изготовленной из жердей. Со двора выше завалинки прорублено отверстие — продох, используемое одновременно для засыпки овощей в подполье. В подклет ведет дверь, которая находится рядом с крыльцом. Крыльцо высокое, однокатная кровля вынесена за его пределы, закрывает ступеньки и подход к ним от дождя и снега, покоится на трех мощных столбах.

Село Мальта было в конце XVII в. основано Вознесенским монастырем. Судя по ревизским сказкам, просмотренным нами, с 1722 по 1762 г. жителями этого села были крестьяне, которые при-

¹⁸ Орфинский В.П., Яскелян А.Т. Хронологическая атрибуция сооружений деревянного культового зодчества // Народное зодчество. Петрозаводск, 1999. С. 167–169.





были сюда с севера России. Таким образом, и описания Е. Авдеевой-Полевой, и фотография дома из Мальты И.И. Серебренникова подтверждают, что дома конца XVIII в. строились еще по тради-



Старинный дом, село Бельск. Фото из личного архива Г.Г. Оранской

циям тех мест, откуда прибыли поселенцы. Современные исследования архитектуры Иркутской области выявили в трактовой полосе ряд памятников конца XVIII – начала XIX в. Такие постройки сохранились в с. Бельск Черемховского района, основанном казаками в 1669 г. Если учесть, что в среднем деревянные дома эксплуатируются 100–150 лет, то можно сделать вывод, что старинные дома Бельска, дошедшие до нас, являются представителями второго поколения домов, т. е. того периода, когда традиция строительства жилых построек, завезенная сюда переселенцами, была все еще господствующей. Однако эти дома сильно отличаются от описанных иркутских до-

мов, домов с. Грановщина, дома из с. Мальта. Основное отличие их — отсутствие подклета, как, например, в доме М.М. Болотенко в с. Бельск. Подобные старинные дома без подклета встречаются и на р. Лене, в частности в Верхоленске (дом 18 по улице Пуляевской), и дом Шеметовой из с. Шеметова Качугского района (вывезенный в музей «Тальцы»), дом — бывшая почтовая станция с. Введенщина Шелеховского района и др. Возникает закономерный вопрос: что это — изменение традиций или дома подобной конструкции существовали здесь в первый период освоения земель русскими? Поскольку описаний домов без подклета XVII – первой половины XVIII в. не встречено, а сами они не сохранились, то ответ на этот вопрос надо искать, видимо, в домостроении Европейской России и русского Севера, как там развивалась архитектура, каковы были



истоки, питавшие ее. Довольно полное освещение данного вопроса встречаем в работе О.Г. Севан «Типология жилых домов русского Севера». Обследуя районы, входившие в Архангельскую губернию, автор этого труда выявила, что здесь характерными были два типа жилищ: дома с высоким подклетом и дома без подклета. Распространенность их по территории была следующей: западную и центральную часть губернии составляли в основном дома с высоким подклетом, восточную — это сольвычегодские земли и земли нынешней Республики Коми — дома без подклета. Конструктивные различия, наблюдаемые в домах одной и той же губернии, возникли, считает О.Г. Севан, вследствие двух колониистских потоков русских, которые начали осваивать северные земли с XVII в. Один поток шел из новгородских земель, переселенцы которых и распространили здесь широко бытующие до настоящего времени дома с высоким подклетом. Второй поток переселенцев на северные земли шел из Ростова–Суздаля, т. е. из центра России. Ими, как правило, осваивались восточные земли Архангельской губернии, и именно там возникли дома без подклета¹⁹.

Участие в заселении юго-западных земель Предбайкалья в XVII – XVIII вв., как следует из глав 3 и 4, принимали выходцы из двух регионов России — с европейского севера и из центра. Поэтому дома без подклета должны были быть распространены здесь, так же как и северные, с XVII в. Это явление, на наш взгляд, отражают уцелевшие дома конца XVIII в.

В первой половине XIX в. строительная технология домов старожильского населения трактовой историко-культурной зоны Предбайкалья претерпела изменения. Дома стали строиться без подклета, был увеличен размер окон. Глухой массивный фронтон оживился небольшим слуховым окошечком, оформленным по краю стесом бревен и косыми зарубками, которые придавали ему вид косячатого (т. е. маленького окна с массивными косяками, соединенными способом в «ус»). Набор украшений домов: крылечки, полотенца, причелины, конек на охлупне — остался неизменно традиционным. В результате увеличения размеров окон в самом срубе, уменьшения высоты дома, устройства на массивном глухом фронте оригинально украшенного окошечка дома утратили свою неприступную суровость, которой отличались их предшественни-

¹⁹ Севан О.Г. Типология жилых домов русского Севера. 1981. Т. 1. Музей «Малые Корелы», арх. № 1739, шифр 120.

ки. Они стали выглядеть более нарядными, легкими, открытыми, подстать окружающей их природе с бесконечно утопавшими в цветах лугами и перелесками ²⁰.

Домов подобного типа, сохранившихся до нашего времени, достаточно много, они встречаются не только в трактовой зоне, но и на Лене в с. Верхоленск и в с. Анга Качугского района. Особо выделяется среди таких домов дом Шукловой из с. Большежилкино Усольского района, отличающийся совершенством пропорций, выразительностью украшений, выполненных мастерами-плотниками на высоком профессиональном и художественном уровне. Этот дом в 2001 г. был вывезен в музей «Тальцы» и собран в предварительной сборке в ожидании дальнейшего размещения в формируемой в музее трактовой экспозиционной зоне. Отход от ранее существовавшей строительной традиции был вызван причинами природного и экономического характера. Большую роль в строительной технологии домов сыграл крестьянский рационализм, который был основой ведения хозяйства крестьянина. Сухая земля, малоснежная зима позволили крестьянину отказаться от высокого подклета, который был необходим при строительстве домов на севере из-за сырости почвы и больших снегов. Производство оконного стекла в конце XVIII – начале XIX в. на Тальцинском и Тельминском стекольных заводах, расположенных по Московскому тракту, привело к естественной замене слюдяных окон и окон, затянутых бычьими пузырями, на стеклянные, а также к увеличению их размера. Однако введенные плотниками в этот период в строительство дома новации не коснулись основных конструктивных элементов. Дом по-прежнему состоял из клетки с самцовой крышей с неизменным набором перечисленных украшений.

В начале XIX в. в архитектурном отношении особое место на трактовых землях Предбайкалья заняла Тельма, в которой при строительстве административных зданий и домов, предназначенных для проживания администрации суконной фабрики, были применены новая строительная технология (стропильная система кровли, вальмовая крыша, профилированный карниз) и новые формы украшений. Дома на городской манер обшивались досками. Распространенным приемом отделки зданий было устройство ложных венецианских окон. Лицевой фасад украшался колоннами или

²⁰ Материалы обследования селений трактовой историко-культурной зоны сотрудниками АЭМ «Тальцы».



Дом Шукловой, село Большежилкино. Фото И.Ю. Бержинского

пилястрами. Эти новации в строительстве домов Тельмы были введены московскими чиновниками высокого ранга, вынужденными из-за организации работ на фабрике проживать здесь длительное время.

В 1823 г. известный путешественник по Сибири Алексей Мар-тос, побывавший в Тельме проездом, оставил подробное описание



Дом в селе Тельма. Фото В.Т. Щербина

некоторых строений и общего состояния архитектуры этого селения, отметив в его развитии определенные направления. Мартоса удивило обилие домов, выполненных в классическом стиле, в небольшой слободе, значительно отдаленной от центра. «Даже часть рабочих, — отмечал он, — строили свои дома с ионическими колоннами»²¹. До нашего времени следы увлечения классицизмом при строительстве домов в Тельме сохранились лишь на центральной площади, с которой селение начало развиваться и где были сосредоточены административные здания и жилые дома чиновников Тельминской суконной фабрики. Из старых строений сохранилось два здания. Одно, первой половины XIX в., было, по-видимому, конторой и первоначально представляло собой одноэтажный дом, обшитый корабельной доской. На его уличном фасаде имелось четыре крупных окна, одно из которых было ложным венецианским, остальные — прямоугольной формы с наличниками классического типа. Лицевой фасад украшали пилястры. В начале XX в. к дому был прирублен второй этаж способом в «лапу» (первый этаж был рублен в «обло»). Уступ, получившийся на доме после обшивки второго этажа досками, позволил усилить ступенчатым переходом красоту пилястр. За счет введения в оформление второго этажа элементов классицизма (пилястры, наличники классического типа с высокой лобанью, украшенной накладной резьбой и заканчиваю-

²¹ Мартос А. Письма о Восточной Сибири. М., 1927. С. 32.



шейся сандриком) в облике дома было сохранено стилевое единство ²².

Элементы второго дома середины XIX в. менее выразительны. Дом глаголеобразный, с крышей, стропильная система которой устроена по-голландски — лучеобразно. Пилястры заменяют вертикально прибитые доски. Дом редкий, и как и бывшая контора суконной фабрики, рекомендован для вывоза в музей «Тальцы». За пределами площади домов с элементами классического стиля практически нами не встречено, нет их в деревнях и селах, расположенных близ Тельмы. Этот факт дает право утверждать, что классический стиль, введенный в строительство зданий чиновниками, оказался чужд народному восприятию красоты, не задел эстетические чувства народа и потому не распространился.

Новый этап в развитии народного архитектурного искусства в трактовой историко-культурной зоне Предбайкалья пришелся на вторую половину XIX – начало XX в. Этот этап характеризовался обилием разноплановых домов: клетки, пятистенки, глаголеобразные дома, дома-крестовики, двухэтажные особняки богатой сельской верхушки. Разнообразие типов домов этого периода свидетельствует о сложном внутреннем процессе, происходившем в экономической жизни крестьянства. Трактовые села из-за выгодного географического размещения быстро превратились в волостные центры, которые стали средоточием всей экономической жизни селений данной волости. К концу XIX в. широкое развитие в них получила местная торговля. В крупных селах: Зиме, Черемхово, Тулуне, Заларях, Кутулике, Усолье — по праздникам проходили ярмарки, а по воскресным дням велась оживленная торговля. В этих селах к началу XX в. развились промышленные предприятия: кожевенные, спичечные, стекольные, винокуренные, мыловаренные и т. п. Произошли значительные изменения и во внешнем виде селений. Многие дома трактовых селений стали строиться на городской манер. Наряду с давно существовавшими общественными зданиями, почтовыми станциями, этапами, полуэтапами возникли новые: школы, больницы, доходные дома, а в Зиме и Черемхово даже гостиницы. Таким образом, по разнообразию занятий жителей и их экономической деятельности, а также по внешнему виду домов трактовые села стали практически небольшими городами.

²² Материалы обследования трактовой историко-культурной зоны сотрудниками АЭМ «Тальцы».



Дом купца Сапожникова, село Залог. Фото В.В. Тихонова и О.Ю. Фроловой



Среди жителей этих селений выделился и обособился слой зажиточных и богатых крестьян, у которых возникло отличительное от традиционного крестьянского жилья домостроение. В результате, с одной стороны, наблюдался процесс упрощения строительной технологии, о чем свидетельствуют дома-пятистенки и дома-клети, с другой — усложнение конструктивных элементов и архитектурных форм, в основу которых легли элементы древнерусской архитектуры, пример этого — глаголеобразные дома, дома-крестовики и купеческие сельские особняки.

К концу XIX в. из домостроения почти совсем исчезла самцовая кровля, она заменилась стропильной. Для бедняков и середняков стропильная система кровли удешевила стоимость строительства дома, богатым и зажиточным — дала возможность введения в облик здания новых архитектурных форм, которые резко меняли устоявшийся традиционный облик крестьянского жилища. Причин, вызвавших замену самцовой кровли на стропильную, было несколько: это значительное уменьшение количества лесов в трактовых землях, развитие строительной техники (пила, ранее не употреблявшаяся при строительстве дома, стала, как и топор, неотъемлемым рабочим инструментом плотника), экономические и социальные процессы, проходившие в крестьянской жизни, влияние на сельскую архитектуру городской культуры.

Немалую роль, а может быть даже главную, в замене самцовой кровли на стропильную сыграла утрата гармонии внешнего вида дома с окружающими его постройками. Самцовая кровля сохранилась в конце XIX — начале XX в. в тех местах, в которых жилище не было стеснено близко поставленными постройками: домами, амбарами, стайками. Само народное воззрение на дом с самцовой кровлей как на микрокосм, выработанное еще во времена язычества, требовало определенной пространственной свободы в окружающей его среде, так как только при этом условии дом действительно выглядел отдельным миром, который, находясь на земле, в то же время как бы входил во вселенную и являлся ее неотъемлемой частью. В связи с воззрением на дом как на микрокосм народом была разработана целая система знаков, определяющих дом в этом значении. Это конек или утица, завершающие верх крыши, курицы и причелины с солярными знаками. Являясь выражением определенной народной идеологии, данные знаки одновременно составляли стройную, отработанную веками систему украшений дома и в этом отношении в едином комплексе с ним достигли совершенства.

С изменениями планировочной структуры трактовых сел Предбайкалья, вызванными их быстрым ростом, разрывы между домами сократились до минимума. Из-за экономических выгод, которые давал тракт, жители этих селений не хотели строиться в отдалении от него, село тянулось вдоль тракта на многие километры, поэтому место для развития усадьбы вширь стало экономиться. Чистый двор сузился, а скотный был перенесен за дом в сторону огорода. Из-за стесненности, в которой оказались строения, система украшений, требовавшая для своего восприятия определенного простора, перестала соответствовать эстетическому народному идеалу и нуждалась в замене. Народ, воспитанный природой, очень чутко реагировал на подобное несоответствие, гармония, царившая в природе, должна была продолжаться и в его строениях. К тому же и сама символика, когда-то так необходимая ему для выражения идеи, потеряла свое значение. Она продолжала использоваться только по традиции и до тех пор, пока соответствовала идеалам народной красоты. Воззрение на жилище уже давно стало христианским. Дом в этой системе рассматривался как малая церковь. По новому обычаю построенное жилье освящалось, в красном углу устраивалась божница (домашний иконостас), перед ней вешалась лампада, которая зажигалась во время семейной молитвы, болезни кого-либо из домочадцев и по праздникам. У наиболее благочестивых крестьян лампаду зажигали каждое утро и вечер.

Таким образом, с 70-х гг. XIX в. под напором объективных причин самцовая кровля, не одно столетие господствовавшая в строительной технологии народной архитектуры, «рухнула». понадобилось всего 60 лет, чтобы она почти полностью исчезла из домостроения. Замена самцовой кровли на стропильную стала поворотным моментом в развитии народной архитектуры трактовой историко-культурной зоны Предбайкалья, так как открыла новые возможности в домостроении. С распространением в селах домов со стропильной крышей в трактовые села вошла и быстро распространилась городская архитектура. Дома селений конца XIX – начала XX в. разделились по строительной технологии на две неравные части. Первая, большая часть состояла из домов-клетей и пятистенков. Стропильная кровля их, в зависимости от размера дома, была либо двухскатной, либо четырехскатной, или, как называли ее в народе, круглой. Дранье — ранее основное покрытие крыши — стало заменяться тесом. Большая часть таких домов выходила на улицу торцом и имела по узкому фасаду от двух до



трех окон, украшенных наличниками преимущественно барочного типа. Другой распространенный тип наличников — украшенные пропиленной резьбой геометрического и растительного орнамента. Дома, украшенные таким образом, выглядели весело и нарядно и составляли в уличном ряду один из видов бесконечно тянувшегося разнообразного узорочья, которое изредка прерывалось домами зажиточных крестьян, купцов, промышленников, постройки которых представляли собой внушительных размеров особняки городского типа.

Обладая значительными средствами, богатые крестьяне не могли довольствоваться крестьянским домом с его простым устройством и относительно небольшими размерами. Такой дом не мог обеспечить структуру их хозяйственной деятельности и соответствовать занимаемому ими положению в обществе. Процесс строительства нового типа домов зажиточных семей в селах был ускорен возможностью выбора ими необходимого образца в Иркутске, в котором по роду своей деятельности крестьяне часто бывали и могли любой понравившийся им дом взять за аналог для строительства нового жилища у себя в селе. Такие дома ими часто строились без всяких изменений. Примером подобного строительства может служить дом купца Сапожникова из с. Залог, который был построен городскими плотниками и идентичен сохранившимся старинным домам Иркутска, в частности дому 7 на улице Грязнова.

Другие хозяева при строительстве нового жилья, взяв за образец городской дом, вводили значительные изменения, усиливая в его архитектуре традиционное русское начало. К таким домам можно отнести дом Борисова в с. Красное Поле Заларинского района, дом Выборовой в с. Никитаеве Тулунского района и многие другие. Ареал их распространения на трактовых землях был довольно широк, дома такого типа можно встретить в селах Хомутово, Оек и во многих других населенных пунктах. В плане это были глаголеобразные высокие одноэтажные дома с четырехскатной крышей и прирубленными к дому со стороны чистого двора двухэтажными сенями, крытыми на два ската. Второй этаж сеней, как правило, представлял собой холодную светелку, опоясанную галереей или украшенную балкончиком на свесах. Вход в дом шел через широкое и довольно высокое крыльцо, украшенное фигурными столбастойками. На них опиралась односкатная кровля крыльца.

В таких домах вновь возродился исчезнувший из крестьянского домостроительства высокий подклет, но уже не как необходимость,







Дома Татарниковых, село Красное Поле, Заларинский район.
 Фото А.К. Нефедьевой

а для увеличения высоты дома. По народному представлению, высокий дом всегда считался красивым ²³.

Наличие светелки, галерей и балкончиков, украшенных точеными балясинами крылечек с резными столбами возвращало дом в архитектурном отношении к исконно русским традициям. Эти эле-

²³ Забелин И.Е. Черты самобытности в древнерусском народном зодчестве. М., 1900.



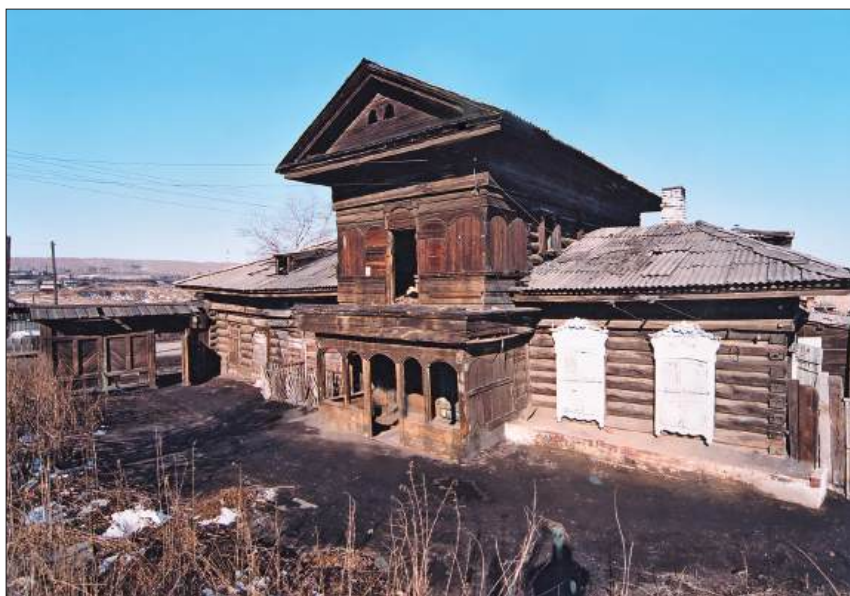
менты архитектуры широко использовались народными зодчими при строительстве домов и церквей. Дома, частично воплотившие в конце XIX – начале XX в. старые строительные традиции, были необыкновенно выразительны и уютны.

Домов богатых крестьян, перешедших в купеческое сословие, было и в дореволюционное время немного — один, реже два на крупное, чаще волостное, село. Они, как уже отмечалось, резко выделялись из общей среды крестьянских построек и наряду с церковью выполняли роль доминанты прилегающей к ним местности и в общем виде трактового села.

К сожалению, в настоящее время увидеть сельскую купеческую усадьбу в полном объеме невозможно. Брошенные спасающими свою жизнь владельцами, эти усадьбы после установления советской власти первыми подверглись разорению. Многие дома были разобраны и увезены в другие селения, остальные стали использоваться по новому назначению — они стали школами, больницами. Часть же домов превратили в коммунальные жилища. Все эти нововведения привели к определенным архитектурным изменениям в их внешнем и внутреннем облике.

Характерной особенностью сельских купеческих домов было наличие в них торговой лавки, вход в которую был устроен с улицы. Соединение торгового помещения с жильем увеличивало размеры дома, усложняло его конструкции. Так, например, дом купца Воинова в пос. Кутулик со стороны улицы выглядел крупным пятистенком, к которому со двора через сени с высоким арочным крыльцом примыкал еще один дом. В результате жилье имело Г-образный объем размерами 25 x 30 м. Второй этаж состоял из мезонина, украшенного балкончиком и разноплановыми окнами. В архитектуре были использованы два стиля: классицизм — арочное крыльцо, опирающееся на стойки-колонны, и барокко — наличники. Внешне дом с мезонином по архитектуре и размерам напоминал дворянскую усадьбу средней полосы России. Это сходство, думается, еще бы усилилось, если бы дом не выходил одним из фасадов на улицу, а стоял, как это было принято у дворян, в глубине усадьбы.

Остальные виденные нами дома богатых крестьян, занимавшихся торговлей, уже сильно разрушены, стоят бесхозными; в архитектуре их преобладает классицизм. Все столярные работы по отделке зданий выполнены были на высоком профессиональном и художественном уровне, будь то дом купца М. Сапожникова в



Дом купца Воинова, поселок Кутулик. Фото В.В. Тихонова

с. Залог или дом купца Давыдова в с. Тунка, который настолько огромен, что поражает воображение. Жители Тунки, рассказывая об этом доме, отмечают, что крестьяне, нанятые купцом для заготовки леса, готовили бревна десятиметровой длины, диаметром 26–30 см. Купец щедро расплачивался с крестьянами, выплачивая за каждое бревно по 3 рубля. Массивность постройки скрадывалась изяществом отделки, свойственной классицизму: арочные окна обширной мансарды, разделенные лишь фигурно обработанными стойками, придавали дому необыкновенную нарядность и легкость, которая усиливалась пилястрами, украшенными каннелюрами и тонкой, искусно выполненной накладной резьбой, филигранной резьбой были украшены карниз и фриз здания.

Итак, трактовое село конца XIX в., тянувшееся одной улицей на несколько километров, не выглядело скучным. Несмотря на устойчивость основных типов крестьянских жилых построек, разнообразие архитектурных элементов: оконных проемов с резными наличниками, разного вида крылечек и ворот, украшенных резьбой карнизов и фриз домов — вносило в однотипные крестьянские избы резко отличные, индивидуальные черты, придавая каждому дому свойственное только ему своеобразие. Село украшали также не типичные для крестьянской архитектуры купеческие дома, общественные постройки: школы, больницы, этапные



тюрьмы, выглядевшие своеобразными неприступными крепостями. Живописно разбросанные вокруг села изгороди вместе с окружающей природой придавали ему неповторимое очарование, что не раз было отмечено путниками, проезжавшими по тракту.

РЕЛИГИОЗНО-ЭТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ КРЕСТЬЯН НА ЗЕМЛЮ И ТРУД

Вера, земля, человек. Три главных, коренных слова русской цивилизации, три основополагающих ее понятия, три кита, на которых она стояла и пока удерживается, — всеобщее единство нации.

В. Распутин

Для православной этики русского крестьянина характерно понимание труда как источника и способа стяжания Божьей благодати («Бог труды любит», «Царство небесное трудно»). Вера и труд занимали центральное место в системе ценностей русского крестьянина — христианина по вере и христианина по образу жизни. Тружеником, трудником, в русском языке назывался человек, обрекший себя на тяжкие труды, подвижник, мученик, трудящийся неутомимо.

Русские: энциклопедия

«Господь повелел в поте лица от земли кормиться», — говорили крестьяне, убежденные, что только таким трудом они могут оправдать перед Богом свою грешную жизнь и заслужить милость Божью. Осознавая, что труд крестьянский тяжел и не привыкшему к нему с детства человеку бывает не по силам, привлекали к крестьянскому труду детей с раннего возраста. По воспоминаниям крестьян трактовых селений, каждый мальчик в 12–14 лет уже пахал землю. А более легкую работу — боронование — вели с шести-семилетнего возраста.

В тяжкие годы испытаний, которыми так богата история России, к таким, по существу своему мужским, работам привлекались даже девочки. «Вот поле боронишь, Господи, не оборони-ка



хорошо мѣжу, председатель придѣт (...), мы же мѧленьки были, по шесть-семь лет, а боронили уже.

— *Абóй!* Девчонки! Чѣ же вы мѣжу-то не окаймили? Вот вы платочек окаймите — он же красивый! А если не окаймите, он же некрасивый, да *еишо* осыпется, вся красота опадѣт!..

Вот. Строго всё было, строго. Как пашня начинатся, и вот её и боронишь. Потом полосу заборонишь, снова опеть её объезжашь, <...> борозду делаешь. Вот так. Строго было. Пашня-то — как платочек вышитый! И вот всё время говорил Василий Васильевич нам:

— *Абóй!* Девчонки, платочек плохо у вас окаймѣнный.

Порядок был, порядок. А когда *пóлотье*, этот *колю́жник-то, осóт*, пололи, он же колется. Мне было шесть лет, я полола. А сейчас?! *Абóй!* Не могу видеть, сердце-то всё изболело, Господи! Все поля *запустѣли*»¹.

Приведенный из рассказа жительницы с. Коношаново Жигаловского района отрывок свидетельствует, что привлеченные к труду дети воспитывались в уважении к земле и ответственности к делу. Оно должно быть выполнено так, чтобы вызвать восхищение у окружающих. «Поле должно быть как платочек вышитый», — требовал председатель от девочек. И, несмотря на тяжелое военное время, когда, как говорится, не до жиру — быть бы живу, он не переставая внушал им, что только хорошо, качественно выполненная работа красива, объясняя суть своего требования на понятных для детей образах.

Крестьянские дети, часто и рождавшиеся на поле, все время сезонных работ проводили на нем, помогали отцам и матерям, выполняя посильную работу. Постоянно находясь на лоне природы, они с раннего детства, еще не осознавая в полной мере окружающий мир, впитывали его в себя: поглощая запахи свежеспаханного поля, цветущей ржи, излучавшей стойкий, неповторимый и ни с чем не сравнимый запах хлеба.

В ясные погожие дни, когда дети находились среди полей, казалось, что запахи эти рождает и земля, и цветущие на ней растения, и само небо, звенящее трелями жаворонков. Эти детские ощущения красоты мира, его гармонии и разлитой в нем Божьей благодати навсегда, где бы человек ни жил впоследствии, сохранялись

¹ Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири. Иркутск, 2007. Т. 1. С. 97.

в его памяти и рождали в нем при созерцании природы ощущение присутствия на земле Бога.

Усвоение красоты мира через крестьянский труд, через благоговейное отношение к нему взрослых на всю жизнь закладывали в душе ребенка понятие святости крестьянского труда и сыновнего почитания матушки-земли. Со взрослением эти детские понятия укреплялись и усиливались знакомством с обрядами, обычаями, поверьями, в которых причудливо переплелись языческие представления о матери-земле с христианским учением. И это естественно, так как вера народная была живой. Народ не отделял свою жизнь от Бога, святых и земли — божества, созданного Богом. Вмешательство их в жизнь человека и участие в ней были постоянным и непрерывным явлением.

«Бог ходил по земле, ходил *помирушкой*, нишиим сделался. Куда ни пойдёт, его никто не пускает:

— Что ты, что ты! Нет, нет, нет! Мы Господь Бога ждём, должен прийти. Нет, нет, нет!

И не пускают.

— Ну, — *гыт*, — ждите.

...дальше идёт. И в крайну избушку-то, там *Авгусья* жила, у неё мужик-то помер, <...> одиннадцать ртов *с ей*, она пустила его...

— ...у нас даже вас и угустить нечем. Детей даже покормить нечем.

— Ничё, — *гыт*, — хозяйка, Господь Бог всё даст.

Ну и это. Огляделся кругом.

— Сходи, — говорит, — хозяйюшка, в погреб, принеси, — говорит, — хлеб, сама поешь и детей покорми, — *гыт*, — и я, — *гыт*, — поем с вами.

Она пошла и смотрит: чё такое? У неё всё *в дуплё* есть: и хлеб, и рыба, и мука, говорит. Она принесла:

— Ребяты, вставайте, Господь Бог нам дал хлебушку...

(Утром он встал. — *Авт.*), умылся.

— А теперь, — говорит, — дайте мне вытереться.

Она дала ему како-то полотно. Полотенцеж же не было раньше. *Холиши́*овое полотно <...> Ну, он вытерся, подержал на лице эту само полотно, вытерся, взял и повесил. И она после этого подходит и смотрит: Господи! Господь Бог на *етим* полотне! Печать его. *Лик*. Она тогда *доку́милась*, *Авгусья-то*, это сам был Господь Бог (...)

Теперь она собрала народ, показала эту *холиши́*овину.

— У меня был Господь Бог.



Все давай:

— Он в чём?

Он как? (...)

Одна:

— А я его не пустила.

Друга́:

— Я его не пустила.

Давай каяться, давай каяться! А он нишшим сделался. Он испытывал людей (...) Ни в коем случае нишшего не выгоняйте. Это грех»².

Сохранение у крестьян детско-чистого восприятия мира и Бога привело к тому, что «не было в мире народа, который бы так чувственно и родственно поклонялся матери родной земле и так органично ощущал ее в себе. И не было в мире народа, который бы подобно нашему принял веру как дыхание и назвался именем Христа. Два поля обрабатывал крестьянин с одинаковым усердием, от двух насущных хлебов кормился и ни одно не запустил, пока жив-здоров сам был»³. Именно такое чувственно-восторженное отношение к земле ощущаем мы в покаянной притче женщины-староверки, которая перед исповедью опускалась на землю, умывала ею руки, затем становилась на колени и, кланяясь на три стороны, приговаривала:

Еще раз, моя питомая,
Прикоснусь к тебе головушкой,
Испрошу у тебя благословеньица,
Благословеньица со прощеньицем, —
Что рвала я твою грудушку
Сохой острою, расплывчатой,
Что не катом я тебя укатывала,
Не урезливым гребнем чесывала, —
Рвала грудушку бороной тяжелой
Со железным зубьем да ржавьем.
Прости, матушка питомая,
Прости грешную, кормилушка,
Ради Спас Христа, честной Матери,
Всесвятая Богородицы,

² Афанасьева-Медведева Г.В. Указ. соч. С. 134.

³ Распутин В.Г. Земля // Сибирь. 2007. № 1. С. 108.

Да Власия заступника,
Да Ильи-пророка мудрого,
Да Егорья Победоносчика.
Иисус Христос, Спас наш,
Помилуй меня, грешную! Аминь.

Затем вставала, крестилась на часовню и шла в церковь на исповедь ⁴. По понятиям крестьян, земля как истинная мать абсолютно бескорыстно относилась к ним, своим детям, оказывая им любую помощь. К ней обращались знахари и знахарки, испрашивая благословения для сбора целебных трав:

Гой земля еси сырая,
Земля матерая,
Матерь нам еси родная!
Всех еси нас народила,
Воспоила, вскормила
И угодьем наделила;
Ради нас, своих детей,
Зелий еси народила,
И злак всякий напоила
Пельгой беса отгоняти
И в болезнях помогати.
Повели с себя урвати
Разных надобьев, угодьев,
Ради польги на живот ⁵.

Земля же выступала в роли неподкупного и справедливого судьи, защищая невинных. В крестьянском обществе, подозревавшем человека в каком-либо преступлении, достаточно было подозреваемому для своего оправдания съесть кусок земли со словами, что если он врет или неправ, то пусть земля поглотит его ⁶. После такого действия общество снимало с человека всякое подозрение. По народному поверью, земля непременно и тут же при всех собравшихся наказала бы обманщика. Это народное представление прекрасно отражено в былине «40 калик со каликою». Суть былины заключа-

⁴ Свиток Ерусалимский // Духовные стихи. М., 1991. С. 173.

⁵ Афанасьев А.Н. Поэтическое воззрение славян на природу. М., 1994. Т. 1. С. 145.

⁶ Русские: энцикл. СПб., 2003. С. 215.

ется в следующем. В монастыре Боголюбово собирались 40 калик со каликою — атаманом, предводителем Касьяном Михайловичем для похода в Иерусалим, святым местам поклониться. Дорога им предстояла дальняя: «идти селами и деревнями, городами теми с пригородами». А потому положили они заповедь: «кто украдет, или кто солжет, али кто пустится в женский блуд, едины оставить в чистом поле и копать по плечи в сырую землю». Вскоре недалеко от Киева встретили калики князя Владимира и просили милостыню. Владимир, бывший на охоте, не имел с собой денег и направил калик к жене — молодой княгине Апраксевне, которая должна была снабдить их «златом-серебром» для хождения в Иерусалим. Княгиня Апраксевна, сраженная красотой Касьяна, пригласила его в свою спальню. Но Касьян отказался. Тогда оскорбленная княгиня тайно подложила в его суму чарочку серебряную. И когда калики ушли, сказала вернувшемуся с охоты мужу, что они украли его любимую чарочку. Каликов догнали, и при обыске у Касьяна она была обнаружена. По ранее состоявшему уговору-заповеди товарищи оставили Касьяна в чистом поле, закопав по плечи в мать сыру землю. Через шесть месяцев, возвращаясь назад, они наткнулись на Касьяна.



Знахарка собирает травы. Из кн.: Шангина И.И. *Русский народ. Будни и праздники*

Молодой Касьян сын Михайлович
Выскакивал из сырой земли,
Как ясен сокол из тепла гнезда,
А все они, молодцы, дивуются
На его лицо молодецкое.
И стоял Касьян не мало число,
Стоял в земле шесть месяцев.

Дивуясь чуду, пошли калики все вместе к князю Владимиру. Владимир, увидев Касьяна, брал его за руки и повел в гридню. Касьян спрашивает Владимира о княгине, отвечает тот, что неделю-другую не ходит к ней!

Молодой Касьян тому не брезгует,
Пошел с князем в спальню к ней,
А князь идет, свой нос зажал,
Молодому Касьяну-то нечто ему
Никакого духу он не верует...
В та поры княгиня прощалася,
Что несла речь напрасную.
Молодой Касьян сын Михайлович
А и дунул духом святым своим
На молодую княгиню Апраксеvну,
Не стало у ней того духу, пропасти:
Оградил ее святой рукой,
Прощает ей — плоть женскую,
Захотелось ей — и пострада она,
Лежала в сраму полгода.

Так мать сыра земля спасла от смерти невинного Касьяна, питая его своими живительными соками, и жестоко наказала неправую, полгода пролежавшую в «гниошце» ⁷.

Это народное воззрение на землю как мать человечества пронизывало всю духовную жизнь крестьян России. Даже в XVII в. — в пору расцвета христианства — мать-земля остается неизменной в крестьянской идеологии. Так, в «Свитке Ерусалимском» (XVII в.) сообщается, что каждый человек имеет три матери:

Первая мать — Пресвятая Богородица.
Вторая мать — сыра земля,
Третья мать — кая скорбь приняла.
Аще Пресвятая Богородица
Помощи своей не воздаст,
Не может ничего на земле в живее родиться... ⁸.

⁷ Былины. М., 1986. С. 442–452.

⁸ Свиток Ерусалимский. С. 178.

Возможно, сохранению культа матери-земли способствовало христианское учение о происхождении человека. По нему, Господь создал тело человека из земли, которое затем оживил, вдохнув в него душу. Не случайно самым известным народным изречением о круговороте жизни стала поговорка: «Из земли мы вышли — в землю уйдем». Христианские верования сильно пошатнули языческий культ матери-земли, который все более и более стал олицетворяться с Богородицей. Именно ей крестьяне стали приписывать обновление жизни на земле. В праздник Преполовления, часто сопровождавшийся ледоходом сибирских рек, крестьяне с. Уян Куйтунского района, стоя на берегу р. Оки, смотрели, как идет лед, и говорили: «Богородица на льдинке плывет, семена везет»⁹. Обновляя таким образом через разливы вод новыми семенами луга и прибрежные леса, Богородица обновляла природу, создавая условия для жизни людей.



Е.Е. Кошкарова, село Уян. Фото А.К. Нефедьевой

Обязательной иконой крестных ходов с молением о дожде, о ниспослании урожая и т. д. была икона Божьей Матери. В сильный град икону Божьей Матери выносили из избы, ставили на завалинку или какое-либо другое место, молились — и град прекращался¹⁰. За ее милость, помощь и заступничество произвели ее крестьяне в мать России, отдав под покровительство Богородицы всю землю русскую.

Особо чтимые народом святые являлись также постоянными участниками земледельческой деятельности крестьян. По их просьбе православная церковь молила Илью «об отверстии неба и ниспослании дождя», а сами крестьяне, поставив на ворота чашку ржи и овса, приглашали на молебен священника повеличать Илью на плодородие хлеба¹¹. По убеждению крестьян, именно от него зави-

⁹ Информатор Е.Е. Кошкарова, 1907 г. р., с. Уян, Куйтунский район.

¹⁰ Повсеместные верования крестьян Иркутской губернии. Материалы экспедиций.

¹¹ Афанасьев А.Н. Народные русские легенды. Новосибирск, 1990.

село состояние нивы. Свидетельством этому служит повсеместно распространенная в России легенда об Илье и Николае-угоднике.

По ней, мужик, обидевший Илью непочтением, был обречен на разорение, так как поле его с прекрасными всходами Илья ре-



Икона «Никола Можайский». Иркутский областной художественный музей

шил уничтожить градом. Николай, зная об этом, посоветовал мужику продать его попу. Когда Илья узнал, что погубил поле ба-
тюшки Ильинской церкви, решил восстановить ниву и взялся за работу. Николай и тут помог мужику, посоветовав ему выкупить у попа уничтоженное поле. Вскоре заботами Ильи нива налилась тяжелыми колосьями, и мужик стал убирать урожай, а Илья узнал, что вновь обманут. Чтобы разрешить затянувшийся конфликт, Николай

посоветовал мужику купить две свечи — одну большую рублевую, вторую — копеечную, мужик так и сделал. И когда он шел со свечами по дороге в церковь, Никола с Ильей в виде странников повстречались ему.

— Куда, мужичок, путь держишь? — спрашивает его Никола.

— Да вот иду свечу рублевую поставить Илье-пророку, уж такой был милостивый ко мне! Градом поле выбило, так он, батюшка, постарался, вдвое лучше прежнего урожай дал.



Икона «Илья Пророк и Елисей». Иркутский областной художественный музей

— А копеечную?

— Ну эту Николе, — сказал мужик и пошел дальше.

Илья-пророк смиростивился и перестал преследовать мужика. А он с той поры стал одинаково почитать Ильин и Николин дни ¹².



Иконы «Спас» и «Богородица Корсунская». Иркутский областной художественный музей

Беспрерывное участие Бога и святых в жизни крестьян укрепило в народном сознании понятие важности крестьянского труда, от которого зависела жизнь общества и в целом всего государства. Труд крестьянский был настолько значим, что сам Бог занимался им.

Ей в поле, поле, в чистейком поле —
Там же мий оре золотой плужок,
А за тем плужком ходит сам Господь,
Ему погоняет та святой Петро,
Матенька Божия семена носит,
Семена носит. Бога просит:
Зароди, Божейку, яру пшеничку... ¹³

Он же благословил первых людей, Адама и Еву, изгнанных из

¹² Афанасьев А.Н. Народные русские легенды. С. 75.

¹³ Афанасьев А.Н. Поэтическое воззрение славян на природу. Т. 1. С. 758.

рая за непослушание, заняться земледелием, подарив Адаму плуг, а Еве прялку. Таким образом, земледелие стало на земле первой профессией, определенной Богом для человека. Сами крестьяне, олицетворявшие себя в образе былинного



Икона «Апостол Петр». Иркутский областной художественный музей

героя Микулы Селяниновича, представляли собой людей, смогших выполнить Божье повеление и стать земледельцами в высоком смысле этого слова. Они трудились на земле с радостью и любовью, получая от своего труда великое удовлетворение.

Как орет в поле оратай, посвистывает,
А бороздки он пометывает,
А пень-коренья выворачивает,
А большие камни в борозду валит.
У оратая кобылка соловая,
Гужи у нее да шелковые,
Сошка у оратая кленовая,
Омешки на сошке булатнии,
Присошечек у сошки серебряный,
А рогачи-то у сошки красна золота,
У оратая кудри качаются,
Что не скатен жемчуг рассыпаются,
У оратая глаза да ясна сокола,
А брови у него да черно соболя...¹⁴

Каждое слово, сказанное народом по адресу Микулы, несет в себе любованье им, восхищение его красотой, трудолю-

бием и утверждение огромной значимости его в этом мире. Именно ему отдает народ предпочтение перед былинными героями, с которыми сводит Микулу судьба. Вольга со дружиною, услышав в поле работу оратая, три дня добирались до места его пребывания, а сошку его, которую он просил забросить с поля за ракитов куст, дружина Вольги с места сдвинуть не смогла¹⁵.

¹⁴ Афанасьев А.Н. Поэтическое воззрение славян на природу. Т. 1. С. 758.

¹⁵ Вольга и Микула Селянинович // Былины. М., 1986. С. 47.

Господь Бог, благословив человека на труд земледельца, наградил его великой любовью к земле, чтобы не роптал он на тяжесть своей доли, так как труд его был далеко не из легких. Эту крестьянскую любовь и необыкновенную тягу к земле выразил народ в широко известной былине «Святогор богатырь и Микула Селянинович»¹⁶. Содержание былины таково. Раз выехал Святогор богатырь в чисто поле погулять. Ощущая в себе силу необъятную, возмечтал он найти державу, чтобы землю поднять. Но опоры державы не встретил, а увидел впереди идущего мужика с сумочкой за плечами. Стал догонять его, во всю прыть коня пустил, а догнать не может. Тогда Святогор крикнул ему, попросил подождать. Мужик остановился, скинул с плеч сумочку. Подъехавший богатырь заинтересовался ею. Хотел рукояткой плети поднять сумочку, но та даже не ворохнулась. Слез с коня богатырь, взялся за сумочку, «во всю силу богатырскую натужился, от натуги по белу лицу ала кровь пошла, а поднял суму от земли только на волос, по колено ж сам в сыру землю угрыз». Заговорив с мужиком, Святогор узнал, что в сумочке лежит тяга от матери-земли и что мужика зовут Микулой Селяниновичем, которого любит мать сыра земля.

Раскрывая смысл былины, известный писатель-народник XIX в. Глеб Успенский писал: «Тяга земли столь огромна, что с ней не может совладать богатырь, которому ничего не стоит в пух и прах, от нечего делать, целую державу разнести. И этот богатырь едва-едва мог только на волос поднять мужицкую сумочку — ту ношу, которую народ носит за плечами, и так легко, что богатырю не догнать его на добром коне. Тяга и власть земли огромна — до того огромна, что у богатыря алая кровь выступила на лице, когда он попытался поколебать их на волос, а между



И.Я. Билибин. «Вольга и Микула»

¹⁶ Святогор богатырь и Микула Селянинович // Былины.

тем эту тягу и власть народ несет легко, как пустую сумочку»¹⁷. Такова была сила мужицкой любви к земле, что тяжесть труда не ощущалась им.

Беспрерывное участие Бога и святых в жизни народа способствовало также укреплению в нем христианской морали, осно-



И.Я. Билибин. «Святогор и сумочка переметная»

ванной на десяти заповедях Господних, которые в повседневной жизни крестьян выступали первенствующим законом, соблюдение их было необходимым условием жизни в крестьянском обществе. Крестьяне были твердо убеждены, что «жить — Богу служить»¹⁸. Высокие моральные устои, вера в Бога и любовь к земле не позволяли крестьянам вести коренные преобразования в природе. Они могли быть лишь сотворцами Богу. Непременным условием их творчества были глубокое изучение природного явления и приспособление своей деятельности к этим условиям. Вековая народная мудрость утверждала: «Сколько ни мудри, а воли Божьей не

перемудришь», «Больше Бога не будешь»¹⁹. Поэтому вся народная агротехника, в каком бы месте России ни проживали крестьяне, зиждилась на неперменном принципе — приспособляемости хозяйственной деятельности к природным и климатическим условиям.

¹⁷ Успенский Г.И. Из цикла «Власть земли» // Письма из деревни: Очерки о крестьянстве в России второй половины XIX века. М., 1987.

¹⁸ Даль В.И. Пословицы и поговорки русского народа: в 3 т. М., 1993. Т. 2. С. 53.

¹⁹ Там же. С. 58, 59.



* * *

В рассмотренных нами вопросах отношения крестьянства к Богу, земле и труду кроме местных материалов, собранных разными людьми в экспедициях по Иркутской области, в значительном количестве использованы данные общерусского значения: легенды, былины, духовные стихи и т. д. И это вполне закономерно, так как религиозные верования, обычаи и обряды являются общими для всех групп русских людей, где бы они ни проживали, их духовным стержнем, который объединяет нацию в русский народ. Приведенные в главе легенды, духовные стихи, поверья и былины были известны во всех концах нашей необъятной Родины, передавались народом из уст в уста. Не удивительно, что, читая «Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири» Г.В. Афанасьевой-Медведевой, в частности историю хождения Бога по земле, мы обнаружили почти точное сходство с историей, рассказанной одному из авторов ее мамой Полиной Алексеевной Моховой во время проживания ее в детстве на родине в с. Лопатино Скопинского района Рязанской области. При этом точно так же указывались имена людей, у которых Бог побывал.

Иногда обычаи, сохраняя свою главную суть, видоизменяются и могут быть присущи только данному месту. Так, в Иркутской губернии, как и вообще в Сибири, был известен и широко распространен обычай закрывать окна на ночь ставнями и класть на полочку, устроенную на внешней стороне дома, продукты: молоко и хлеб. При этом крестьянки, кладущие для преступников хлеб, говорили: «Хлеб да соль и каторжника остановят». Обычай этот возник из условий народной жизни. Насколько много было беглых каторжников в Сибири и какую опасность они несли населению, свидетельствуют «Записки моего времени» декабриста Н.И. Лорера, который после отбытия каторги в Забайкалье был отправлен на поселение в Иркутскую губернию в с. Култук. В 30-х гг. XIX в., по описанию Н.И. Лорера, в Култуке в основном жили буряты и тунгусы. Н.И. Лорера поселили в единственной избе промышленника-зверолова. Старик-хозяин говорил ему: «Старуха моя сильно о тебе сокрушается <...> заботится о тебе, ведь мы уходим в леса по соболя и всегда оставляем избу пустой для варнаков. Оставляем муки, хлебушка, а они весною, как хищные звери, идут толпами с Яблоневого хребта. Жгут деревни, убивают людей. Правительство высылает против них бурят и платит по 10 рублей ассигнациями за голову. Да всех не пере-

ведешь. Но как ты здесь останешься один, ведь тебя убьют, как узнают, что ты богат»²⁰.

Другой обычай, также связанный с хлебом, развился из-за природных условий. Основные реки Сибири, в отличие от рек Европейской России, текут на север, поэтому часто в низовьях, где лед еще держится, при ледоходе образуются ледовые заторы, ведущие к крупным наводнениям. Вскрытие реки ото льда крестьяне воспринимали как ее роды, и, чтобы помочь ей, чтобы она не ослабела и ледоход прошел без затора, подкармливали ее хлебом, который клали на льдинку. Особенно сильно этот обычай был распространен на р. Лене²¹.

Оба обычая, бытовавшие в Иркутской губернии, несомненно носят местный сибирский характер, вызванный условиями жизни народа, но мировоззренческой основой их являются общерусские верования о защищающей их силе земли, которая в данных случаях выступает через ее производное — хлеб.



²⁰ Мемуары декабристов. М., 1988. С. 434.

²¹ Афанасьева-Медведева Г.В. Указ. соч. С. 188.

Заключение

В результате историко-этнографического изучения юго-западного региона Иркутской губернии (середина XVII – начало XX в.) удалось проследить этапы формирования здесь русского старожильского населения, его хозяйственной деятельности, выявить особенности материальной и духовной культуры.

Первоначальное заселение этих мест (середина XVII – первая половина XVIII в.) совершили казаки и крестьяне. Казаки на бурятских землях поставили остроги, таким образом обеспечив русскому населению возможность поселиться на них. Российское государство объявило эти земли своими и стремилось быстрее заселить их крестьянами, чтобы окончательно закрепить земли за собой, так как соседние государства (Монголия и Китай) претендовали на них, совершая постоянные набеги. Китай даже начал войну с Россией. Его войско разгромило Кумарский острог и осадило Албазин на Амуре.

Правительство понимало, что, только заселив крестьянами эти земли, оно навсегда сохранит их за собой. Предоставив местной администрации право отыскивать пригодные для земледелия места, правительство стало вербовать переселенцев на них. В результате к 1686 г. в Иркутское воеводство переселилось 166 человек, из них 126 душ мужского пола было послано по государеву указу, 40 человек прибыло с севера России добровольно. Большинство из приехавших по государеву указу были из центральных губерний России. Таким образом, в Иркутском воеводстве поселились на жительство крестьяне из центра и с севера России.

Значительную роль в росте населения Иркутского воеводства сыграл Федор Головин, окольничий Петра I. Приехав в 1687 г. в Иркутск, а потом в Селенгинск, он понял, насколько сложно положение России на востоке и что укрепить его могло только заселение края крестьянами. В прошении, отправленном государю, он просил прислать как можно больше крестьян, которые защитили бы эти земли от Китая и Монголии. В 1688 г. правительство направило в Иркутское воеводство 500 крестьян мужского пола, а через 9 лет еще 500 душ. Это и послужило основой заселения Иркутского воеводства.

В 1732 г. в Оекском дистрикте проживало 1 154 души мужского пола, а в Балаганском — 399 душ. Увеличение населения шло за счет естественного прироста, добровольного переселения с севера России, а также за счет ссыльных.

Выявление особенностей материальной и духовной культуры населения Иркутского воеводства позволило рассмотреть процессы формирования русского населения этого региона, проследить его этнокультурные связи.

Первые крестьяне, прибывшие из центра и с севера России, селились в долинах больших и малых рек — Ангары, Китоя, Оки, Иркуты, Куды, Олхи, Большого Кота и т. д., то есть они выбирали для поселения такие же места, как и на европейском севере.

Переселенцы второй волны, начавшейся с 1743 г., также селились в долинах рек — Ангары, Кутулика, Заларей, Зимы, Оки, Кимильтея и Ии по Московскому тракту. Но строили крестьяне свои усадьбы согласно традициям тех мест, откуда прибыли. Часто в одном и том же селении крестьяне севера строили дома по северному образцу, а выходцы из центральных губерний — по образцу средней полосы России.

Постепенно, исходя из природных и климатических условий Предбайкалья, дома стали строиться по образцу средней полосы России. Малоснежная зима, сухая земля позволяли строить дома без подклета. А к середине XIX в. многие дома строились уже по городскому типу, так как частые поездки крестьян, занимавшихся извозом, торговлей и т. п., в город обусловили их знакомство с городской культурой. Большие селения, тянувшиеся вдоль тракта на несколько километров, застраивались жителями по образцу домов города.

Несмотря на распространенность среди жителей трактовой зоны извозного промысла, дворничества, торговли, крестьянские хозяйства занимались в основном товарным производством зерна. Семена зерновых культур — ячменя, ржи, овса, привезенные первыми поселниками края с севера России, позволяли получать урожай за короткое сибирское лето. Этнокультурные связи с Монголией и Китаем дали русским переселенцам возможность заимствовать селенгинскую пшеницу. В отличие от европейской, селенгинская пшеница успевала созревать в условиях Предбайкалья. Поэтому крестьяне, тратя уйму сил и времени и проявляя колоссальное упорство, стали выращивать ее. К началу XX в. пшеница занимала по площади третье место в засевах.

Таким образом, культура старожильского населения Московского тракта сформировалась на основе культуры северян и жителей центра России, переселившихся на юго-запад Иркутской губернии в период освоения Сибири русскими, в соответствии с местными природными и климатическими условиями и с учетом опыта местного населения.

Источники и литература

1. ГАИО. Ф. 24. Оп. 1. Ед. хр. 74. К. 1685. Л. 36, 39, 41–42.
2. ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. Ед. хр. 155. К. 1662. Л. 54–63.
3. ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. Ед. хр. 74. К. 1635. Л. 35.
4. ГАИО. Ф. 31. Оп. 1. Ед. хр. 253. Л. 1–12.
5. ГАИО. Ф. 31. Оп. 3. Ед. хр. 498. Л. 1–11.
6. ГАИО. Ф. 31. Оп. 3. Д. 460.
7. ГАИО. Ф. 31. Оп. 4. Д. 12. Л. 1.
8. ГАИО. Ф. 31. Оп. 4. Д. 15. Л. 1, 2, 3–3 об.
9. ГАИО. Ф. 32. Оп. 6. Д. 6.
10. ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 773. Л. 9–10.
11. ГАИО. Ф. 593. Оп. 1. Ед. хр. 14. Оц. № 6.
12. РГАДА. Ф. 199. № 481.7.7. Л. 39–39 об.
13. РГАДА. Ф. 199. № 511. Ч. 1. Д-8. Л. 3 об.
14. РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Ед. хр. 1481. Л. 4 об., 5–5 об., 7–7 об., 9, 91.
15. РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Ед. хр. 1481-7. Л. 35.
16. РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Ед. хр. 517. Ч. 1. Л. 12.
17. РГАДА. Ф. 199. № 365. Ч. 1. Ед. хр. 1.
18. РГАДА. Ф. 199. Д. 481.7. Л. 5 об., 39–39 об.
19. РГАДА. Ф. 199. Ед. хр. 517. Ч. 1. Д. 12, 21.
20. РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Ед. хр. 481. Ч. 7. Л. 6–6 об., 7–7 об., 22–25.
21. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 941. Перечень земель, сенокосных и прочих угодий у пассацких, пашенных, монастырских и всякого чина людей в слободах и деревнях Иркутского острога. Л. 80–242.
22. РГАДА. Ф. 214. Д. 641, 647.
23. РГАДА. Ф. 350. Д. 1052.
24. РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Ед. хр. 1056.
25. РГАДА. Ф. 350. Оп. 3. Д. 945. Ед. хр. 4478а.
26. РГАДА. Ф. 350. Оп. 3. Л. 199.
27. РГАДА. Ф. 1121. Оп. 1. Д. 346. Л. 112.
28. РГАДА. Ф. 1121. Оп. 1. Ед. хр. 304. Л. 43–49.
29. РГАДА. Ф. 1121. Оп. 1. Ед. хр. 305.
30. РГАДА. Ф. 1121. Оп. 1. Ед. хр. 423. Л. 26–37.
31. РГАДА. Ф. 1121. Оп. 1. Ед. хр. 457. Л. 124.
32. РГАДА. Ф. 1121. Оп. 1. Ед. хр. 460. Л. 5.

33. РГАДА. Ф. 1121. Д. 1-а. Л. 102.
34. РГАДА. Ф. 1121. Д. 9. Л. 21.
35. Авдеева-Полевая Е. Записки и замечания о Сибири // Записки иркутских жителей. Иркутск, 1990.
36. Александров В.Н. Русское население Сибири. XVII – нач. XVIII вв. М., 1964.
37. Алексеев М.П. Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей. Иркутск, 1941.
38. Анциферов Н.В. Отчий край — земля Куйтунская. Иркутск, 2002.
39. Артемьев А.Р. Албазинский острог // Тальцы (Иркутск). 1999. № 2.
40. Астырев Н.М. На таежных прогалинах. М., 1891.
41. Атлас Иркутской области. М.; Иркутск, 1962.
42. Афанасьев А.Н. Народные русские легенды. Новосибирск, 1990.
43. Афанасьев А.Н. Поэтическое воззрение крестьян на природу. М., 1996. Т. 1.
44. Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири. Иркутск, 2007. Т. 1.
45. Ащепков Е.А. Деревянное зодчество Восточной Сибири. Новосибирск, 1950.
46. Батуев Б.Б. Буряты в XVII–XVIII вв. Улан-Удэ, 1996.
47. Бахрушин С.В. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII–XVIII вв. М., 1927.
48. Бобков А. От стен Иркутского острога. Иркутск, 2006.
49. Богомолова Р.Т. Огород во славу Божью. М., 2002.
50. Болонев Ф.Ф. Народный календарь семейских Забайкалья. Новосибирск, 1972.
51. Большая советская энциклопедия. М., 1974. Т. 16.
52. Бояркин В.М. География Иркутской области. Иркутск, 1995.
53. Бояркин В.М., Бояркин И.В. География Иркутской области. Иркутск, 2007.
54. Братющенко Ю.В. К летописи Нижнеудинска // Земля Иркутская. 2007. № 1.
55. Бубис Н. Урик — старинное волостное село // Мозаика Иркутской губернии. Иркутск, 2007.
56. Былины. М., 1986.
57. Бычков О.В. Бельская башня: К истории создания дозорного форпоста на русско-китайской границе // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. Владивосток, [б. г.]. Т. 2.
58. Вагнер Г.К. Деревянное зодчество по Якутскому тракту // Советская этнография. 1958. № 6.
59. Вагнер Г.К. Деревянное зодчество Среднего Приангарья // Советская этнография. 1956. № 3.
60. Винокуров М.А., Суходолов А.П. Экономика Сибири. 1900–1928 гг. Новосибирск, 1996.



61. Воробьев В.В. Формирование населения Восточной Сибири. Новосибирск, 1975.
62. Гагемейстер Ю.А. Статистическое обозрение Сибири. СПб., 1854.
63. Георги Г.И. Описание всех живущих в Российском государстве народов и их житейских обрядов, одежд, жилищ, вероисповедований и других достопримечательностей. СПб., 1799.
64. Гольдфарб С. Иркутская почта. Иркутск, 1998.
65. Григорьев А.Д. Устройство и заселение Московского тракта в Сибири с точки зрения изучения русских говоров // Известия института исследования Сибири. Томск, 1921. Вып. 6.
66. Громов П. Начало христианства в Иркутске. Иркутск, 1868.
67. Громыко М.Н. Мир русской деревни. М., 1991.
68. Гурулев С.А. Иркутяне — дипломаты // Сибирь (Иркутск). 2005. № 3.
69. Даль В.И. Пословицы и поговорки русского народа: в 3 т. М., 1993. Т. 3.
70. Даль В.И. Толковый словарь русского живого языка. М., 1982. Т. 4.
71. Дамешек И.Л. Гениальнейший администратор и истинный хозяин края // Земля Иркутская. 2006. № 1.
72. Душкин Ю. Историческая справка по истории развития с. Тельма. Архив ЦСН.
73. Ермолов А.С. Всенародная агрономия. М., 1996.
74. Забелин И.Е. Черты самобытности в древнерусском народном зодчестве. М., 1900.
75. Загоскин М.В. Одна из сибирских общин, с. Грановщина. Иркутск, 1891.
76. Зоркин В. Иркутские градоначальники. Иркутск, 2000; Иркутск, 2002.
77. Зубарев Н.К. Почтовая станция Половинная // История, этнография, архитектура подгородно-трактовых сел. Иркутск, 2002.
78. Зуев А.С. Сибирь: вехи истории. Новосибирск, 1999.
79. Кабузан В.М., Троицкий С.М. Заселение Восточной Сибири в первой половине XVIII в. // Сибирь в XVII – первой половине XVIII в. Новосибирск, 1962.
80. Кабузан В.М., Троицкий С.М. Новые источники по истории заселения Восточной Сибири // Советская этнография. 1966. № 3.
81. Калинина И.В. Православные храмы Иркутской епархии. М., 2000.
82. Кашик О.И. Заселение Иркутского и Нерчинского уездов в XVII – начале XVIII в. Иркутск, 1952.
83. Кашик О.И. К вопросу о положении пашенных крестьян Восточной Сибири в XVII — первой половине XVIII в. // Сибирь в XVII – первой половине XVIII в. Новосибирск, 1962.
84. Кеннан Д. Сибирь и ссылка. СПб., 1999. Т. 1.
85. Кожин В. Загадки истории XX в. // Наш современник. 2000. № 5.
86. Копылов А.Н. Очерки культурной жизни Сибири XVII – начала XVIII в. Новосибирск, 1974.

87. Короленко В.Г. Сибирские рассказы и очерки. Иркутск, 1945.
88. Красноштанов Г.Б. Существовал ли Тутурский острожек? // Известия АЭМ «Тальцы» (Иркутск). 2006. Вып. 6.
89. Кропоткин П.А. Письма из Восточной Сибири. Иркутск, 1983.
90. Кудрявцев Ф.А. История бурят-монгольского народа от XVII века до 60 годов XIX века : оч. М.; Л., 1940.
91. Мартос А. Письма о Восточной Сибири. М., 1827.
92. Материалы обследования сел и деревень трактовой историко-культурной зоны. Архив ЦСН.
93. Материалы обследования селений по тракту сотрудниками АЭМ «Тальцы».
94. Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Иркутск, 1889. Т. 1, вып. 1. М., 1890. Т. 2, вып. 2, 4.
95. Мельхеев М.Н. Географические названия Восточной Сибири. Иркутск, 1995.
96. Мемуары декабристов. М., 1988.
97. Миллер Г.Ф. История Сибири. М., 2005.
98. Молодых И.А., Кулаков П.Е. Иллюстрированное описание быта сельского населения Иркутской губернии. СПб., 1896.
99. Никитин Н.И. Сибирская эпопея XVII в. М., 1987.
100. Окладников А.П. Из истории русско-бурятских отношений. Улан-Удэ, 1958.
101. Орфинский В.П., Яскелян А.Т. Хронологическая атрибуция сооружений деревянного культового зодчества // Народное зодчество. Петрозаводск, 1999.
102. Паллас С.П. Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб., 1778. Кн. 1, ч. 3.
103. Памятники Сибирской истории XVIII в. СПб., 1885. Кн. 2: 1713–1724 гг.
104. Паршин В. Описание пути от Иркутска до Москвы. М., 1851.
105. Пежемский П.М., Кротов В.А. Иркутская летопись. Иркутск, 1911.
106. Перечень населенных пунктов Иркутской губернии. Иркутск, 1911.
107. Писарев В.Е. Тулунское опытное поле. Иркутск, 1916.
108. Повсеместные верования крестьян Иркутской губернии. Материалы экспедиций. Из личного архива А.К. Нефедьевой.
109. Покшишевский В.В. Заселение Сибири. Иркутск, 1951.
110. Полунина Н.М. Хроника основания сибирских острогов // Тальцы (Иркутск). 1999. № 2.
111. Попов Н. Очерки старой ямщины в Прибайкалье // Жизнь Бурятии. 1925. № 5–6.
112. Распутин В.Г. Земля // Сибирь. 2007. № 1.
113. Решетников Ф.М. Очерки обозной жизни // Очерки народной жизни. М., 1986.
114. Русские: энцикл. СПб., 2003.



115. Сборник документов по истории Бурятии. XVII в. Улан-Удэ, 1960. Вып. 1.
116. Свиток Ерусалимский // Духовные стихи. М., 1991.
117. Свод российских законов. М., 1857. Т. 14.
118. Севан О.Г. Типология жилых домов русского Севера. 1981. Т. 1. Музей «Малые Корелы», арх. № 1739, шифр 120.
119. Серебренников И.И. Памятники старинного деревянного зодчества Иркутской губернии. Иркутск, 1915.
120. Серебренников И.И. Покорение и первоначальное заселение Иркутской губернии. Иркутск, 1915.
121. Соловьева М.Р. Трудовые традиции сибирского крестьянства и казачества (по материалам устной народной прозы) // Известия АЭМ «Тальцы» (Иркутск). 2005. Вып. 4.
122. Соломеина Ю.Б. Кутулик. Прикосновение к прошлому // История, этнография и архитектура подгородно-трактовых сел Предбайкалья. Иркутск, 2002.
123. Успенский Г.И. Из цикла «Власть земли» // Письма из деревни. Очерки о крестьянстве в России второй половины XIX века. М., 1987.
124. Ханюкова С.С. Из истории с. Кимильтей // История, этнография, архитектура подгородно-трактовых сел Предбайкалья. Иркутск, 2002.
125. Хобта А.В. Начало устройства Московского тракта в Иркутской губернии // Земля Иркутская. 2004. № 3.
126. Чехов А.П. Из Сибири. Иркутск, 1985.
127. Шангина И.И. Русский народ. Будни и праздники: энцикл. СПб., 2003.
128. Шахеров В.П. Форпост в Предбайкалье // Земля Иркутская. 2001. № 6.
129. Шерстобоев В.И. Илимская пашня. Иркутск, 2001. Т. 1.
130. Шунков В.И. Очерки по истории земледелия Сибири (XVII в.). М., 1956.
131. Шунков В.И. Очерки по истории колонизации Сибири XVII – начала XVIII в. М.; Л., 1946.
132. Щапов А.П. Сочинения: в 3 т. СПб., 1860. Т. 1.
133. Экспедиция Беринга: сб. док. М., 1941.
134. Ядринцев Н.М. Через Байкал // Восточное обозрение. 1889. № 14.

Оглавление

<i>Введение</i>	3
 <i>Глава 1</i>	
Характеристика трактовой историко-культурной зоны: территория, полезные ископаемые, природные и климати- ческие условия	14
 <i>Глава 2</i>	
Буряты Предбайкалья: XVII – первая половина XVIII века . .	23
 <i>Глава 3</i>	
Заселение Иркутского уезда в XVII веке	40
 <i>Глава 4</i>	
Заселение Московского тракта	81
Строительство Московского тракта	128
 <i>Глава 5</i>	
Заселение трактовых земель в XIX веке	139
 <i>Глава 6</i>	
Роль ссыльных в освоении земель, примыкавших к Московскому тракту Иркутской губернии	175
 <i>Глава 7</i>	
Промыслы	190
Земледелие	190
Животноводство	216

Извоз	221
Дворничество	241
Торговля	245
Санно-тележный промысел	252

Глава 8

Планировочная структура сел и деревень трактовых земель	264
Планировка усадеб трактовой историко-культурной зоны	267
Архитектура трактовых сел Предбайкалья	275

Глава 9

Религиозно-этические взгляды крестьян на землю и труд	296
--	-----

Заключение	311
-----------------------------	------------

Источники и литература	313
---	------------

Нефедьева Александра Карповна
Тихонов Владимир Викторович
МОСКОВСКИЙ ТРАКТ

В книге использованы фотографии А.К. Нефедьевой, В.В. Тихонова, Г.В. Афанасьевой-Медведевой, И.Ю. Берзинского, Н.И. Гошкив, С. Коровкина, Ю.П. Лыхина, И.И. Серебренникова, М.Г. Степанова, А.В. Сладного, О.Ю. Фроловой, А.А. Чертилова, В.Т. Щербина, а также из личных архивов Г.Г. Оранской и С. Нефедьева.

На титульном — репродукция картины Б.П. Виллевальде «Сцена у верстового столба»

Редактор *Г.Д. Лопатовская*

Художник *О.Ю. Фролова*

Дизайн макета и компьютерная верстка
Н.А. Мазутовой

Подписано в печать 10.03.2010. Формат 70х100/16.
Усл. печ. л. 26. Тираж 1000 экз. Цена свободная

ГУК АЭМ «Тальцы»
664003, Иркутск, ул. Грязнова, 22
Тел.: 69-56-58

Изготовлено в типографии ООО «Репроцентр А1»
664047, Иркутск, ул. А. Невского, 99/2
Тел.: 540-940